АКАДЕМИЯ НАУК КАЗАХСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
им. Ч. Ч. ВАЛИХАНОВА

К. А. ПИЩУЛИНА

ЮГО-ВОСТОЧНЫЙ КАЗАХСТАН В СЕРЕДИНЕ XIV—НАЧАЛЕ XVI ВЕКОВ

(ВОПРОСЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ)

Издательство «НАУКА» Казахской ССР
АЛМА-АТА·1977

Пищулина К. А. **Юго-Восточный Казахстан в середине XIV — начале XVI веков (вопросы политической и социально-экономической истории).** Алма-Ата, «Наука» КазССР, 1977.

Юго-Восточный Казахстан — один из регионов, где формировалась казахская народность, казахская государственность. На основе анализа письменных, преимущественно восточных источников в работе исследуются вопросы политической и социально-экономической истории этого района, входившего в XIV—XV вв. в состав Могулистана. Показаны отрицательные последствия нашествия Чингиз-хана на исторические судьбы племен и народностей Семиречья. Освещены факторы, способствовавшие образованию Могулистана, развитию в нем феодальной раздробленности. Изучены вопросы взаимоотношений с соседними государствами, в том числе с Ак-Ордой. Дан анализ состояния скотоводческого и земледельческого хозяйства Юго-Восточного Казахстана, развития в нем феодальных отношений. Рассмотрены предпосылки и образование Казахского ханства.

Книга рассчитана на историков, востоковедов, преподавателей школ и вузов, студентов и аспирантов, а также на всех, кто интересуется историческим прошлым казахского народа.

Ответственный редактор
академик АН КазССР А. Н. НУСУПБЕКОВ

П $\frac{10604—055}{407(07)—77}$ 127—77

© Издательство «Наука» Казахской ССР. 1977 г.

ВВЕДЕНИЕ

ПРОБЛЕМА, ЕЕ РАЗРАБОТКА, ОБЗОР ИСТОЧНИКОВ

Казахстанская историография, опираясь на достижения археологии и источниковедения (особенно в разработке восточных источников), в последние десятилетия шагнула вперед в изучении древней и средневековой истории республики. Исследуются многие проблемы казахстанской медиевистики: возникновение социального неравенства и появление классов, складывание племенных союзов и этно-политических образований, появление феодальных государств на территории Казахстана и формирование казахской народности. Особое место в этом ряду занимает проблема социально-экономических отношений в средневековом Казахстане, сочетания общих закономерностей и своеобразия в развитии феодальных отношений в этом регионе, связанного главным образом с особым соотношением в одной этнической общности, в одной народности различных форм хозяйственной деятельности — кочевой (скотоводческой) и оседлой (земледельческой). Однако ряд вопросов не только социально-экономической, этнической, но и политической истории остается неисследованным. Мало разработана, в частности, проблема Могулистана, место и роль этого феодального государства в политической, хозяйственной, этнической истории населения Юго-Восточного Казахстана.

Юго-Восточный Казахстан занимал важное место в истории древнего и средневекового Казахстана. На протяжении многих столетий этот район (Семиречье [1]) наряду с Южным Казахстаном играл ведущую роль в истории казахского народа и его предков, в эволюции производительных сил и общественных отношений, в формировании казахской народности и государственности, в развитии материальной и духовной культуры казахов. Особенности естественно-географических условий, а также исторически сложившийся путь политического и экономического развития выделили Семиречье в обособленный хозяйственный район, в котором с глубокой древности наряду с кочевым и полукочевым скотоводством существовало оседлое земледелие, возникали поселения и города. Как и в Южном Казахстане, классовые феодальные отношения возникли здесь раньше и развивались быстрее по сравнению с Центральным и Западным Казахстаном, что определило более интенсивное развитие феодальной государственности и связанного с ним процесса складывания народности. Юго-Восточный Казахстан был одним из трех главных этно-политических узлов, в которых тюркские и тюркизированные племена формировались в этническую общность — в казахскую народность.

---

[1] Здесь и далее историко-географический термин *Семиречье* (*каз.* Жетысу) употребляется в соответствии с самым широким толкованием его в исторических и археологических исследованиях, в трудах по исторической географии как региона Юго-Восточного Казахстана (от оз. Ала-Куль и хр. Тарбагатай до Таласской долины и отрогов Каратау, от оз. Балхаш до хр. Тянь-Шаня Кетмен-тау и Заилийский Алатау), а не в более узком понятии района собственно «семи рек», в числе которых исследователи (Р. И. Аболин, В. В. Бартольд, А. Г. Вламгали, А. К. Гейнс и др.) видят то Лепсу, Баскан, Саркан, Аксу, Биень, Каратал, Коксу, то включают в это число Или, Аягуз, то иную вариацию упомянутых и других рек (см.: **Бартольд В. В.** История культурной жизни Туркестана. Соч., т. II, ч. 1. М., 1963, с. 320, прим. 3; **Он же.** Киргизы. Исторический очерк; там же, с. 511, 512).

При передаче имен собственных, терминов, географических названий использованы принципы, примененные при издании книги «Материалы по истории казахских ханств XV—XVIII веков». Алма-Ата, 1969. При составлении карты-схемы использованы опубликованные данные казахстанских и киргизских археологов.

Обособленность Юго-Восточного Казахстана усилилась после монгольского нашествия в связи с насильственным разделением территории Казахстана между несколькими монгольскими государствами. Монгольское нашествие надолго задержало экономическое, социальное и политическое развитие Юго-Восточного Казахстана. С образованием Могулистана в середине XIV в. появилась некоторая возможность самостоятельного развития края. Начался новый этап в развитии Юго-Восточного Казахстана — восстановление прерванного монгольским нашествием развития государственности и этнического сплочения местного населения.

В предлагаемой монографии на основе марксистско-ленинского учения о социально-экономических формациях, в частности о феодализме на Востоке, и на базе письменных, преимущественно восточных источников, обобщения исторической литературы сделана попытка осветить ряд вопросов политической и социально-экономической истории Юго-Восточного Казахстана во второй половине XIV — начале XVI в., т. е. в период, когда вместе с территорией современной Киргизской ССР этот район составлял государство Могулистан. История Могулистана рассматривается нами в основном в связи с историей Юго-Восточного Казахстана.

Хронологические рамки исследования определены не только временем существования на территории Юго-Восточного Казахстана и Киргизии сложившегося в основном на базе автохтонных племен Могулистана и временем возникновения и упрочения во второй половине XV — начале XVI в. Казахского ханства, но и общими факторами исторического развития казахстанско-среднеазиатского региона, истории нашей страны в целом, а также сопредельных стран зарубежного Востока. Общность исторических судеб тюркских народностей, формировавшихся или завершавших свое этническое формирование в этот период на территории Казахстана, Киргизии, Средней Азии, Поволжья, очевидна. Это был период, когда на развалинах империи Чингиз-хана и в борьбе с ней ускоренно развивались

процессы, определившие историческую будущность многих народов нашей страны. Именно в этот период сложилось и окрепло русское централизованное государство, а население Средней Азии и Казахстана, Сибири и Поволжья в ходе антимонгольской борьбы и развала Чагатайского улуса и Улуса Джучи (Золотой Орды) постепенно восстанавливало нормальные условия жизни, прерванные агрессией Чингиз-хана и монгольских феодалов. Возобновился задержанный монгольским завоеванием почти на полтора-два столетия естественный ход хозяйственного, социального, государственного и этнического развития населения этих областей. В рамках местных феодальных государств в XIV—XV вв. завершилась консолидация узбекской народности, этнически оформлялись через образование целого ряда тюркоязычных этно-политических общностей на территории Мавераннахра, Хорезма, Тянь-Шаня, Семиречья, Дашт- и Кипчака, Поволжья киргизская, каракалпакская, туркменская, башкирская и другие народности[2].

XIV—XV столетия — особо важный период в процессе формирования и казахской народности. Для него характерно интенсивное развитие государственно-политических, социально-экономических, этнических отношений у тюркских и тюркизированных племен средневекового Казахстана. Важную роль в этих процессах сыграли те тюркоязычные племена, которые издавна обитали в Семиречье и в эти столетия вместе с формировавшимся киргизским народом имели свое государство — Могулистан.

---

[2] **Абрамзон С. М.** Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Л., 1971; **Агаджанов С. Г.** Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX—XIII вв. Ашхабад, 1969; **Гафуров Б. Г.** Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. М., 1972; **Жданко Т. А.** Каракалпаки Хорезмского оазиса. — «Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции», 1952, т. I; История Каракалпакской АССР. Ташкент, 1974; **Кузеев Р. Г.** Происхождение башкирского народа. Этнический состав, история расселения. М., 1974; **Потапов Л. П.** Этнический состав и происхождение алтайцев. Л., 1969; **Шаниязов К. Ш.** К этнической истории узбекского народа. Историко-этнографическое исследование на материалах Кипчакского компонента. Ташкент, 1974.

В работе ставится задача выявить место населения Юго-Восточного Казахстана в общеисторических и этногенетических процессах, протекавших в эти столетия в рамках этнической территории казахских племен, определить значение исторических судеб Семиречья в ходе вызревания предпосылок для возникновения и укрепления Казахского ханства во второй половине XV в. До сих пор недостаточно изучены взаимоотношения, связи казахского населения Семиречья с населением других районов Казахстана (с государством Ак-Орда и ханством Абулхайра), с киргизами Прииссыкулья и долин Тянь-Шаня, с населением Средней Азии и Восточного Туркестана, развитие дружественных контактов между ними в ходе совместной борьбы против монгольских завоевателей, эмира Тимура и др., а также в ходе объединения их в рамках феодальных государств. Не одними только набегами и военными столкновениями (хотя лишь они нашли в основном отражение в письменных источниках — нарративных сочинениях, хрониках придворных авторов), а мирными связями и контактами интересна история населения феодальных государств, существовавших в средневековье в этих районах. В работе выясняется роль коренного населения Семиречья в образовании Казахского ханства, появление которого способствовало ликвидации политической обособленности Юго-Восточного Казахстана от других районов расселения казахов.

Анализ политической и социально-экономической истории Семиречья представляет большой интерес не только с точки зрения познавательной, но и с позиций идеологической борьбы против буржуазных фальсификаторов истории. Еще раз подтверждается правота советских исследователей, историков Монгольской Народной Республики и ученых других братских стран, а также прогрессивных исследователей Запада, раскрывающих ошибочность идеалистических концепций, согласно которым многовековое существование номадов не оставило никаких свидетельств поступательного развития, сколько-нибудь заметных социальных сдвигов, поскольку кочевники не имели якобы своей

истории, не знали классового общества, не способны были создать свою государственность. На примере истории Юго-Восточного Казахстана видно, что казахский народ и составившие его племена и другие этнические общности и группы развивались в общем направлении поступательного движения человечества; в его составе были и кочевые, и оседлые элементы; крупные кочевые и полукочевые этнические и этнополитические общности и народности имели свою государственность. Таким государством наряду с Ак-Ордой, ханством Абулхайра, Ногайской Ордой, а позже и Казахским ханством, был Могулистан.

* * *

В русской и советской исторической литературе[3] в той или иной степени уже затрагивались вопросы политической и этнической истории Семиречья в период вхождения его в государство могульских ханов. «Очерк

---

[3] **Азимджанова С. А.** К истории Ферганы второй половины XV в. Ташкент, 1957; **Акимушкин О. Ф.** К вопросу о внешнеполитических связях Могольского государства с узбеками и казахами в 30-х гг. XVI — 60-х гг. XVII в. — «Палестинский сборник», т. XXI. М.—Л., 1970; **Аристов Н. А.** Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности. — В кн.: Живая старина, 1896, вып. 3—4, с. 277—456; **Ахмедов Б. А.** Улугбек и политическая жизнь Мавераннахра первой половины XV в. — В кн.: Из истории эпохи Улугбека. Ташкент, 1965; **Бартольд В. В.** Очерк истории Семиречья. Соч., т. II, ч. 1. М., 1963, с. 21—106; **Он же.** История культурной жизни Туркестана. Соч., т. II, ч. 1, с. 167—433; **Он же.** Киргизы. Исторический очерк. Соч., т. II, ч. 1, с. 471—543; **Он же.** О христианстве в Туркестане в домонгольский период (по поводу семиреченских надписей). Соч. т. II, ч. 2. М., 1964, с. 265—302; **Байпаков К. М.** Раннесредневековые города и поселения Северо-Восточного Семиречья. — В кн.: Новое в археологии Казахстана. Алма-Ата, 1968, с. 68—84; **Бернштам А. Н.** Памятники старины Таласской долины. Алма-Ата, 1941; **Он же.** Памятники старины Алма-Атинской области. — «Известия АН КазССР», 1948, № 46, вып. 1, с. 79—91; **Он же.** Археологический очерк Северной Киргизии. Фрунзе, 1941; **Бичурин Н. Я. (Иакинф).** Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. I—III. М.—Л., 1950—1953; **Валиханов Ч. Ч.** Очерки Джунгарии. Собр. соч., т. I. Алма-Ата, 1961; **Он же.** Киргизское родословие. Собр. соч., т. I; **Вельяминов-Зернов В. В.** Исследование о Касимовских царях и царевичах. Ч. 2.

истории Семиречья» В. В. Бартольда до сих пор «прочно сохраняет свое научное значение, оставаясь самым полным и систематическим обзором политической истории Семиречья с древних времен и до середины XVIII в.» [4]. Глава «Моголистан» из этого труда крупнейшего русского востоковеда и поныне является единственно точным, но очень кратким перечнем основных событий политической жизни государства. Отдельные вопросы политической истории Могулистана исследовались и в других работах В. В. Бартольда, но в основном в связи с историей Средней Азии и Киргизии. Некоторые моменты истории Юго-Восточного Казахстана освещены в работах С. К. Ибрагимова, К. М. Байпакова, Л. Б. Ерзаковича, Т. И. Султанова и других исследователей истории и археологии средневекового Казахстана. Тема Могулистана в связи с историей узбеков и киргизов затрагивалась в работах П. П. Иванова, Б. А. Ахмедова, С. А. Азимджановой, К. И. Петрова и др.

Вопросы этнического развития Юго-Восточного Ка-

Спб., 1864; **Ерзакович Л. Б.** О позднесредневековом городище Аспара. — В кн.: Новое в археологии Казахстана. Алма-Ата, 1968, с. 85—97; **Иванов П. П.** Очерки по истории Средней Азии (XVI — середина XIX в.). М., 1958; **Ибрагимов С. К.** К истории Казахстана в XV в. — «Вопросы филологии и истории стран советского и зарубежного Востока». М., 1961; **Он же.** Еще раз о термине *казак*. — «Труды ИИАЭ АН КазССР», 1960, т. VIII, с. 66—71; **Он же.** Некоторые данные к истории казахов XV—XVI вв. — «Известия АН КазССР», 1956, вып. 3, с. 107—113; **История** Казахской ССР, т. I. Алма-Ата, 1957; **История** Киргизской ССР, т. I. Фрунзе, 1968; **Кожемяко П. Н.** Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины. Фрунзе, 1959; **Петров К. И.** Киргизско-кипчакские отношения. — «Известия АН Кирг. ССР, сер. обществ. наук», 1961, т. III, вып. 2, с. 81—106: **Он же.** К истории движения киргизов на Тянь-Шань и их взаимоотношений с ойратами в XIII—XV вв. Фрунзе, 1961; **Он же.** Очерки феодальных отношений у киргизов в XV—XVIII вв. Фрунзе, 1961; **Султанов Т. И.** С. К. Ибрагимов и его историко-востоковедческие исследования. — В кн.: Страны и народы Востока. М., 1971, с. 241—248; **Он же.** Некоторые замечания о начале казахской государственности. — «Известия АН КазССР, сер. обществ. наук», 1971, № 1, с. 54—57, и др.

[4] **Ромодин В. А.** Предисловие ко II тому сочинений В. В. Бартольда, ч. 1. М., 1963, с. 6.

захстана освещены в работах В. В. Вострова, М. С. Муканова и В. П. Юдина[5].

Из зарубежных авторов, изучавших историю Центральной и Средней Азии, отдельные моменты политической истории Могулистана затрагивали Г. Ховорс, Д' Оссон, Ф. Скрайн, Д. Росс, Г. Юль, А. Штейн[6] и др. Много интересных комментариев к политической истории Могулистана содержится во вступительной статье к переводу сочинения Мухаммад Хайдара на английский язык[7].

Тем не менее до сих пор в историографии среднеазиатско-казахстанского региона нет труда по истории Могулистана в целом, как нет в историографии Казахстана исследования, в котором рассматривались бы в комплексе вопросы политической, социальной, хозяйственной, этнической жизни населения Юго-Восточного Казахстана, в частности в преддверии образования Казахского ханства и завершения консолидации казахской народности. Поскольку Юго-Восточному Казахстану принадлежит важная роль в исторических судьбах казахского народа в период его формирования

---

[5] **Востров В. В., Муканов М. С.** Родо-племенной состав и расселение казахов (конец XIX — начало XX в.). Алма-Ата, 1968; **Муканов М. С.** Этнический состав и расселение казахов Среднего жуза. Алма-Ата, 1974; **Юдин В. П.** О родо-племенном составе могулов Могулистана и Могулии и их этнических связях с казахским и другими соседними народами. — «Известия АН КазССР, сер. обществ. наук», 1965, вып. 3.

[6] **Howorth H. H.** History of the Mongols from the 9th to the 19th Century, pt. I. The Mongols proper and the Kalmaks. London, 1876; pt. II, The so-called Tartars of Russia and Central Asia. London, 1880; **d'Ohsson C.** Histoire des Mongols, dépuis Tchinguiz-khan jusqu'a Timour bey ou Tamerlan, t. I—IV, ed. 3. Amsterdam, 1892; **Skrine F. H., Ross E. D.** The Heart of Asia. A History of Russian Turkestan and the Central Asian Khanates from the Earliest Times. London, 1899; [**Yule H.**] Cathay and the way thither; being a collection of mediaeval notices of China, transl. and ed. by H. Yule. With a preliminary essay on the intercourse between China and the Western nations previous to the discovery of the Cape route, v. I—II. London, 1866; **Stein A.** On ancient Central Asian tracks. London, 1933.

[7] The Tarikh- i Rashidi of **Mirza Muhammad Haidar, Dughlat.** A History ot the Moghuls of Central Asia. An English version. Ed. with commentary, notes and map by N. Elias. The translation by E. Denison Ross. London, 1895.

и сложения казахской государственности, необходимо выявить место в истории средневекового Казахстана феодального государства, возникшего в середине XIV в. на территории Юго-Восточного Казахстана и Киргизии (Семиречья и Тянь-Шаня). Это важно и для собственно казахстанской историографии, актуальнейшей задачей которой в области средневековья является исследование этногенеза и этнической истории казахского народа, его государственности, социально-хозяйственного и культурного развития.

Со времени опубликования работ В. В. Бартольда, выявивших основные контуры политической истории Могулистана, казахстанскими и киргизскими археологами накоплен и осмыслен вещественный материал, изданы тексты ряда письменных восточных источников. Это облегчает поставленную в данной работе задачу — рассмотреть вопросы политической и социально-экономической истории Юго-Восточного Казахстана в середине XIV — начале XVI в. Однако сразу же следует отметить, что число источников невелико и материала в них по казахстанике мало.

Немногочисленность источников не позволяет раскрыть многие стороны политического и тем более социально-экономического развития района. Лучше всего освещена история внешнеполитических связей и отношений с сопредельными государствами, так как авторы этих источников, происходившие в основном из соседних стран, касались лишь внешнего аспекта политической истории Могулистана. То, что подробно освещено в источниках, детальнее может быть рассмотрено и в исследовании, хотя изучение этих вопросов интересно не только само по себе, но позволяет лучше понять процессы внутренней истории, в основном политической, в некоторой степени и социальной.

Внешнеполитические связи и отношения существенно влияли как на развитие общественных отношений, так и на хозяйственное положение: процесс феодализации ускорялся под воздействием взаимоотношений, особенно экономических, торговых с соседними развитыми феодальными обществами оседло-земледельческих районов Средней Азии и Восточного Тур-

кестана; в то же время разрушительные, грабительские войны и набеги тормозили экономическое, социальное и политическое развитие края. Недостаток материалов по социально-экономическому и этническому развитию ставит перед необходимостью систематизировать вначале основные факты политической истории Юго-Восточного Казахстана, как внешней, так и внутренней, а уже через выяснение политической истории в некоторой степени ответить на вопросы социально-экономического положения края.

Прежде чем переходить к характеристике источников, следует сказать о том, что такое Могулистан и кто такие могулы, кого называют этим именем в исторических источниках и в научной литературе, какова необходимость изучения могулов и Могулистана, правомерно ли исследовать их историю, если ставится задача изучения истории Юго-Восточного Казахстана.

Образованное в середине XIV в. в восточной части бывшего Чагатайского улуса государство получило название Могулистан (مغولستان), т. е. страна могулов. Границы его известны по сочинению «Та'рих-и Рашиди» Мирза Мухаммад Хайдара: «...та территория, которая теперь называется Могулистаном, имеет в длину и ширину [протяженность] 7—8 месяцев пути. Восточная окраина [Могулистана] примыкает к землям калмаков и [включает в себя] Барскуль, Эмиль и Иртыш. На севере его граница включает Кокча-Тенгиз (Балхаш), Бум и Каратал, на западе [Могулистан] граничит с Туркестаном и Ташкентом; на юге — с вилайетом Фергана, Кашгаром, Аксу, Чалышем и Турфаном» [8]. Показаны расстояния по южной границе: от Ташкента до Андижана — 10, от Андижана до Кашгара — 20, оттуда (от Кашгара) до Аксу — 15, от Аксу до Чалыша — 20, от Чалыша до Турфана — 10, от Турфана до Барскуля — 15 дней пути. «Барскуль является восточной границей Могулистана. Протяженность [южной границы] составляет трехмесячный путь торгового каравана и имеет девяносто дневных

[8] **Мирза Мухаммад Хайдар дуглат.** Та'рих-и Рашиди. Рук. ИВ АН УзССР № 1430, л. 237а.

переходов». «В Могулистане имеется много крупных рек, по величине равных Джайхуну (Амударье), среди них Или, Эмиль, Иртыш, Чуйлик (Чу) и Нарын. Эти реки ничуть не меньше Сайхуна (Сырдарьи). Большая часть этих рек вливается в [озеро] Кочка-Тенгиз, которое расположено между Могулистаном и Узбекистаном (Восточным Дашт- и Кипчаком) и разделяет их» [9].

В политической зависимости от ханов Могулистана временами находилась территория к югу от Могулистана (от Аксу и Кашгара в Восточном Туркестане до Ферганы на западе, от Иссык-Куля на севере до местности Сары-Уйгур на юге). Она была удельным владением феодалов из племени дуглат и называлась *Манглай-Субе* (Пограничная область). На этой территории находились крупные города Кашгар, Хотан, Яркенд, Ахсикет, Аксу, Атбаши и др. [10]

Границы нового политического объединения (Могулистана) менялись на протяжении изучаемого периода. В состав государства первого могулистанского хана Тоглук-Тимура входили собственно Могулистан и на правах вассального владения указанная выше часть Восточного Туркестана (владения дуглатского эмира Пуладчи). Длительное время Восточный Туркестан входил в состав государства Тимуридов, временами вновь попадал под власть вассалов могулистанских ханов, в 70-х гг. XV в. был включен в состав их государства. С этого времени в состав владений могулистанских ханов вошли Ташкент и Сайрам. К периоду окончательного распада государства власть могульских ханов распространяется только на Кашгарию — казахские племена Семиречья входят в состав Казахского ханства; киргизы также образуют самостоятельное владение. К концу XV — началу XVI в. Хайдар и другие авторы относят название Могулистан уже к территории Центрального и Южного Тянь-Шаня, который называли тогда Могульскими горами [11].

---

[9] Там же, л. 237б; **Амин Ахмад Рази.** Хафт иклим. Рук. ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Дорн, 286, л. 455а.

[10] Та'рих-и Рашиди, л. 5а.

[11] **Бартольд В. В.** Киргизы. Исторический очерк, с. 511, прим. 1.

Государственный и историко-географический термин *Могулистан* образован от этнонима *могул* (مغول). Так в Средней Азии произносилось слово *монгол*, так оно пишется в персо- и тюркоязычных источниках. В XIV в. завершился процесс ассимиляции местным тюркским населением переместившихся сюда монгольских родов и племен. Но «названия *могол* и *Моголистан* продолжали употребляться и тогда, когда в этой стране уже не было следов монгольского языка» [12].

Могулами (моголами) в персо- и тюркоязычных сочинениях того времени называли многие местные тюркские племена и тюркизированные монгольские, постепенно ассимилированные автохтонным тюркским населением. Уже с середины XIV в. нельзя говорить о многочисленности собственно монголов на этой территории — могульские племена выступают в источниках как тюркские, в основе своей автохтонные. В исторической литературе доказана и признана этническая характеристика основного состава населения Юго-Восточного Казахстана во время существования здесь государства Могулистан как тюрков [13]. Если в самом начале после монгольского завоевания монгольские роды и племена превалировали (во всяком случае, во власти, а не в числе), их родо-племенная феодальная верхушка осуществляла свою власть над местным населением, захватывала лучшие земли под кочевья, тесня местное тюркское население (как кочевое, так и оседлое), то постепенно они теряют свое значение: на первый план выдвигаются другие политические группировки, в том числе местная тюркская племенная знать.

---

[12] **Бартольд В. В.** История турецко-монгольских народов. Соч., т. V. М., 1968, с. 212; **Он же.** Улугбек и его время. Соч., т. II, ч. 2, с. 35; История Киргизской ССР, т. I, с. 203. Написание *могул* — в соответствии с транскрипцией-транслитерацией И. Ю. Крачковского и А. А. Ромаскевича.

[13] Помимо В. В. Бартольда (названные и другие работы) см.: История Узбекской ССР, т. I. Ташкент, 1967, с. 498, 500—501; История Киргизской ССР, т. I, с. 203; **Ахмедов Б. А.** Государство кочевых узбеков. М., 1965, с. 59, 65, и др.; **Иванов П. П.** Очерки по истории Средней Азии..., с. 41—43. **Юдин В. П.** О родо-племенном составе могулов..., и др.

Могулистан (Моголистан) в исторических сочинениях средневековых авторов предстает перед нами как государственно-политическое объединение местных тюркских и тюркизированных монгольских племен, переживших к моменту образования этого государства длительный процесс распада, смешения и объединения в некое этно-политическое целое. Источники того времени относят к могулам племена, носившие и тюркские, и монгольские названия: дуглат (дулат), кераит (кереи), аркенут, канглы, баарин, булгачи и др. Многие названия племен не попали в источники, рассказывающие о событиях того времени (жалаиры, уйсуни и др.). Часть племен столетие спустя после образования Могулистана вошла в состав нового государства, объединившего население Казахстана, в том числе и Юго-Восточного — Казахского ханства — в виде одной из его составных частей — Старшего (Большого) жуза. Другая часть могульских племен Южного Семиречья и Тянь-Шаня вошла в состав киргизского народа. Следовательно, история кочевого и полукочевого населения этого региона середины XIV—XV в., хотя и носившего название *могул*, и история его государства являются историей собственно казахского и киргизского народов.

Исследование политической и социально-экономической жизни Юго-Восточного Казахстана во второй половине XIV — начале XVI в. затрудняется недостатком первоисточников, хотя по сравнению с остальной частью Казахстана средневековая история юго-востока и юга Казахстана обеспечена ими значительно полнее благодаря тому, что эти области исторически были связаны с соседними государствами Средней Азии и многие исторические события, происходившие на этой территории, попали на страницы сочинений, написанных среднеазиатскими или иранскими авторами.

В последние годы в Казахстане широко развернулось историко-археологическое изучение памятников материальной культуры Юго-Восточного Казахстана — остатков городищ, селений, древних ирригационных сооружений и других предметных свидетельств тру-

довой деятельности древних и средневековых жителей Семиречья. Но оно касается в основном истории материальной культуры домонгольского периода и первых десятилетий после монгольского нашествия, когда еще не совсем исчезла на этой территории оседло-земледельческая и городская культура. Последующее же время почти не оставило после себя следов материальной культуры, поэтому особое значение при его исследовании приобретают письменные источники. Документальных источников по Юго-Восточному Казахстану указанного периода пока не обнаружено. Основные сведения по политической истории существовавшего тогда на территории Юго-Восточного Казахстана государства содержатся в «Та'рих- и Рашиди» — сочинении исключительной ценности для исследуемого района, единственно написанном выходцем из этого государства Мирза Мухаммад Хайдар дуглатом.

Исследователи средневековой истории Средней Азии и Казахстана высоко оценивают труд Мухаммад Хайдара [14]. Его справедливо считают «единственным в наши дни источником по истории Могулистана XV—XVI вв.», приводящим «весьма ценные сведения о положении страны» [15].

«Та'рих -и Рашиди» — широко известное востоковедческой науке сочинение. Для изучения истории казахов и Казахстана впервые его привлек В. В. Вельяминов-Зернов [16]. Сведения о биографических данных Мухаммад Хайдара почерпнуты из его же сочинений и не раз публиковались исследователями, начиная с В. В. Вельяминова-Зернова и В. В. Бартольда и кончая современными исследователями истории казахов,

---

[14] Материалы по истории казахских ханств XV—XVIII веков (извлечения из персидских и тюркских сочинений). Составители: С. К. Ибрагимов, Н. Н. Мингулов, К. А. Пищулина, В. П. Юдин. Алма-Ата, 1969, с. 190, 191. Далее: МИКХ.

[15] **Ахмедов Б. А.** Улугбек и политическая жизнь Мавераннахра первой половины XV в. — В кн.: Из истории эпохи Улугбека. Ташкент, 1965, с. 41.

[16] **Вельяминов-Зернов В. В.** Исследование о Касимовских царях и царевичах, ч. 2. Спб., 1864.

киргизов и узбеков[17]. Мухаммад Хайдар-мирза (1500—1551 гг.) написал свое сочинение в 1541—1546 гг. Он был потомком улусбеков из племени дуглат, игравших большую роль в истории государства могульских ханов. По родственным и служебным отношениям (он был двоюродным братом хана Могулистана Султан Са'ида, внуком Йунус-хана и двоюродным братом основателя династии Великих Моголов в Индии Захир ад-Дин Мухаммад Бабура, а также воспитателем сына могульского хана Султан Са'ида Абд ар-Рашид-хана, в честь которого и названо его сочинение) Мухаммад Хайдар знал в подробностях историю своего племени, хотя относился к ней небеспристрастно, и историю правления могульских ханов и Могулистана в целом. В его руках были некоторые, правда, немногочисленные, документы, в частности жалованные тарханные грамоты правителей Могулистана дуглатским эмирам — улусбекам; ему известны были «устные предания» могулов (и дуглатов, в частности), на которые он неоднократно ссылается; возможно, Мухаммад Хайдар имел и какие-то письменные могульские летописи, во всяком случае, он сам пишет об этом: «От него [Маулана Ходжа Ахмада] я слышал, что в летописях наших предков так написано...». Использованы им также многочисленные исторические сочинения, как известные современной науке (среди них сочинения Йакута, Джамал ад-Дина Карши, Ата Малика Джувайни, Рашид ад-Дина, Хамдаллаха Казвини, Абд ар-Раззака Самарканди, Шараф ад-Дина Али Йазди и др.), так и не дошедшие до нас. Источником его информации были также современники, «заслу-

---

[17] **Азимджанова С. А.** К истории Ферганы..., с. 71; **Мукминова Р. Г.** О некоторых источниках по истории Узбекистана начала XVI в. — «Труды ИВ АН УзССР», 1954, вып. 3, с. 136—137; **Мингулов Н. Н.** Мухаммад Хайдар дуглат. — В кн.: Великие ученые Средней Азии и Казахстана (VIII—XIX вв.). Алма-Ата, 1965, с. 193 и др; **Петров К. И.** Очерки феодальных отношений...; **Юдин В. П.** Та'рих-и Рашиди (био-библиографическая справка). — МИКХ, с. 185—191; **Стори Ч. А.** Персидская литература. Био-библиографический обзор. Переработал и дополнил Ю. Э. Брегель, т. II. М., 1972, с. 1202—1206.

живающие доверия могулистанцы», а также ближайшие предки — отец, дед, другие родственники [18].

Сочинение Мирзы Мухаммад Хайдара настолько богато совершенно оригинальным материалом не только по истории Могулистана и Восточного Туркестана, но и многих соседних государств и народов (Средней Азии, Казахстана, Тибета и др.), что оно послужило первоисточником многим последующим авторам как средневековья, так и современности. Его сведения перешли во многие сочинения авторов XVI—XVII вв. («Бахр ал-асрар фи манакиб ал-ахйар» Махмуда бен Вали, «Хафт иклим» Амин Ахмада Рази и др.). Современные исследователи истории Средней Азии тех веков, касавшиеся отдельных событий в Могулистане, также признают первостепенную значимость труда Мирза Хайдар дуглата для исследования истории этого государства. «Единственный источник, на котором основываются почти все наши сведения о жизни Могулистана XV — начала XVI в. — «Та'рих- и Рашиди» Мухаммад Хайдара, больше всего касается вопросов политической истории, почти не затрагивая вопросов о составе и быте населения», — писал П. П. Иванов [19]. «Мирза Хайдар единственный автор, подробно восстанавливающий события в Могулистане», — пишет С. А. Азимджанова [20]. «Мирза Мухаммад Хайдар, работы которого являются единственным в наши дни источником по истории Могулистана XV—XVI вв., приводит весьма ценные сведения о положении страны», — соглашается с ней Б. А. Ахмедов [21].

Особенно ценно сочинение Мухаммад Хайдара для исследователей истории Юго-Восточного Казахстана

---

[18] میرزا محمد حیدر بن محمد حسین گورکان دوغلات — تاریخ رشیدی. **Мирза Мухаммад Хайдар бен Мухаммад Хусайн Гурган дуглат.** Та'рих-и Рашиди. Рук. ИВ АН УзССР № 1430, л. 6а, 33а, 35б, 40а и др.

[19] **Иванов П. П.** Очерки по истории Средней Азии..., с. 71.

[20] **Азимджанова С. А.** К истории Ферганы..., с. 25.

[21] **Ахмедов Б. А.** Улугбек и политическая жизнь Мавераннахра..., с. 41.

в период существования здесь государства Могулистан, поскольку относится непосредственно к этому региону. Большую ценность как первоисточник представляет этот труд и для истории казахского народа в период сложения и укрепления Казахского ханства — второй половины XV — первой половины XVI в. В этом сочинении впервые сообщается о причинах откочевки ханов казахов Джанибека и Гирея, высказывается суждение о причинах принятия казахами их этнического названия, приводятся краткие сведения о казахских правителях времени сложения и укрепления Казахского ханства, рассказывается о взаимоотношениях казахских феодальных владетелей с Шайбанидами, могульскими ханами, правителями киргизов.

Для изучения истории Юго-Восточного Казахстана рассматриваемого периода мы привлекли в основном первую часть (дафтар) «Та'рих-и Рашиди», посвященную полностью истории Могулистана и могульских ханов, начиная от Тоглук-Тимур-хана (1348—1362/63 гг.) и кончая началом правления Абд ар-Рашид-хана в 30-х гг. XVI в. Некоторый материал взят и из второй части, представляющей в основном мемуары автора и освещающей события более близкие к нему по времени — вторую половину XV — первую треть XVI в. Наиболее полно представлены материалы о политической жизни Могулистана.

Первоначальный период (вторая половина XIV в.) освещен несколько отрывочно, есть хронологические неточности; значительная часть сведений о походах Тимура в Могулистан заимствована из сочинения Шараф ад-Дина Али Йазди «Зафар-наме». Более последовательно и полно отражена вторая половина изучаемого периода (с начала XV в.). «Та'рих-и Рашиди» — типичная хроника правящей могульской династии Чагатаидов и история феодальной верхушки дуглатов и других племен. Она не дает представления о положении трудящихся масс, в ней очень мало данных для изучения социально-экономических отношений. Но все-таки внимательное изучение дает возможность выявить материал о социальной структуре могульско-

го общества, о политико-административном устройстве Могулистана, господствующем положении правящей феодальной верхушки, хозяйственной жизни страны, этническом составе населения Юго-Восточного Казахстана, исторической географии и т. д.

При написании данной работы использованы рукописи ИВ АН УзССР № 1430 и ЛО ИВ АН СССР С 569 (перевод небольших отрывков из 1-го дафтара опубликован автором в «Материалах по истории казахских ханств XV—XVIII веков»), а также перевод этого сочинения на английский язык [22].

Материал «Та'рих-и Рашиди» по истории Юго-Восточного Казахстана дополняется и корректируется другими нарративными историческими трудами средневековых авторов. Для второй половины XIV — первой половины XV в. таковыми являются тимуридские сочинения, в которых отражена завоевательная политика Тимура и Тимуридов по отношению к этому краю, для второй половины XV — начала XVI в. — источники шайбанидского происхождения, написанные ранее сочинения Мухаммад Хайдара.

Несмотря на широкую известность тимуридских источников «Зафар-наме» Низам ад-Дина Шами, «Зафар-наме» Шараф ад-Дина Али Йазди, «Матла' ас-са'дайн ва маджма' ал-бахрайн» Абд ар-Раззака Самарканди и др., современные исследователи истории Средней Азии, Ирана и сопредельных стран вновь и вновь возвращаются к ним, справедливо отмечая, что первоисточники эти еще до сих пор «не изучены с достаточной полнотой и последовательностью»[23], что нужен дальнейший поиск материала в уже, казалось бы, известных сочинениях этих и других восточных авторов. Этот вывод полностью относится и к материалу, содержащемуся в сочинениях тимуридского круга по истории Юго-Восточного Казахстана.

---

[22] The Tarikh- i Rashidi of Mirza Muhammad Haidar, Dughlat... London, 1895.

[23] **Муминов И.** Роль и место Амира Тимура в истории Средней Азии в свете данных письменных источников. Ташкент. 1968, с. 7.

Вслед за А. Ю. Якубовским[24] исследователи все сочинения об эпохе Тимура делят на две группы: источники, вышедшие из придворной среды, созданные по велению Тимура или его наследников (таковы сочинения Низам ад-Дина Шами, Шараф ад-Дина Али Йазди, проникнутые «глубоким почитанием» завоевателя, рисующие его «жестоким, но мудрым, справедливым государственным деятелем») и сочинения, написанные нейтральными авторами (например, Рюи Гонзалес де Клавихо и другие путешественники из Западной Европы), авторами из стран, покоренных Тимуром, отразившими его грабительскую, захватническую политику (группа армянских, грузинских и арабских источников). К последней группе относятся такие авторы, как Ахмад ибн Мухаммад ибн Арабшах, ал-Айни, ал-Асади, давшие в своих трудах отрицательную характеристику политики Тимура[25].

Первым по хронологии официальным сочинением, положившим начало повествованиям о Тимуре, является труд Низам ад-Дина Шами «Зафар-наме», доведенный до 806 г. х. (1403—1404 гг.). Автор перешел на службу к Тимуру после взятия последним Багдада в 795 г. х. (1392—1393 гг.). Он сопровождал его в дальнейших походах, нес канцелярскую службу, как об этом сообщает на основе известий Хондемира Абд ал-Хусайн Наваи в своей работе[26]. Он исполь-

---

[24] **Якубовский А. Ю.** Тимур. — «Вопросы истории», 1946, № 8, 9. В 1973 г. в издательстве «Наука» вышел в свет сборник «Материалы по истории киргизов и Киргизии», вып. 1 (под ред. В. А. Ромодина), в котором содержатся переводы из сочинений Му'ин ад-Дина Натанзи, Шами, Йазди и Абд ар-Раззака Самарканди. В связи с этим из текста настоящей работы мы исключили подробную характеристику этих сочинений и сократили цитированный из них материал.

[25] **Новосельцев А. П.** об исторической оценке Тимура. — «Вопросы истории», 1973, № 2, с. 4; **Ibn Arabshah.** Tamerlane or Timur the great Amir. Transl. by J. H. Sanders. London, 1936; **Тизенгаузен В. Г.** Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. I. Извлечения из сочинений арабских. Спб., 1884.

[26] رجال كتاب حبيب السير از جملهٔ مغول تا مرگ شاه اسمعيل اول. گرد آورده عبد الحسين نوائي. تهران، ١٣٢٤

зовал официальные документы, реляции о победах Тимура, устные рассказы, хроники, написанные уйгурскими секретарями Тимура. В сочинении нет славословия, характерного для труда второго летописца эпохи Тимура Шараф ад-Дина Али Йазди. Некоторые события описаны довольно кратко. Сведения Шами о событиях в Юго-Восточном Казахстане второй половины XIV в. касаются в основном борьбы Тимура против Тоглук-Тимур-хана, пытавшегося распространить свою власть на Мавераннахр, и описания походов Тимура на Могулистан; особенно подробны сведения о походе 1389 г. Приводится материал по состоянию хозяйства в Могулистане, многочисленные данные по исторической географии района. В работе использовано пражское издание Ф. Тауэра [27] персидского текста сочинения Низам ад-Дина Шами. Второй том издания, выпущенный почти 20 лет спустя Институтом востоковедения АН ЧССР, содержит пространные комментарии к труду Низам ад-Дина Шами и, что особенно важно, очень подробные выдержки из сочинения Хафиз-и Абру «Зубдат ат-таварих» — как раз той части сочинения (относящейся ко времени Тимура), которая долгое время считалась утерянной [28].

«Зафар-наме» Шараф ад-Дина Али Йазди является наиболее полной официальной историей жизни и деятельности Тимура, написанной на основе труда Низам ад-Дина Шами, тюркоязычной хроники «Манзума-йи тюрки», описаний походов, дневников, высказываний самого Тимура, официальных документов, а также на основе свидетельств очевидцев многих событий [29]. Йазди, как и Шами, не умалчивал о «подвигах» Тимура в

---

[27] Histoire des Conquêtes de Tamerlan intitulée Zafarnama par Nizamuddin Sami avec des additions empruntées au Zubdatu-t-tavarih-i Baysunguri de Hafiz-i Abru. Ed. critique par F. Tauer, t. I: Texte persan du Zafarnama. Praha, 1937; t. II: Introduction, commentaire, index. Praha, 1956. Далее: Шами. Изд. Тауэра.

[28] **Бартольд В. В.** — Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии. Соч., т. V. М., 1968, с. 167.

[29] **Бартольд В. В.** Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Соч., т. I. М., 1963, с. 102. **Муминов И.** Роль и место Амира Тимура..., с. 8, 9.

покоренных странах, но в отличие от него описывал их чрезвычайно хвалебно, тенденциозно, вычурным, витиеватым стилем. Средневековые завоеватели, особенно такие, как Чингиз-хан и Тимур, разрушавшие города и уничтожавшие население, угонявшие его из родных мест, не скрывали, а наоборот, стремились к увековечиванию своих кровавых подвигов, а придворные авторы-панегиристы отражали в своих сочинениях их военные «успехи» [30]. Хотя новое сочинение по истории правления Тимура было написано уже после него, при Ибрахим-султане, сыне Шахруха (между 1419 и 1425 гг.) [31], оно является ярчайшим панегириком Тимуру, оправдывающим его захватническую по отношению к соседним народам деятельность; оценка событий и их ход даны в духе, угодном патрону летописца, в духе оценок своих целей и деяний самим Тимуром. В такое сочинение «по заказу» попали только те из этих деяний, которые Тимур или его потомки хотели довести до будущих поколений. Поэтому было бы неправильно преувеличивать соответствие «исторической правде» [32] всего написанного Йазди и его предшественниками. Кроме того, было бы правильнее отнести слова о личном контроле Тимура над написанием «Зафар-наме» к труду Шами, написанному при жизни завоевателя, а не к сочинению Йазди [33].

В сочинении Шараф ад-Дина Али Йазди (ум. в 858 г. х./1454 г. н. э.) приводятся подробности политических событий в Могулистане, маршруты завоевательных походов Тимура в Семиречье и на Тянь-Шань. В отличие от Низам ад-Дина Шами, Хафиз-и Абру, именовавших государство в Юго-Восточном Казахстане

---

[30] **Новосельцев А. П.** Об исторической оценке Тимура..., с. 5.

[31] **Бартольд В. В.** Двенадцать лекций..., с. 166; **Гуревич А. М.** О классовой борьбе в Самарканде в 1365—1366 гг. — «Труды ГПБ Узбекистана», 1936, т. I, с. 12—13; **Зимин Л.** Подробности смерти Тимура. — ПТКЛА, т. XVIII. Ташкент, 1914, с. 38—39.

[32] **Муминов И. М.** Роль и место Амира Тимура..., с. 8, 9.

[33] Там же. О крайней идеализации И. М. Муминовым личности Тимура см. в ст.: **Абдураимов М. А.** Обзор литературы, посвященной Тимуру и Тимуридам, изданной в Узбекистане в 60-х годах. — «История СССР». М., 1973, № 5, с. 86—90.

Могулистаном, «илем могулов», «Могульским улусом», Шараф ад-Дин Али Йазди называет его только пренебрежительным термином *Джете*. Йазди неоднократно говорит о завоевательных стремлениях Тимура в стране Джете, подчеркивает, что он ставил своей целью истребление местного тюркского населения, что должно было привести местные правящие круги к принятию вассалитета. Материала, характеризующего феодальную раздробленность в стране, отсутствие единой централизованной власти в Могулистане, что помогало Тимуру легко одерживать верх в сражениях с местным кочевым и полукочевым населением, достаточно много. Приводятся данные, характеризующие скотоводческое хозяйство Юго-Восточного Казахстана, военную организацию у могульских ханов и другие моменты из жизни коренного населения Семиречья.

При написании данного раздела использована рукопись Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде п. н. с. 234 (список 888 г. х./1483 г. н. э.) и рукопись ИВ АН УзССР № 4472.

Совершенно не привлекался для исследования истории Юго-Восточного Казахстана и мало изучен до сих пор вообще труд Му'ин ад-Дина Натанзи «Мунтахаб ат-таварих-и Му'ини». Это сочинение введено в научный оборот под названием «Аноним Искендера» В. В. Бартольдом, посвятившим ему несколько статей [34]. По истории Восточного Дашт-и Кипчака, в частности Ак-Орды, материалы из него приведены в издании В. Г. Тизенгаузена [35], использованы А. Ю. Якубовским в работах по Золотой Орде, Б. А. Ахмедовым [36], а также Г. А. Федоровым-Давыдовым и Т. И. Султановым при определении значения терминов *Ак-Орда* и

---

[34] **Бартольд В. В.** Определение «анонима Искендера». Соч., т. VIII. М., 1973, с. 481—482; **Он же.** Еще об анониме Искендера. Соч., т. VIII, с. 491—503.

[35] Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. II. Извлечения из персидских сочинений, собранные В. Г. Тизенгаузеном и обработанные А. А. Ромаскевичем и С. Л. Волиным. М. — Л., 1941, с. 127. и др. Далее: СМИЗО.

[36] **Ахмедов Б. А.** Государство кочевых узбеков, с. 32, и др.

Кок-Орда и их соотнесении с государственными образованиями в Дашт- и Кипчаке в XIII—XV вв.[37] Труд Му'ин ад-Дина Натанзи написан в 815—816 г. х. (1412—1413/14 гг. н. э.) по просьбе внука Тимура Искандера. В. В. Бартольд пишет, что хотя автор жил в Фарсе, он был хорошо знаком со среднеазиатскими преданиями, обычаями и взглядами и что он «использовал монгольские и уйгурские источники» [38]. Это видно из оригинального характера сведений, сообщаемых им по истории Могулистана и Восточного Туркестана. Сочинение Натанзи не повторяет канвы изложения событий в период правления Тимура, принятой в вышеупомянутых сочинениях — он не был ограничен рамками официальной версии истории Тимура.

Глава, характеризующая походы Тимура в Могулистан, следует после описания внутриполитической жизни Могулистана при Тоглук-Тимуре, Ильяс-Ходже, Хизр-Ходже, Шам'-и Джахане и Мухаммаде. Эти могульские ханы идут в общем перечне (лл. 245б—250б) чагатайских ханов Мавераннахра, что говорит, во-первых, о попытке первых могульских ханов рассматривать себя как законных преемников правителей бывшего единого Чагатаидского государства и, следовательно, претендовать на Мавераннахр как на свою территорию, а во-вторых, доказывает, что Тимуру, несмотря на его грабительские походы, не удалось покорить Могулистан — здесь по-прежнему оставалась устойчивая государственность со своей самостоятельной линией ханов. «Мунтахаб ат-таварих-и Му'ини» содержит оригинальный материал по истории Юго-Восточного Казахстана, Киргизстана и Восточного Туркестана, не повторяющийся в других источниках. Интересны данные о борьбе феодально-племенной верхушки против

---

[37] **Федоров-Давыдов Г. А.** «Аноним Искандера» и термины «Ак-Орда» и «Кок-Орда». — В кн.: «История, археология и этнография Средней Азии». К 60-летию со дня рождения С. П. Толстова». М., 1968; **Султанов Т. И.** К вопросу о терминах «Ак-Орда», «Кок-Орда» и «Йуз-Орда». — В кн.: Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. М., 1970, с. 94—96.

[38] **Бартольд В. В.** Двенадцать лекций.., с. 166, 221; **Он же.** Туркестан..., с. 103.

централизованной ханской власти в Могулистане, особенно эмира Камар ад-Дина дуглата [39], любопытны подробности о всесилии атабека могульского хана Хизр-Ходжи, о некоторых моментах его экономической политики [40], о внутриполитических мероприятиях Шам'-и Джахана [41] и т. д. Однако к этому материалу следует подходить критически, так как во многом он компилятивен и путан.

При разработке темы использован персидский текст этого сочинения, изданный в 1957 г. в Тегеране (это издание включает в себя главы по истории Тимура и Могулистана, сохранившиеся в Лондонской рукописи [42]), и рукопись ЛО ИВ АН СССР С 381.

В 1423 г. Хафиз-и Абру по заказу внука Тимура Мирзы Байсункара начал писать сочинение в 4-х томах.

О Хафиз-и Абру и его сочинениях писал В. В. Бартольд [43]. Он установил точное его имя (Шихаб ад-Дин Абдаллах бен Лутфаллах бен Абд ар-Рашид ал-Хавафи), неверно переданное последующими авторами, заимствовавшими его сведения (Самарканди и Хондемиром). Так, Хондемир в «Хабиб ас-сийар» сообщает об авторе «Маулане Нур ад-Дине Лутфаллахе, известном под именем Хафиз-и Абру», который был на службе у Тимура, участвовал в его походах, во всех собраниях» [44], т. е. имел возможность получать многие материалы для своего сочинения из первоисточников. В большей части работа (ее название «Маджма' ат-тава-

---

[39] منتخب التواريخ معينى منسوب به معين الدين نطنزى ومعروف به «آنونيم اسكندر» بتصحيح ژان اوبن. تهران، ١٣٣٦ [1957]; انونيم اسكندر تاليف معين الدين نطنزى — Рук. ЛО ИВАН С 381, л. 248а—249а. Далее: Мунтахаб ат-таварих-и Му'ини. с. 290—298 и др.

[40] Там же, л. 249б—250а.

[41] Там же, л. 250а.

[42] Мунтахаб ат-таварих- и Му'ини (Тегеран, 1957), с. 275—408.

[43] **Бартольд В. В.** Туркестан..., с. 104—105; **Он же.** Хафиз-и Абру и его сочинения. Соч., т. VIII. М., 1973, с. 74—97; **Он же.** Хафиз-и Абру. Соч., т. VIII, с. 600—601.

[44] **Хондемир.** Хабиб ас-сийар. Тегеран, 1954, ч. III, с. 144; Абд ал-Хусайн Наваи. Риджал-и Китаб-и Хабиб ас-сийар..., с. 94.

рих») компилятивна, охватывает события всей истории «населенной части мира» до времени написания, т. е. является типичной всеобщей историей, написанной по правилам большинства средневековых восточных сочинений.

Непосредственно к нашей теме относится том IV, имеющий специальное название «Зубдат ат-таварих-и Байсункари» [45], посвященный истории Тимура и Тимуридов и содержащий сведения о Могулистане этого периода. Хафиз-и Абру при изложении событий периода Тимура исходит из «Зафар-наме» Низам ад-Дина Шами и «Мунтахаб ат-таварих- и Му'ини» Му'ин ад-Дина Натанзи, но для последующих лет оно оригинально. На содержание материала по Могулистану в «Зубдат ат-таварих-и Байсункари» указывает фихрист (оглавление) IV тома по рукописи Государственной публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина [46], хотя в этой рукописи самого IV тома нет. Первая часть (باب اول) IV тома (مجلد چهارم) содержит материал о Могулистане периода завоевательных походов Тимура. Специальные главы (зикр) посвящены походу могулистанского правителя Тоглук-Тимур-хана в Мавераннахр, «битве в грязи» 1365 г., а также походам Тимура на Могулистан, сражению Тимура с дуглатским эмиром Камар ад-Дином, походу Камар ад-Дина на Узгенд и др. Вторая часть (باب دوم) содержит материал по истории Тимуридов после 1405 г., в том числе и некоторые данные по истории Могулистана, например сведения о посольстве Шахруха в Китай и его прохождении через Могулистан, о походе Улугбека против Мухаммад-хана, правителя Могулистана. Неполностью этот материал есть в рукописи АН УзССР, в частности главы о посольстве в Китай и др.[47]

---

[45] **Бартольд В. В.** Хафиз-и Абру и его сочинения, с. 94, прим. 103.

[46] حافظ ابرو زبدة التواريخ (**Хафиз-и Абру.** Зубдат ат-таварих). Рук. ГПБ им. Салтыкова-Щедрина. Дорн, 268, л. 11а—13а.

[47] **Хафиз-и Абру.** Зубдат ат-таварих. Рук. ИВ АН УзССР, № 4078, л. 535а—538а, 547а и др.

Основной материал из труда Хафиз-и Абру, относящийся к Могулистану, взят из приложения к изданному Ф. Тауэром сочинению Низам-ад-Дина Шами «Зафарнаме»; в основе приложения — стамбульская рукопись сочинения Хафиз-и Абру «Зубдат ат-таварих», содержащая главы по истории Тимура [48], которые долгое время считались утерянными [49]. В отличие от своих предшественников Шами и Натанзи (сочинение Шараф ад-Дина Али Йазди написано почти одновременно с трудом Хафиз-и Абру) Хафиз-и Абру сообщает более полные сведения из истории тимуридского периода, в том числе о Могулистане. Издатель персидского текста Низам ад-Дина Шами Ф. Тауэр приводит во II томе многочисленные, порой пространные выдержки из «Зубдат аттаварих» Хафиз-и Абру, дополняющие, исправляющие и уточняющие данные Низам ад-Дина Шами. Все основные разночтения учтены в работе. Они касаются характеристики внутреннего положения в Могулистане, последствий политики Тимура в отношении этой страны, написания имен, особенно топонимов.

Сведения Хафиз-и Абру, относящиеся к периоду после 1404—1405 гг. до 1428—1429 гг., оригинальны, для истории собственно Юго-Восточного Казахстана они еще практически не привлекались. В этой части сочинения содержится большой материал о внутриполитической раздробленности, борьбе различных претендентов на ханскую власть в Могулистане. Особенно ценно в нем описание посольства Тимурида Шахруха в Китай, проследовавшего в 20-х гг. XV в. через юг и юго-восток Казахстана. Участник посольства Гийас ад-Дин оставил описание пути через Могулистан, содержащее материал по исторической географии района и внутриполитическому положению Могулистана. Хотя эту часть сочинения Хафиз-и Абру долгое время не могли найти, она была известна по заимствованиям у него других авторов.

Один из них — Абд ар-Раззак Самарканди, написав-

---

[48] Histoire des Conquêtes de Tamerlan intitulée Zafarnama..., t. II. Praha, 1956.

[49] **Бартольд В. В.** Двенадцать лекций..., с. 167.

ший в 872—875 г. х. (1467—1471 гг. н. э.) сочинение «Матла‘ ас-са‘дайн ва маджма‘ ал-бахрайн» в 2-х томах. Сочинение содержит главным образом материал по истории Хулагуидов и Тимуридов Ирана и Средней Азии с 1304 по 1471 г. Автор (1413—1482 гг.) состоял на службе у Тимуридов Шахруха, Абдаллатифа Абу Са‘ида. В I томе «Матла‘ ас-са‘дайн» он приводит в основном сведения о Тимуре и первых Тимуридах из «Зубдат ат-таварих» Хафиз-и Абру. В данной работе использованы материалы из рукописи «Матла‘ ас-са‘дайн», хранящейся в Государственной публичной библиотеке в Ленинграде, и из 1-й части II тома этого сочинения, изданного Мухаммадом Шафи в Лахоре [50], о походе войска Тимурида Шахруха на Могулистан, маршруте его послов через Могулистан, о феодальной раздробленности в стране, политике правителей Мавераннахра по отношению к Могулистану при Улугбеке и другие данные.

Оригинальный материал по истории Юго-Восточного Казахстана начиная с 20-х гг. XV в. содержится в известном сочинении Мухаммад Хавенд-шах Мирхонда (1433—1498 гг.) «Раузат ас-сафа» (том VI). В. В. Бартольд только частично привлек его для характеристики похода Улугбека, но почти совсем не использовал интересные сведения Мирхонда по внутриполитическому положению Могулистана того времени. Более ранние известия Мирхонда из VI тома (он посвящен Тимуру и Тимуридам) также интересны, хотя в значительной степени повторяют данные о Могулистане из трудов Низам ад-Дина Шами и Шараф ад-Дина Али Йазди. Различия касаются написания имен собственных, топонимов, названий этнических групп, а также освещения некоторых событий. Мирхонд имел, очевидно, в каче-

---

[50] عبد الرزاق سمرقندی. مطلع السعدین ومجمع البحرین. Рук. ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Дорн, 297; مطلع السعدین تالیف عبد الرزاق سمرقندی. لاهر، ۱۳٦۰

(Абд ар-Раззак Самарканди. «Матла‘ас-са‘дайн», т. I. Лахор, 1360/1941 г.); т. II издан в Лахоре в 1368/1949 г.

стве источников какие-то неизвестные пока или утраченные сочинения и документы. Так, в отличие от сочинения Абд ар-Раззака Самарканди его сведения о походе Улугбека в Могулистан и некоторые данные о внутреннем положении более полные и нигде не повторяются. Мы использовали VI том «Раузат ас-сафа» литографированного издания в Лакнау и персидский текст в «Приложении» к работе В. В. Бартольда «Улугбек и его время»[51]. Привлечены также известия из сочинения Хондемира «Хабиб ас-сийар» [52]. Материал по истории Могулистана конца XIV — первой половины XV в. из этого труда повторяет в основном сочинения Шами, Йазди и Мирхонда. Для истории Казахстана, в том числе и Юго-Восточного, сведения Хондемира более оригинальны для конца XV — начала XVI в.[53] Помимо упомянутого выше тегеранского издания персидского текста «Хабиб ас-сийар» использовано в данной работе географическое приложение Хондемира по рукописи Ленинградской государственной публичной библиотеки п. н. с. 202 под названием «Та'рих-и Джахан-наме». Привлечено сочинение XV в. Абу-л-Хасана Са'ида Али Ал-Джурджани «Масалик ал-мамалик». Сочинение это сохранилось в немногих списках [54], оно представляет исключительную ценность для исследователей исторической географии Юго-Восточного Казахстана.

Одно из наиболее обстоятельных сочинений по истории Средней Азии и Казахстана — труд Махмуда бен Вали «Бахр ал-асрар фи манакиб ал-ахйар» (написано в 1634—1641 гг.). Хотя в целом в изложении событий

---

[51] محمد خاوند شاه میرخواند روضة الصفا. لکهنو
Мухаммад Хавенд-шах Мирхонд. «Раузат ас-сафа». Лакнау, 1891, т. VI; **Бартольд В. В.** Улугбек и его время. Соч., т. II, ч. 2, с. 178—196. Далее: Раузат ас-сафа. Приложение перс. текста.

[52] **Хондемир.** Та'рих-и Хабиб ас-сийар фи ахбар-и афрад-и башар. Тегеран, 1954, т. III—IV. Далее: Хабиб ас-сийар.

[53] Там же, т. IV, с. 619—687.

[54] Рук. ЛО ИВ АН СССР А 672; **Миклухо-Маклай Н. Д.** Некоторые персидские и таджикские исторические, библиографические и географические рукописи Института востоковедения Академии наук СССР. — «Учен. зап. Института востоковедения», т. XVI, 1958, с. 270.

в Могулистане XIV—XV вв. оно следует за «Та'рих-и Рашиди» Мирза Мухаммад Хайдара, в нем содержатся и некоторые оригинальные данные по истории Юго-Восточного Казахстана, много авторских оценок тех или иных событий по истории Могулистана. Махмуд бен Вали привлек в своем труде многочисленные исторические, географические и другие работы средневековых авторов, нередко утраченные, что повышает ценность его сочинения. В данной работе привлечены сведения Махмуда бен Вали из рукописи VI тома «Бахр ал-асрар фи манакиб ал-ахйар» ИВ АН УзССР № 7418 («рукопись Джурабека») и переводы автора в «Материалах по истории казахских ханств» из этого сочинения.

Использованы широко известные труды других средневековых авторов: Джувайни, Рашид ад-Дина, Амин Ахмада Рази, Захир ад-Дина Бабура, а также Фазлаллаха бен Рузбехана Исфагани, Абулгази, Кадыргали Джалаири и др. Для освещения событий в Юго-Восточном Казахстане второй половины XV — начале XVI в. первостепенное значение имеют сочинения Камал ад-Дина Али Бинаи, Моллы Шади, Мас'уд бен Усмана Кухистани и многие другие, включенные в изданный сотрудниками ИИАЭ им. Ч. Ч. Валиханова АН КазССР и ленинградскими востоковедами сборник «Материалы по истории казахских ханств», где дана их обстоятельная характеристика В. П. Юдиным [55].

Несмотря на кажущееся обилие сочинений, в которых можно найти сведения по истории Юго-Восточного Казахстана времени вхождения его в Могулистан, в целом этого материала не так уж много. Сведения эти, как и вообще по истории средневекового Казахстана, отрывочны, нередко тенденциозны и неточны. Особенно мало в этих сочинениях материала о внутреннем положении, хозяйстве, социальных отношениях, о мирных культурно-экономических связях с соседними районами. Чаще всего эти сочинения написаны представителями враждебных государств, — Тимуридов, Шайбанидов, старавшихся подчеркнуть враждебный

[55] Материалы по истории казахских ханств XV—XVIII веков (извлечения из персидских и тюркских сочинений). Алма-Ата, 1969.

дух, воинственность соседних кочевых и полукочевых племен, в том числе и Юго-Восточного Казахстана, а не освещать их внутреннюю жизнь. Некритическое следование за авторами этих сочинений может привести к искаженному представлению о жизни населения Восточного Дашт-и Кипчака, Семиречья и Тянь-Шаня и о его роли в общеисторических судьбах региона.

С другой стороны, упомянутые выше и другие письменные источники, широко известные специалистам по истории Средней Азии и других сопредельных стран, еще далеко не исчерпаны в смысле извлечения из них материалов по средневековой казахстанике, в том числе и по Юго-Восточному Казахстану изучаемого периода. Поэтому задача поиска материалов в «старых», уже давно введенных в научный оборот сочинениях, и новых письменных источников остается актуальной.

Глава 1

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ЮГО-ВОСТОЧНОГО КАЗАХСТАНА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIV в.

Образование Могулистана

Появление на политической карте Средней Азии и Казахстана в середине XIV в. нового государства под названием Могулистан с центром в Семиречье явилось наряду с образованием и укреплением Ак-Орды на территории Восточного Дашт-и Кипчака важным событием в общей борьбе племен и народностей Казахстана за самостоятельное государственное развитие в ходе ликвидации последствий монгольского нашествия, одним из значительных факторов в развитии государственности на территории Казахстана, в процессе формирования казахского народа.

Возникновение государственности на территории Казахстана относится к VI в., элементы же ее зародились еще на рубеже нашей эры у древних его обитателей — усуней и канглы [1]. Это была государственность, основанная на союзе нескольких племен, еще не сложившихся в народности, или общая государственность многих племен и народностей Казахстана, Средней

[1] Дахшлейгер Г. Ф. Историография Советского Казахстана. Алма-Ата, 1969, с. 66; Акишев К. А., Кушаев Г. А. Древняя культура саков и усуней долины реки Или. Алма-Ата, 1963, с. 275; Зуев Ю. А. К этнической истории усуней. — «Труды ИИАЭ АН КазССР», 1960, т. 8, с. 5—23.

Азии и смежных областей, вызванная к жизни силой оружия завоевателей. Западно-Тюркский каганат, государство кимаков, государство Караханидов, Кипчакское политическое объединение [2] — наиболее важные этапы на пути развития раннефеодальной государственности в Казахстане.

В предмонгольский период (XI—XII вв.) на территории юга и юго-востока Казахстана интенсивно развивались феодальные отношения, шел процесс этнического сплочения автохтонных тюркских и иных племен древнего Казахстана и племен, переселившихся в разное время на его территорию, в народность. В составе государства Караханидов в особую этническую группу складывались в основном тюркоязычные племена юга и юго-востока Казахстана; этно-политическое взаимодействие тюркских племен Центрального и Западного Казахстана вызвало к жизни Кипчакское государственное объединение. Для этнического сплочения тюркоязычных племен раннесредневекового Казахстана были все условия: тип хозяйства (кочевое и полукочевое скотоводство — в степных районах, земледелие и городская культура — в оазисах Южного Казахстана и Семиречья), способствовавший развитию экономических связей между этими районами, утверждение феодальных отношений, сходные в основных чертах материальная культура и быт, языковая и антропологическая близость тюркских племен и родов в Дашт-и Кипчаке и Семиречье [3].

Исследования археологов и историков показали, что наиболее интенсивно слияние племен в народность протекало на юге и юго-востоке Казахстана — в этих двух узловых центрах казахского этногенеза, в райо-

---

[2] **Кумеков Б. Е.** Государство кимаков IX—XI вв. по арабским источникам. Алма-Ата, 1972; **Ахинжанов С. М.** Расселение кипчакских племен в X—XI веках. — «Материалы II-й научной конференции молодых ученых АН КазССР». Алма-Ата, 1970; **Он же.** Кипчаки и Хорезм в канун монгольского нашествия. — «Вестник АН КазССР», 1970, № 1.

[3] **Дахшлейгер Г. Ф.** Историография Советского Казахстана, с. 65; **Исмагулов О.** Население Казахстана от эпохи бронзы до современности. Алма-Ата, 1970.

нах, наиболее благоприятных для раннего развития земледелия и торговли, возникновения городов и ремесленного производства [4]. Здесь сложилась более устойчивая политическая жизнь, интенсивнее развивались социальные связи, теснее было этно-культурное общение племен в ходе хозяйственных и политических контактов, стирались диалектные различия в языке. Раньше возникли и быстрее развились на территории Южного и Юго-Восточного Казахстана и феодальные отношения [5].

В сложных условиях экономического, политического, социального и культурного развития населения Казахстана, часто нарушавшихся вторжениями других племен, складывалась государственность формировавшейся тюркской народности.

Тяжело отразилось на всех сторонах жизни населения Казахстана, как и многих других стран, монгольское нашествие: «Монгольское иго не только давило, оно оскорбляло и иссушало саму душу народа, ставшего его жертвой. Монгольские татары установили режим систематического террора, причем разорение и массовые убийства стали его постоянными институтами» [6]. В результате завоеваний Чингиз-хана были подорваны производительные силы, нарушены этно-политические и культурно-хозяйственные связи населения разных районов Казахстана. Огромный урон понесло хозяйство, особенно городская и земледельческая культуры в Южном и Юго-Восточном Казахстане: были разграбле-

---

[4] **Бартольд В. В.** Очерк истории Семиречья; **Он же.** История культурной жизни Туркестана; **Он же.** К истории орошения Туркестана. Соч., т. III, 1965; **Агеева Е. И., Пацевич Г. И.** Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана. — «Труды ИИАЭ АН КазССР», 1958, т. 5; **Байпаков К. М.** Раннесредневековые города и поселения Семиречья. — «Известия АН КазССР, сер. обществ. наук», 1966, № 2; **Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б.** Древний Отрар. Алма-Ата, 1972; **Сенигова Т. А.** Средневековый Тараз. Алма-Ата, 1972.

[5] **Еренов А. Е.** Очерки по истории феодальных земельных отношений у казахов. Алма-Ата, 1961, с. 22; Проблемы возникновения феодализма у народов СССР. М., 1969, с. 290, 297 и др.

[6] **Маркс К. Хронологические выписки.** — В кн.: Архив Маркса и Энгельса, т. V. М., 1938, с. 209.

ны, разрушены одни города, такие, как Отрар и Сыгнак, поставлены в условия, исключающие возможность дальнейшего существования, другие (в особенности в Семиречье); превращены в развалины небольшие оседлые поселения, постепенно уничтожено хозяйство целых земледельческих оазисов, подвергнуто массовому истреблению трудовое население [7].

Завоеватели стояли на более низком, чем население захваченных районов Казахстана, уровне социально-экономического развития, так как к XIII в. феодальные отношения у монголов еще только зарождались [8], тогда как в завоеванных ими странах, в том числе в Казахстане (особенно в южных районах), они были уже достаточно развитыми.

Политическая раздробленность населения Казахстана, оказавшегося в результате монгольского завоевания в трех различных государствах-улусах — Джучи, Чагатая и Угедэя,— прервала развитие государственности на территории Казахстана в целом и в Семиречье в частности, она задержала процесс консолидации тюркских родов и племен Казахстана в единую этническую общность. Лавиной монгольского вторжения были сдвинуты, перемещены, уничтожены, раздроблены, смешаны многие этнические группы, обитавшие на территории Казахстана. Сюда переместились и новые этнические коллективы, как тюркские, так и собственно монгольские. Последовавшие в XIII в. феодальные усобицы в монгольских улусах, распад улусов на мелкие владения еще более усилили негативное воздействие на взаимообщение тюркских родов и племен. В то же время постепенно поглощались, ассимилировались в условиях преобладающего тюркского окружения монгольские этнические группы. Все это затормозило процесс образования казахской народности. В этой связи

---

[7] The History of the World-Conqueror by 'Ala-ad-Din 'Ata-Malik Iuvaini. Transl. from the text of Mirza Muhammad Qazvini by J. A. Boyle, v. I. Manchester, 1958, p. 82—86; Петрушевский И. П. Поход монгольских войск в Среднюю Азию в 1219—1224 гг. и его последствия. — В кн.: Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1970.

[8] Гафуров Б. Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. М., 1972, с. 447.

представляет большой интерес ленинское замечание о том, что «монгольское иго есть исторический факт, несомненно связанный с национальным вопросом» [9].

Особенно отрицательно повлияло монгольское завоевание на судьбы Юго-Восточного Казахстана. Значительный приток в Семиречье кочевников-монголов во время самого нашествия и в последующие десятилетия, когда этот район превратился в политический центр в связи с нахождением здесь главных ставок правителей трех монгольских улусов, исключительно тяжело сказался на хозяйственном положении этой части Казахстана. Территория Семиречья оказалась политически разорванной на три части — она вошла в три монгольских политических объединения: к улусу Джучи, простиравшемуся от Селенги до Иртыша и далее на запад, отошла северная часть Семиречья, прилегающая к Балхашу; южная часть от р. Или вместе с южно-казахстанскими земледельческими оазисами вошла в состав улуса Чагатая; на северо-востоке Семиречья, в районе Тарбагатая, располагалась ставка великого хана Угедэя [10].

Перемещение на территорию Семиречья значительного числа монгольских родов, варварское отношение к местным традициям оседло-земледельческой и городской культуры, полное игнорирование интересов местного оседлого и полукочевого населения со стороны монгольской феодально-кочевой знати привели к тому, что в первые десятилетия после монгольского нашествия Семиречье почти полностью превратилось в регион кочевого и полукочевого скотоводства. К. Маркс отмечал, что монголы стремились превратить завоеванные земли в пастбища. Так было не только в Семиречье: «Монголы при опустошении России действовали сообразно с их способом производства, пастбищным скотоводством, для которого большие необитаемые пространства являются главным условием» [11]. Некогда цвету-

---

[9] **Ленин В. И.** Статистика и социология. Полн. собр. соч., т. 30, с. 350.

[10] **Бартольд В. В.** Туркестан..., с. 561 и др.; **Гафуров Б. Г.** Таджики, с. 453.

[11] **Маркс К., Энгельс Ф.** Соч., т. 12, с. 724.

щая, густонаселенная территория Юго-Восточного Казахстана с развитой городской и оседло-земледельческой культурой [12] потеряла свое былое экономическое, политическое и культурное значение.

Но со временем тяжелые последствия экономической разрухи были преодолены. На Юге Казахстана в конце XIII — начале XIV в. уже в рамках Ак-Орды постепенно возрождаются хозяйство, городская и земледельческая культура, ремесленное производство, строительное дело [13]. И хотя в Семиречье города не возродились, получило дальнейшее развитие кочевое и полукочевое скотоводство, пробивало ростки земледельческое хозяйство. Восстанавливались торговые связи степных районов и Семиречья с оазисами юга Казахстана и Средней Азии. Жизненно важная необходимость экономических связей скотоводческих районов с оседло-земледельческими в целях получения необходимых для жителей степных районов продуктов ремесленного и земледельческого производства и сбыта продуктов расширявшегося скотоводческого хозяйства была одной из главных причин восстановления городов и земледелия в Южном Казахстане.

---

[12] **Байпаков К. М.** Раннесредневековые города и поселения Северо-Восточного Семиречья, с. 82—84; **Ерзакович Л. Б.** О позднесредневековом городище Аспара, с. 96.

[13] СМИЗО, т. II., с. 129, 130, 234 и др.; **Греков Б. Д., Якубовский А. Ю.** Золотая Орда и ее падение. М.—Л., 1950, с. 310—314. В последние годы ряд исследователей (**Сафаргалиев М. Г.** Распад Золотой Орды. Саранск, 1960; **Федоров-Давыдов Г. А.** «Аноним Искандера» и термины «Ак-Орда» и «Кок-Орда»; **Султанов Т. И.** К вопросу о терминах «Ак-Орда», «Кок-Орда» и «Йуз-Орда») на основе известий некоторых источников пришли к выводу, что владения сына Джучи Орда-Ичена и его потомков, в частности Урус-хана, назывались не Ак-Ордой, а Кок-Ордой и что наименование Ак-Орда относилось к Золотой Орде. В связи с этим В. Л. Егоров пишет: «Золотая Орда (правое крыло улуса Джучи) всегда называлась Ак-Ордой» (см.: Государственное и административное устройство Золотой Орды. — «Вопросы истории», 1972, № 2, с. 35, прим. 24). Однако как в силу традиции остается приемлемым и оправданным название «Золотая Орда» для основанного Бату-ханом государства, так и термин Ак-Орда имеет закрепленное традицией употребления его во многих восточных источниках и исторической литературе право оставаться названием улуса предков казахских ханов.

Постепенное хозяйственное возрождение, развитие производительных сил, а вместе с ним и дальнейшее развитие феодальных отношений укрепили экономическое и политическое положение местной тюркской и тюркизированной феодальной верхушки. Используя недовольство и сопротивление монгольскому игу народных масс, тюркская феодальная знать в Золотой Орде (Улусе Джучи) и в Чагатайском улусе вела борьбу за развитие государственности на местной этнической основе, за установление своей политической власти в Восточном Дашт-и Кипчаке и в Семиречье. Эта борьба привела к обособлению в XIV в. Ак-Орды и укреплению ее независимости в Центральном и Южном Казахстане и к образованию Могулистана в середине XIV в. в Юго-Восточном Казахстане и Киргизии.

Процесс образования и укрепления Ак-Орды (она обособилась еще в составе Золотой Орды в 60-х гг. XIII в.) — независимого государства, объединившего тюркские и тюркизированные монгольские племена Центрального и Южного Казахстана,— и процесс образования Могулистана — независимого государства, объединившего тюркские и тюркизированные монгольские племена Юго-Восточного Казахстана и Киргизии,— в результате различных социально-экономических и политических причин (дальнейшего развития феодальных отношений, борьбы народных масс против монгольского ига, распада Чагатаидского государства и Золотой Орды) протекал в условиях поступательного этнического развития населения Казахстана, сплочения его в народность. «При всей противоречивости процесса, когда племена и племенные объединения соединялись и распадались, входили в разные государственные образования или даже поглощались другими этническими группами, ассимилировали пришлые этнические элементы, восходящая тенденция к сближению и образованию одной — казахской — народности несомненна» [14]. Внутри обоих государств возрождаются и все более усиливаются этнические связи: взаимообще-

[14] **Дахшлейгер Г. Ф.** Историография Советского Казахстана, с. 65.

ние и взаимодействие тюркских и отюреченных монгольских родов и племен, их дальнейшее сплочение в этническую общность в рамках местной государственности на основе хозяйственного и социально-экономического развития, расширения хозяйственных, политических и социальных связей населения разных районов Казахстана.

Образование этих государств на территории Казахстана явилось шагом вперед, поскольку создало условия для государственного сплочения формирующихся в народность этнических групп Казахстана, но шагом исторически недостаточным, так как части формирующегося казахского народа оставались в различных государствах.

Образование Могулистана связано с распадом Чагатаидского государства. Улус Чагатая (с 1269 г. Чагатаидское государство) не представлял собой единого целого и не мог быть прочным, поскольку возник в результате монгольского завоевания и насильственного объединения различных в хозяйственно-политическом и культурно-историческом развитии территорий, на которых жили различные этнические группы, племена и народности: Мавераннахр был районом развитой городской и оседло-земледельческой культуры, Семиречье же превратилось в основном в район кочевого и полукочевого скотоводства. Кочевники-монголы, завоевавшие Мавераннахр, под влиянием развитых феодальных отношений и сохранившейся оседло-земледельческой и городской культуры быстрее приспосабливались к местным условиям и к оседлой жизни. Монголы, оставшиеся в Семиречье во главе с их феодальной верхушкой, хотя в значительной степени тюркизированные к середине XIV в., сохраняли в основном кочевой быт, более того, усилился кочевой элемент в Семиречье и за счет превращения в кочевников бывших земледельцев и полукочевников из числа местных тюрков.

Централизаторские стремления некоторых хановчагатаидов (Кебека, Тармаширина и др.), их попытки найти опору в мусульманском духовенстве, в местных земледельцах-феодалах вызвали недовольство тюркской и тюркизированной монгольской феодально-пле-

менной верхушки как в самом Мавераннахре, так и в Семиречье — восточной части Чагатаидского государства. Борьба двух «политических» тенденций (центробежной и центростремительной) [15], выражавшихся в противоположных взглядах на централизованную государственную власть, на отношение к завоеванным народам, к их экономике, религии, культуре, а в конечном счете — к способу эксплуатации завоеванного населения (путем прямых грабежей, взимания дани или при помощи устойчивой налоговой системы, дающей возможность для некоторого развития хозяйства), — все более обострялась и к середине XIV в. привела к распаду Чагатаидского государства на западную и восточную части, ставшие независимыми. Западная часть — Мавераннахр — в результате ожесточенной борьбы за власть военно-феодальной тюркской знати, среди которой постепенно выделился эмир Тимур, распалась на мелкие феодальные владения [16].

В восточной части, получившей название Могулистан, тюркская феодальная знать в лице верхушки дуглатов поставила ханом в 1348 г. действительного или мнимого Чагатаида Тоглук-Тимура.

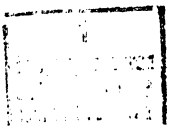
Внутренняя и внешняя политика первых ханов Могулистана

Политическая история Могулистана второй половины XIV в. остается малоизвестной, особенно его внутренняя жизнь. В источниках о ней почти ничего не сказано, особенно о событиях в северных об-

---

[15] **Якубовский А. Ю.** Феодальное общество в Средней Азии и его торговля с Восточной Европой в X—XV вв. — МИУТТ, ч. 1, 1932, с. 52—53; **Петрушевский И. П.** Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII—XIV вв. М.—Л., 1960, с. 48—52; **Строева Л. В.** Борьба кочевой и оседлой знати в Чагатайском государстве в первой половине XIV в. — В кн.: Памяти академика И. Ю. Крачковского. Л., 1958, с. 206.

[16] **Гафуров Б. Г.** Таджики, с. 457, 476.

ластях, в Семиречье и на Тянь-Шане. Наиболее подробные сведения приводит Мирза Хайдар дуглат по истории своего племени. Интересны сведения Мухаммад Хайдара по истории собственно Могулистана, достоверность которых возрастает при взаимной корреккции их с данными сочинений тимуридских авторов. В отношении событий первых двух десятилетий сочинения тимуридского круга являются первоисточником и для Мирзы Хайдара, хотя он и дополняет их «устными преданиями могулов» и другими источниками.

Постепенная стабилизация хозяйственного и политического положения, усиление феодальной эксплуатации рядовых масс кочевников, возможность обогащения за счет безнаказанных грабежей в приграничных районах соседнего Мавераннахра, ослабленного феодальной усобицей,— все это экономически усиливало тюркскую и отюреченную монгольскую верхушку Семиречья и Тянь-Шаня, питало ее стремление к самостоятельности. Ведущую роль в политической жизни восточной части Чагатаидского государства к середине XIV в. начинает играть феодальная знать племени дуглат. Но, как и в Мавераннахре и в соседней Ак-Орде, феодальная знать Могулистана в лице дуглатов не рискнула еще нарушить традицию ставить верховным правителем государства Чингизида. Эмир Пуладчи, главный среди верхушки дуглатов, усилившейся в период развала Чагатаидского государства, выступил с намерением основать самостоятельное ханство с помощью своего ставленника — хана из Чингизидов,— упрочить главенствующее положение над родо-племенной знатью Семиречья и Восточного Туркестана, ослабить феодальные распри. Мирза Хайдар пишет: «Могульский улус остался без хана, среди могульского народа каждый стал сам себе главой, беспорядок возник в улусе... Эмир Пуладчи... решил найти хана, возобновить управление государством и привести страну в порядок» [17]. Махмуд бен Вали отмечает широкий размах феодальных усобиц: «Каждый могульский эмир стал претендовать на независимость и самовластие, поднял

[17] Та'рих-и Рашиди, л. 5а, б.

знамя противодействия и распрей» [18]. Чингизидом, на котором остановили свой выбор дуглаты, оказался 18-летний Тоглук-Тимур, внук Дува-хана Чагатаида: «В [летописи] на могульском языке говорится, что Эмир Пуладчи привез хана от калмаков в 16-летнем возрасте, как об этом упомянуто выше. В 18-летнем возрасте [Тоглук-Тимур] стал ханом, в 24 года стал мусульманином, а в 34 умер. Родился он в 730 г. х. [1329—1330]» [19]. Хотя Мирза Хайдар основывает свои сведения на «заслуживающих доверие» источниках, его сведения, как отмечал В. В. Бартольд, о первом могульском хане противоречивы. Он называет Тоглук-Тимура сыном Исан-Буга-хана (сына Дува-хана), хотя Исан-Буга умер ок. 1318 г., т. е. задолго до рождения Тоглук-Тимура [20]. Приводя в начале своей книги извлечения из сочинения Шараф ад-Дина Йазди «Зафарнаме», Мухаммад Хайдар не обратил внимания на то, что Йазди, хотя и не приводит никаких подробностей о событиях в Могулистане, тем не менее называет Тоглук-Тимура сыном Эмиль-Ходжи, сына Чагатаида Дува-хана [21]. Более поздние авторы объединили эти два имени в одно. Махмуд бен Вали [22] пишет, что Иль-Ходжа (т. е. Эмиль-Ходжа) был «известен как Исан-Буга». Путаны сведения у Мухаммад Хайдара, касающиеся места, где Пуладчи нашел своего ставленника на ханский трон. В приведенном выше отрывке говорится, что он привез его «от калмаков». В другом месте сообщается, что Тоглук-Тимур воспитывался в доме одного из эмиров его отца Шир-Огула [23].

Однако споры о происхождении первого могульского хана по линии Чагатаидов не так важны. Главное в том, что рассказы Мухаммад Хайдара и основывающихся на его сведениях историков в общих чертах верно отражают сложившуюся в тот период обстановку политической неустойчивости, феодальной раздроблен-

---

[18] Бахр ал-асрар, л. 173а.
[19] Там же, л. 11б.
[20] **Бартольд В. В.** Двенадцать лекций..., с. 165.
[21] **Йазди.** Зафар-наме. Рук. п. н. с. 234, л. 11б.
[22] Бахр ал-асрар, л. 173а.
[23] Та'рих-и Рашиди, л. 46.

ности, борьбы кочевой знати за обособление от западной части бывшего Чагатаидского государства. Его известия интересны также и в том смысле, что они отражают действенность и прочность власти основателя новой, довольно устойчивой линии могульских ханов.

Почему именно эмиры племени дуглат (*каз.* дулат) возглавили движение тюркской и тюркизированной монгольской кочевой знати за отделение от Мавераннахра и создание собственного ханства [24]? Дуглаты были в этот момент одним из наиболее крупных тюркских племен Семиречья и занимали большую территорию, в том числе феодальная верхушка дуглатов в XIV в. владела и оседлоземледельческими оазисами в Восточном Туркестане. Мирза Хайдар пишет, что свое владение (*икта'*) в Восточном Туркестане знать из племени дуглат получила еще в XIII в. «Когда Чагатай-хан разделял свое государство [на уделы], он дал Уртубу (Урту-Бораку), деду эмира Пуладчи, [область] Манглай-Субе ... Восточная граница ее — Кусан (Куча) и Тарбукур; западная граница — Шаш [Ташкент], Газ и Джакишман, из них последний расположен в вилайете Фергана; северная граница — Иссык-Куль, а южная — Джорхан и Сары-Уйгур. Всю означенную территорию, которой владел эмир Пуладчи, называют Манглай-Субе. В те времена в этой стране было несколько городов. Самые большие из них: Кашгар, Хотан, Яркенд, Кашан, Ахсикет, Андижан, Аксу, Ат-Баши, Кусан. Из числа этих городов эмир Пуладчи в качестве своей резиденции выбрал Аксу»[25]. В состав удела дуглатов входила, таким образом, и южная часть Могулистана.

Данные о возвышении эмиров дуглатов еще в XIII в. несколько преувеличены автором «Та'рих-и Рашиди»,

---

[24] Интересно предположение В. В. Бартольда о взаимосвязанности факта возведения на трон Тоглук-Тимура в восточной части в 1347—1348 гг. и убийства чагатаидского хана Казана в 1346—1347 гг. и прихода к власти тюркского эмира Казагана в Мавераннахре (Соч., т. V, с. 165). Очевидно, эта связь действительно имела место, что дало основание Тоглук-Тимуру впоследствии претендовать на власть в Мавераннахре.

[25] Та'рих-и Рашиди, л. 5б.

что объясняется его желанием возвысить своих предков в глазах истории, обосновать их «законные» претензии на власть, на главенство над другими тюркомонгольскими родами и племенами давней близостью к ханствующим владыкам. В. В. Бартольд справедливо отмечает, что более ранние источники не сообщают о возвышении дуглатов в XIII в., в частности Рашид ад-Дин, упомянув о племени дуглат, говорит, что из него «в тот век и ныне никто не известен, кто был бы почетен и славен» [26]. Однако во второй половине XIV в. превосходство племени дуглатов по силе и численности над другими тюркскими и тюркизированными племенами и тот факт, что именно эмир этого племени возглавил борьбу за создание самостоятельного ханства, не вызывают сомнений. Не только по «Та'рих-и Рашиди», но и по нейтральным в данном случае и более близким по времени тимуридским источникам, дуглатская феодальная знать играла ведущую роль в политической жизни Могулистана того времени. Известно, что и впоследствии дуглаты занимали видное место в истории Юго-Восточного Казахстана. В качестве одного из крупнейших племен они вошли в состав Старшего жуза казахов.

Сделав ханом своего ставленника, дуглатские эмиры укрепили и свою власть в качестве ведущей политической силы страны. Организуя выдвижение хана из династии Чагатаидов, дуглаты имели в виду также необходимость оградить свои владения со стороны Ферганы и Мавераннахра, где шла ожесточенная борьба тюркских эмиров за власть, а также извлечь и свои выгоды из сложившейся обстановки феодальной раздробленности Средней Азии. Это было в интересах и всей военно-кочевой знати племен Могулистана.

История внутриполитической жизни нового государства, возникшего на территории Юго-Восточного Казахстана и Киргизии в середине XIV в., отражена в источниках мало. По «Та'рих-и Рашиди», Тоглук-Ти-

---

[26] **Бартольд В. В.** Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью. 1893—1894 гг. Соч., т. IV. М., 1966, с. 62.

муру при поддержке феодальной верхушки дуглатов удалось в некоторой степени стабилизировать положение внутри страны, объединить под своей властью всю обширную территорию Могулистана, подчинить населявшие его племена [27]. Ставка Тоглук-Тимур-хана находилась в Алмалыке [28]. Борьба за объединение всех областей под эгидой центральной власти была основным содержанием внутриполитической жизни государства и при первом могульском хане. Кочевая знать отдельных племен упорно сопротивлялась попыткам со стороны хана ограничить ее независимость. О некоторых шагах, предпринятых Тоглук-Тимур-ханом по административно-политическому устройству своего государства, в частности о закреплении наследственной должности великого эмира или улусного бека (*улусбеги*) за главой племени дуглат, сообщает Мирза Хайдар. Первым улусбеком был эмир Тулик дуглат, затем Пуладчи [29].

Некоторые меры Тоглук-Тимур-ханом были приняты для упорядочения налоговой системы. Сохранилась жалоба Тоглук-Тимур-хану о незаконном взимании налога *калан* с садовников (или садовладельцев), сидевших на государственных землях *инджу* [30]. Из сообщений Мухаммад Хайдара и Махмуда бен Вали известен факт активного насаждения мусульманства Тоглук-Тимур-ханом среди подвластного ему населения Могулистана. Тоглук-Тимур-хан решил подкрепить

---

[27] Та'рих-и Рашиди, л. 6а.

[28] **Бартольд В. В.** Отчет о поездке..., с. 80. Махмуд бен Вали сообщает, что Тоглук-Тимур-хан умер в Алмалыке (Бахр ал-асрар, л. 176а); **Пантусов Н.** Город Алмалык и мазар Тоглук-Тимур-хана. — В кн.: Кауфманский сборник. М., 1910, с. 161—188.

[29] Та'рих-и Рашиди, л. 7а, 22б, 34б. Интересно, что Мирза Хайдар не сообщает о передаче Тоглук-Тимуром должности улусбека эмиру Тулик дуглату. Он предстает первый раз в рукописи уже носителем этой наследственной должности главы дуглатов. Пуладчи получает ее по воле хана. В сочинении Амин Ахмада Рази и эмир Тулик получает должность улусбека от Тоглук-Тимур-хана, а вместе с ней и вилайет Кашгар в качестве удела, пожалования (Хафт иклим, л. 456б).

[30] **Бартольд В. В.** Персидская надпись на стене анийской мечети Мануче. Соч., т. IV. М., 1966, с. 330.

свою верховную власть испытанной идеологической опорой по примеру ханов Мавераннахра, где Тармаширин-хан, продолжая линию Кебек-хана по укреплению политики сближения с местными традициями, сделал ислам официальной религией государства. Как известно, еще среди караханидских тюрков Семиречья ислам распространялся в результате интенсивных торговых связей Семиречья с городами и земледельческими центрами Мавераннахра [31]. Однако монгольские ханы-чагатаиды и тюркизированная монгольская феодальная верхушка, как и их племена, еще оставались язычниками. Подробности принятия ислама как факта внутриполитической деятельности Тоглук-Тимура интересны и красочно описаны в источниках. Мирза Хайдар сообщает, что только за один день было обращено в ислам 160 тыс. человек [32]. К тем представителям правящей верхушки, которые отказывались принять ислам, применяли строгие меры, вплоть до казни их как язычников и идолопоклонников.

Таковы некоторые факты внутренней жизни нового государства в первое десятилетие его существования. Трудно отделить для того времени, особенно при недостатке источников, внутреннюю политику правителей от внешней. Но все же внешние аспекты деятельности Тоглук-Тимур-хана освещены в источниках более подробно. Он пытался распространить свою власть и на Мавераннахр, пользуясь феодальной раздробленностью западной части бывшего Чагатаидского государства [33], чтобы удачными внешнеполитическими акциями подтвердить свой авторитет внутри государства.

В первый поход Тоглук-Тимур выступил из Семиречья в месяце раби‘ ас-сани 761 г. х. (февраль — март 1360 г.). Остановившись с войсками недалеко от Ташкента, Тоглук-Тимур-хан выслал вперед отряд под командованием трех военачальников: Улуг-Туктимура

---

[31] **Гафуров Б. Г.** Таджики, с. 345.

[32] Та’рих-и Рашиди, л. 2б, 5б—8а; Бахр ал-асрар, л. 174б.

[33] **Бартольд В. В.** Народное движение в Самарканде в 1365 г. Соч., т. II, ч. 2. М., 1964, с. 369; История Узбекской ССР, т. I, с. 311.

из племени кераит, Хаджи-бека из омака аркенут [34] и Бикчика из омака канглы. Отряд, переправившись через Сырдарью, двинулся по направлению к Шахрисябзу. Расчет Тоглук-Тимура на то, что враждующие между собой местные тюркские эмиры не окажут ему сопротивления, оправдался. Владетель Шахрисябза эмир Хаджи бежал в Хорасан; другие тюркские эмиры добровольно подчинились хану Могулистана. Среди них эмир Тимур барлас также выразил свою покорность Тоглук-Тимуру [35], за что получил в свое управление г. Кеш с уделом. Могульский хан, передавая в уделы захваченные территории, как бы подтверждал свое право как наследник чагатаидских ханов вершить делами Мавераннахра. Мирхонд так и писал: «Тоглук-Тимур-хан... считал, что трон Мавераннахра принадлежит ему» [36].

Дальнейшему продвижению могульских войск помешала помимо сопротивления населения несогласованность действий могульских военачальников, вспыхнувшая между ними вражда из-за добычи, и они возвратились назад в ставку Тоглук-Тимура. Мирза Хайдар и Шараф ад-Дин Али Йазди не говорят о причинах возвращения Тоглук-Тимура в Могулистан. В «Уложении Тимура» причиной неудачи Тоглук-Тимура назван мятеж эмиров: «Упомянутые выше военачальники не поладили не только между собой, но и восстали против хана». Внешней причиной мятежа было устранение их ханом от предводительства войсками за то, что они чрезмерно «вынуждают» с жителей Мавераннахра «вещественные подарки и денежные суммы». Отстраненные от командования эмиры «удаляются и поднимают знамя восстания», склонив на свою сторону еще и начальника дивана и первого советника хана Оглан-Ходжу. Указывается также, что мятежные эмиры ушли в Могулистан и там продолжили борьбу против

---

[34] Так, в «Зафар-наме» Йазди (л. 11б) и в «Зафар-наме» Шами (с. 15), в «Та'рих-и Рашиди» омак Хаджи-бека назван *азканут*, так же и в «Раузат ас-сафа» (т. VI, с. 5).

[35] **Йазди.** Зафар-наме, л. 12б; Та'рих-и Рашиди, л. 9а.

[36] **Раузат** ас-сафа, т. VI, с. 5.

хана [37]. Для подавления мятежа собственной племенной знати могульский хан вынужден был оставить дальнейшие попытки подчинить Мавераннахр.

Таким образом, причины неповиновения военачальников — несовпадение их целей с целями хана. Тоглук-Тимур хотел укрепить развалившееся Чагатаидское государство, кочевую знать в основном интересовала возможность обогатиться за счет грабежей оседлого населения Мавераннахра [38], они были постоянным источником обогащения феодально-кочевой знати Могулистана. Только завоевательные войны могли заинтересовать феодальную аристократию и обеспечить ее поддержку ханской власти. Грабительские налеты на оседло-земледельческие оазисы учиняли вожди племен, а также сами ханы и султаны, пытаясь упрочить свое положение и подавить стихийную борьбу трудового населения против засилия феодальной знати. Для отвлечения от борьбы феодалы завлекали бедноту возможностью легкой добычи, доставшейся в небольшом количестве и рядовым воинам во время удачных набегов.

На следующий год Тоглук-Тимур повторил свой поход в Мавераннахр. Из Могулистана он выступил весной 1361 г. Эмир Хаджи барлас вновь бежал в Хорасан, эмир Тимур заявил о своей покорности и получил подтверждение на владение уделом г. Кеша. На этот раз Тоглук-Тимуру, подавившему мятеж и укрепившему несколько свою власть над собственной военно-кочевой знатью, удалось продвинуться дальше на юг, пользуясь разногласиями между местными предводителями племен и правителями областей. В погоне за бежавшим эмиром Хусайном Тоглук-Тимур перешел через Амударью и дошел до Кундуза. От феодальных войн страдали прежде всего жители городов и сельских местностей: «Его [Тоглук-Тимур-хана] войска

---

[37] Уложение Тимура. Ташкент, 1968, с. 91, 97. Хотя вполне доказана неоригинальность и позднее происхождение этого крайне тенденциозного документа (Абдураимов М. А. Обзор литературы, посвященной Тимуру..., с. 86, 89), но в изложении отдельных фактов, как в данном случае, он мог быть компилирован на основе более ранних достоверных источников.

[38] Та'рих-и Рашиди, л. 9б.

разграбили владения и разорили народ тех территорий и районов до горных круч Гиндукуша. Весну и лето они провели в тех краях и районах» [39]. Осенью хан отправился в Самарканд. «Вся страна Мавераннахр уже была им захвачена и попала под его власть»[40]. Временному утверждению Тоглук-Тимура в Мавераннахре способствовало политическое положение в этой стране в середине XIV в., характеризовавшееся отсутствием единой центральной власти, глубокой феодальной раздробленностью.

Возвратившись в Могулистан, Тоглук-Тимур-хан оставил своим наместником в Мавераннахре Ильяс-Ходжу, своего сына. Однако могульские военачальники (эмир Бикчик и др.) подняли вскоре мятеж против Ильяс-Ходжи и его соправителя эмира Тимура [41]. Пользуясь несогласованностью в лагере своего могульского покровителя, эмир Тимур тотчас же покинул ставленника Тоглук-Тимура и вместе с эмиром Хусайном попытался сбросить власть Могулистана.

Мятежные могульские эмиры в подчиненной стране вели себя как завоеватели, заботящиеся лишь о собственной наживе. Пользуясь раздором среди самих завоевателей и возмущением народных масс, к захвату власти в Мавераннахре стремительно шел эмир Тимур, опиравшийся на местную феодальную верхушку. Ильяс-Ходжа направил против него 20-тысячное войско во главе с Тоглук-Сальдузом и Кайхосроу и другими военачальниками числом около 30 человек, среди которых были «Тимур, сын Букана, Сарык, Шангкум, Тоглук-Ходжа, брат Хаджи-бека и Куч-Тимур, сын Бикджика и другие эмиры «хазара» (тысяч) и «кошунов»...» [42]. Сражение произошло около «каменного моста» (Пул-и сангин). Эмиру Тимуру удалось обратить в бегство могульское войско, несмотря на численное превосходство последнего. Эта неудача могулов объясняется главным образом отсутствием единства в могуль-

[39] Йазди. Зафар-наме, л. 15б; Та'рих-и Рашиди, л. 10б.
[40] Там же.
[41] Та'рих-и Рашиди, л. 11а.
[42] Йазди. Зафар-наме, л. 21б.

ских войсках, скомплектованных из военных отрядов вождей различных племен, каждый из которых преследовал свои личные цели. Военно-кочевая знать могулов беспрерывно враждовала между собой, выступала против хана, если он не оправдывал ее надежды на прибыль.

Тимур преследовал разбитое могульское войско до местности Худжарат. Одновременно он отправил отряд против могульского даруги в Кеше, заставив его спешно покинуть город. Военный лагерь Ильяс-Ходжи находился в это время в Таш-Ариги, недалеко от г. Кеша. События в Могулистане (смерть Тоглук-Тимур-хана в 764 г. х. (1362—1363 гг. н. э.) заставили Ильяс-Ходжу срочно выступить из Мавераннахра, чтобы заняться делами престолонаследия [43], но подоспевшее объединенное войско Тимура и Хусайна вынудило его принять бой в местности Каба-Матан [44]. Несмотря на перевес сил, были убиты многие могульские военачальники: только что прибывший из Могулистана Тук-Тимур бахадур, который вместе с эмиром Бикчиком командовал в этом бою правым флангом могульского войска, брат дуглатского эмира Бикчика Бики, Доулат-Шах и др. Попали в плен к Тимуру эмир Бикчик, Искандар-оглан, Эмир-Хамид курлаут, возглавлявший вместе с ханом левый фланг, эмир Юсуф-Ходжа и сам наследник хана Ильяс-Ходжа. Шараф ад-Дин Йазди сообщает, что воины Тимура, взявшие в плен могульского хана, «в силу великодушия, являющегося врожденным качеством всех тюрков» [45], отпустили его и эмира Бикчика, возможно, за большой откуп. Остальные эмиры были впоследствии перебиты в плену. Разбитое могульское войско бежало за Ташкент.

Так окончился недолгий «протекторат» могульского правителя над западной частью бывших владений Чагатаидов [46]. Однако, став ханом, Ильяс-Ходжа про-

---

[43] **Йазди.** Зафар-наме, л. 22б; Та'рих-и Рашиди, л. 13б.

[44] Та'рих-и Рашиди, л. 13б, 15а.

[45] **Йазди.** Зафар-наме, л. 24а; Та'рих-и Рашиди, л. 15б. Мирхонд нашел свое объяснение: «Из-за хорошего отношения тюрков к потомкам Чингиз-хана» (Раузат ас-сафа, т. VI, с. 11).

[46] Там же, л. 24б; Та'рих-и Рашиди, л. 16а.

должил внешнеполитический курс своего отца — предпринял новую попытку восстановить под эгидой Чингизидов бывшие чагатаидские владения. Мавераннахр все еще находился в состоянии политической раздробленности. Поход на среднеазиатские территории Ильяс-Ходжа-хан предпринял в 1365 г. Тимур и Хусайн со своими войсками встретили его между Чинасом и Ташкентом на берегу Сырдарьи. Происшедшая здесь 22 мая 1365 г. знаменитая «Грязевая битва» («Джанг-и лой») имела большое значение для обеих сторон. Во время сражения начался сильный ливень, затруднивший боевые действия войск, так как лошади скользили и падали. Более привычные к суровому климату Могулистана и лучше экипированные войска Ильяс-Ходжи сумели выстоять в этой битве. По образному слову историка-летописца, «войска этой стороны [то есть Тимура и Хусайна] совершенно лишились чувства чести и мужества... летящая птица стрелы опустила крылья, клюв ее поник. От слишком обильной сырости одежда и прочее снаряжение стали настолько тяжелыми, что ни всадник не имел силы двигаться, ни пеший» [47]. Воины могульского хана, укрывшиеся на время ливня кошмами (войлочными плащами — *намадха*), «насколько это было возможно, сохранили от дождя свою одежду и оружие... Когда войска Тимура приблизились к ним, они сбросили с себя кошмы и на свежих конях и с неиспорченным оружием ринулись в бой» [48].

Описание битвы, очень подробное (его использовал А. Ю. Якубовский для характеристики эволюции тактики ведения боя при Тимуре [49]), известно нам только из сочинений тимуридских авторов и Мирза Хайдара. Они, естественно, приписывали Тимуру все истинные и несуществовавшие успехи. Рассказывается, что в начале битвы Тимур атаковал своим левым флангом (*мейсаре*) правое крыло (*меймане*) могульского войска, фланговой защитой которого (*канбул*) командовал Шан-

---

[47] Зафар-наме, л. 26а; Та'рих-и Рашиди, л. 19а.

[48] Там же, л. 26а; Та'рих-и Рашиди, л. 18б.

[49] **Греков Б. Д., Якубовский А. Ю.** Золотая Орда и ее падение, с. 349 и др.

гкум-нойон, и разбил его, в результате чего могульский хан Ильяс-Ходжа обратился было в бегство, но положение спас левый фланг могульского войска, в канбуле которого были эмиры Широгул и Хаджибек. Он обрушился на правый фланг, центром (*кул*) которого командовал Хусайн барлас, и обратил его в бегство [50].

По словам историков, Тимур как будто вновь стал одерживать верх, но из-за нерешительности Хусайна проиграл сражение. После ночной передышки сражение разгорелось с новой силой. Подошедшее свежее могульское войско эмира Шамс ад-Дина дуглата заставило Тимура повернуть назад, причем «в панике бегства много людей было затоптано в грязь и ил». Сообщается, что «на поле гибели пало около 10 тысяч человек» [51]. Победа открыла дорогу могульскому войску в Мавераннахр. Му'ин ад-Дин Натанзи сообщает о грабежах могулов по пути на Самарканд: «После победы могулы протянули руки грабежа и насилия к стране ислама, занялись убийствами и разбоем» [52]. Тимур и Хусайн бросили на произвол судьбы Самарканд и ушли за Амударью. Но взять город могульскому хану не удалось: население, руководимое сербедарами, оказало сопротивление захватчику.

Движению сербедаров в Мавераннахре, а также роли его в обороне Самарканда 1365 г. от могульских войск посвящено много специальных исследований [53]. Здесь необходимо отметить лишь некоторые данные источников, касающиеся непосредственно характеристики действий могульского войска. Шараф ад-Дин Али Йазди отмечает, что оно было «многочисленным и хорошо вооруженным» [54]. Абд ар-Раззак Самарканди

---

[50] **Йазди.** Зафар-наме, л. 26б.

[51] Там же; Та'рих-и Рашиди, л. 19а.

[52] Мунтахаб ат-таварих-и Му'ини, л. 248б.

[53] **Бартольд В. В.** Народное движение в Самарканде в 1365 г., с. 362—379; **Гуревич А. М.** О классовой борьбе в Самарканде...; **Строева Л. В.** Сербедары Самарканда. — «Учен. зап. Ленингр. ун-та», 1949, № 98, вып. 1, с. 270—281; **Гафуров Б. Г.** Таджики, с. 477—481; История Самарканда, т. I. Ташкент, 1969, с. 158—162.

[54] **Йазди.** Зафар-наме, л. 28а.

пишет, что могулы использовали при осаде «обычные тактические приемы кочевников: притворное бегство и неожиданное нападение» [55], но их попытка сломить сопротивление горожан не привела к успеху. Авторы сообщают о многочисленности могульского войска, подчеркивают военное искусство могулов. Му'ин ад-Дин Натанзи пишет, что к Самарканду направилось десять тысяч могулов. В одной из атак погибла и была ранена (по сведениям Абд ар-Раззака Самарканди) одна тысяча человек; Натанзи пишет, что было убито и ранено около двух тысяч [56]. «Потерпев неудачу и отчаявшись [взять город], они занялись грабежом окрестностей города». Продолжительная осада обессилила войско, к тому же «на лошадей [войска] Джете (т. е. Могулистана) напала конская чума, от которой погибло столько лошадей, что на четырех всадников не осталось и одной лошади» [57]. Потеря трех четвертей всего конного состава ослабила войско могулов. Хотя историки-панегиристы, проникнутые ненавистью к народно-освободительному движению сербедаров, особо подчеркивают именно эту причину (т. е. чуму) неудачи осады Самарканда могульским войском, главная причина, безусловно, была в героическом сопротивлении народных масс Самарканда, организованном сербедарами.

Так окончились попытки первых двух ханов Могулистана восстановить Чагатаидское государство. Они не имели под собой реальной почвы, так как распад Чагатаидского государства — искусственного политического объединения, созданного завоеваниями монголов, — был закономерным явлением, обусловленным экономическими и этно-политическими причинами. Одна из них заключалась в этническом формировании племен Юго-Восточного Казахстана и Киргизии в народности, что вызывало необходимость создания собственной государственности. Боролось за освобожде-

---

[55] **Бартольд В. В.** Народное движение в Самарканде в 1365 г., с. 372.

[56] Мунтахаб ат-таварих-и Му'ини, л. 249а.

[57] **Йазди.** Зафар-наме, л. 28б, рук. № 4472, л. 113б.

ние от владычества монголов также и оседло-земледельческое, и городское население Мавераннахра, в глазах которого ханы Могулистана и их войска справедливо отождествлялись с бывшими ханами из Чагатайского улуса. Могулистанские ханы не учитывали объективных причин распада государства Чагатаидов, чем и объясняется неудачная внешнеполитическая направленность их действий. Вместо того чтобы укреплять свое государство, восстанавливать хозяйство, более энергично противостоять феодальным усобицам, первые правители феодального государства в Юго-Восточном Казахстане и Киргизии увлеклись внешнеполитическими акциями и не сумели укрепить свое государство перед лицом вскоре возникшей опасности походов Тимура, дорогу которому к деспотической власти, кстати, расчистили в какой-то степени набеги войск могульских ханов. То же происходило и в соседней Ак-Орде, хан которой, Урус, в эти же годы предпринимал бесплодные попытки укрепить распадавшуюся Золотую Орду, а в вопросах обеспечения внутриполитического единства Ак-Орды также проявил нерешительность. Разумеется, действия ханов Ак-Орды и Могулистана по организации завоевания соседних земель, набегов на них под предлогом восстановления рушившихся монгольских государств объяснялись главным образом классовыми интересами феодально-кочевой знати, ставленниками которой они были и поддержку которой могли обеспечить лишь удачной завоевательной внешней политикой.

Внешнеполитическая деятельность ханов и феодальной верхушки нарушала мирные экономические связи кочевого и полукочевого населения Дашт-и Кипчака и Семиречья с оседло-земледельческим населением Туркестана и Мавераннахра: «После выделения пастушеских племен мы находим готовыми все условия для обмена между членами различных племен, для его развития и упрочения как постоянного института»[58]. Советские исследователи, изучающие жизнь кочевого общества средневековья, на основе свиде-

[58] **Маркс К., Энгельс Ф.** Собр. соч., т. 21, с. 160.

тельств документов подтвердили это положение Ф. Энгельса [59]. Они отмечают, что торговые мирные связи населения кочевых скотоводческих и оседлых земледельческих районов существовали всегда и являются определяющими во взаимоотношениях носителей двух различных взаимодополняющих и отнюдь не противоборствующих сфер хозяйства — кочевого скотоводства и оседлого земледелия и городского ремесла. Торговый обмен, спрос на продукты животноводства были важнейшими факторами существования и расширения производства в скотоводческом хозяйстве. Население оседлых районов также было заинтересовано в поддержании торговли с кочевниками-скотоводами, так как получало от них и недостающее продовольствие (мясо), сырье для целого ряда отраслей ремесленного производства (шерсть, кожи и т. д.), и готовые изделия (шерстяные, войлочные и др.). Потребности, спрос населения скотоводческих районов давали стимул для развития близлежащих с кочевой степью городов. Так, можно считать, что в большой степени именно эти связи способствовали восстановлению и росту городов в XIV—XV вв. в присырдарьинском оазисе Южного Казахстана [60].

Антинаучный взгляд на взаимоотношения кочевников и оседлого населения как на антагонистические, обусловленные якобы антагонистическим различием

---

[59] **Бартольд В. В.** История культурной жизни Туркестана, с. 239; **Толстов С. П.** Древний Хорезм. М.—Л., 1948, с. 275 и др.; **Бернштам А. Н.** Проблемы древней истории и этногенеза Южного Казахстана. — «Известия АН КазССР», 1949, № 67, вып. 2; **Маргулан А. Х.** Из истории городов и строительного искусства древнего Казахстана. Алма-Ата, 1950; **Батраков В. С.** Хозяйственные связи кочевых народов с Россией, Средней Азией и Китаем. Ташкент, 1958; **Златкин И. Я.** История Джунгарского ханства (1635—1758). М., 1964; **Он же.** Концепция истории кочевых народов А. Тойнби и историческая действительность. — В кн.: Современная историография стран зарубежного Востока. Проблемы социально-политического развития. М., 1971, с. 148, 172—178; **Гафуров Б. Г.** Таджики.

[60] **Пищулина К. А.** Присырдарьинские города и их значение в истории казахских ханств. — В кн.: Казахстан в XV—XVII вв. Алма-Ата, 1969.

в хозяйственной деятельности, давно уже отвергнут советскими историками, основывающими свой вывод на конкретных примерах из многовековой истории взаимоотношений кочевников и жителей оазисов. Именно мирные торговые контакты, обусловленные экономическими потребностями, а не бесконечные войны, не набеги были ведущими во взаимоотношениях населения средневекового Казахстана с оазисами Средней Азии. Предпринимавшиеся же феодально-кочевой верхушкой племен набеги в целях личного обогащения, расширения сферы эксплуатации, как и ответные походы феодальных владетелей оседлых районов, объясняются не требованием производства в скотоводческом обществе, а классовой сущностью феодалов, стремившихся к хищнической эксплуатации не только собственных подданных, но и кочевого, и оседлого населения соседних областей. Этими же причинами объясняются и действия могулистанских ханов и стоявшей за ними феодальной верхушки.

События внутриполитической жизни Могулистана после Тоглук-Тимур-хана недостаточно освещены в источниках. Мухаммад Хайдар пишет, что время правления Ильяс-Ходжа-хана после возвращения его в Могулистан из-под Самарканда было непродолжительным. Он добавляет также, что «об этом Ильяс-Ходжахане среди могулов не сохранилось ни имени, никаких других сведений»[61], и сообщает о нем только то, что стало ему известно из «Зафар-наме» Шараф ад-Дина Али Йазди.

Некоторые дополнительные сведения приведены у Му'ин ад-Дина Натанзи, Махмуда бен Вали, Мирхонда.

Недолгое правление Ильяс-Ходжа-хана отмечено борьбой различных феодальных группировок. Центральная ханская власть в Могулистане была исключительно слабой, ограниченной волей феодальной верхушки, представители которой постоянно стреми-

---

[61] Та'рих-и Рашиди, л. 11б, 22а.

лись усилить свои позиции как путем подавления сопротивления своих противников внутри страны, так и путем удачных внешних завоевательных акций. Ханы были бессильны перед феодальной знатью. Неспособность их вести удачную завоевательную политику вызывала недовольство знати и могла стоить правителю не только ханского титула, но и жизни, как это случилось с Ильяс-Ходжа-ханом после поражения в Мавераннахре в 1365 г. Конкретные обстоятельства падения власти и гибели Ильяс-Ходжа-хана освещены в источниках весьма противоречиво. Определенно только связывается это с выступлением эмира Камар ад-Дина, одного из виднейших представителей феодальной верхушки племени дуглат. В его борьбе против ханской власти нашла свое яркое выражение направленность устремлений могульской феодальной знати, по примеру тюркской знати Мавераннахра, к захвату власти в свои руки, без традиционного привлечения к управлению Чингизида, с одной стороны, а с другой — все более нараставшее этно-политическое сплочение тюркского населения Семиречья.

Сведения о времени и конкретных событиях выступления Камар ад-Дина дуглата противоречивы. Мирза Хайдар отмечает, что уже сразу после смерти Тоглук-Тимур-хана «в Могулистане начались беспорядки» [62], связанные с его мятежом. Камар ад-Дин попытался захватить верховную власть в Могулистане. Му'ин ад-Дин Натанзи отмечает, что сначала могульские эмиры, в том числе Камар ад-Дин и его брат Шамс ад-Дин дуглат, объединились и посадили Ильяс-Ходжа-оглана на ханский трон [63]. Начало правления нового хана было отмечено полосой феодальных усобиц. «Когда прошел всего лишь один год его правления, властью в улусе насильно завладели эмиры. Все опасались и боялись друг друга. Однако по той причине, что был в живых представитель династии Чингиз-хана, никто не имел желания подчиняться простолюдину (*карачу*). Эмир Камар ад-Дин в один из дней

[62] Та'рих-и Рашиди, л. 22а.
[63] Мунтахаб ат-таварих-и Му'ини, л. 248а.

765 г. х. [1365—1366 гг.] напал на ставку (*орду*) и убил Ильяс-Ходжу, когда тот спал. После этого, оказывая почтение старшему брату, он поставил над собой эмира Шамс ад-Дина, который был великим эмиром (*эмир ал-омара*) и вместе с другими эмирами они двинулись на Мавераннахр»[64]. Дальше автор описывает события, связанные с битвой 1365 г. («Джанг- и лой»), т. е. у Натанзи события смещены. Но это одна из наиболее полных версий правления и гибели второго могульского хана. Мухаммад Хайдар приводит еще две версии. Он сообщает, что Камар ад-Дин восстал еще раньше — после того, как умер Тоглук-Тимур-хан. Причиной его возмущения против хана Мирза Хайдар называет отказ Тоглук-Тимур-хана передать ему, Камар ад-Дину, высшую должность в феодальной администрации могульского государства — должность улусного бека (*улусбеги*), которую по традиции занимал глава племени дуглатов. После смерти Пуладчи улусбеком по указу Тоглук-Тимура был назначен его семилетний сын и наследник Худайдад, а не старейший из оставшихся в живых вождей дуглатов Камар ад-Дин. Возможно, отказ Тоглук-Тимура предоставить должность улусбека Камар ад-Дину объясняется желанием избавить себя от опеки всесильного улусбека. Отобрать ее у верхушки племени дуглат хан не решился.

По другой версии, Камар ад-Дин поднял мятеж лишь после смерти Ильяс-Ходжи. Махмуд бен Вали поддерживает версию, изложенную Натанзи, но в отличие от него пишет, что убийство произошло после возвращения хана из Самарканда[65]. «При всем противоречии обеих версий, — замечает Мухаммад Хайдар, ссылаясь на могульские устные предания, — важно одно: поскольку не стало больше могущественного хана [Тоглук-Тимура], эмир Камар ад-Дин... убил восемнадцатилетнего [Ильяс-Ходжа-]хана, а ханский титул присвоил себе. В Могулистане начались беспорядки»[66].

---

[64] Там же.
[65] Бахр ал-асрар, л. 179б.
[66] Та'рих-и Рашиди, л. 22б.

Камар ад-Дин уничтожил якобы всех членов ханской семьи, за исключением последнего отпрыска Тоглук-Тимур-хана малолетнего Хизр-Ходжы, которого, по Мухаммад Хайдару, улусбек эмир Худайдад дуглат надежно спрятал на юге Кашгарии.

Длительное время Камар ад-Дин пытался подчинить феодально-племенную знать. Отсутствие сильной власти вызвало полную дезорганизацию политической и хозяйственной жизни в стране, что отмечает Мухаммад Хайдар: «Эмир Камар ад-Дин занимался в Могулистане делами управления ханством и устраиванием всех дел. Но вследствие противодействия эмиров [в стране] был беспорядок и раздоры... Эмиры, все без исключения, всячески, как только было возможно, прилагали усилия к противодействию ему» [67]. Очевидно, что эмиры не столько желали возвращения центральной власти в руки «законного» хана-чингизида, сколько не хотели возвышения одного из таких же племенных вождей. Нежелание допустить к верховной власти дуглатов, которые занимали самые высокие государственные посты и играли важную роль при ханском дворе, было причиной противодействия со стороны эмиров различных племен намерению Камар ад-Дина захватить верховную власть. В конце концов он, очевидно, подчинил себе значительную часть могульских племен (в тимуридских источниках при описании набегов Тимура его противником часто называют именно Камар ад-Дина, до тех пор, пока не стал ханом Хизр-Ходжа).

Тот факт, что в Могулистане практически не было централизованной власти даже при наиболее сильном правителе (Тоглук-Тимур-хане), объясняется тем, что не созрели объективные условия для объединения территории Могулистана. Хотя образование Могулистана как независимого государства и было некоторым положительным сдвигом в дальнейшем этническом формировании казахских племен (как и киргизских), в целом оно закрепляло оторванность этой части тюркского населения от родственного населения остальной

---

[67] Там же, л. 22б, 23а, 36б; Бахр ал-асрар, л. 180а.

территории Казахстана. Оно оформляло в рамках этой государственности также племена киргизского союза на Тянь-Шане и части Семиречья, особое положение в государстве занимала уйгурская народность. Феодальные войны в Могулистане, которые вели представители верхушки этих этнических групп, отражали их обособленность внутри государства. Этно-политические объединения внутри Могулистана, в свою очередь, фактически состояли из самостоятельных феодальных владений родо-племенной знати.

Помимо могущественной в экономическом и политическом отношении верхушки дуглатов в лице Камар ад-Дина и его братьев источники упоминают глав ряда других племен (некоторые из них упоминались выше). О феодальной раздробленности в Могулистане, противоречиях и раздорах между предводителями различных племен в этот период накануне вторжений Тимура говорит Шараф ад-Дин Али Йазди: «Между эмирами Джете случилась вражда. Камар ад-Дин, который был из омака дуглат, Кебек-Тимур и Ширавул [у Шами — *Широгул*] с частью [могульских (так у Шами)] войск объединились против Хаджи-бека аркенута»[68]. После столкновения с ним Камар ад-Дин и Кебек-Тимур бежали, а Хаджи-бек пошел на Ширавула и убил его. Границы владений отдельных племен и улусных владетелей были очень подвижны и часто менялись. Верхушка более сильных племен вела постоянную борьбу как за ослабление своих соседей, за лучшие пастбища и т. д., так и против центрального правительства. Все это вызывало противодействие народных масс, недовольством которых часто пользовались возвысившиеся представители феодальной знати.

---

[68] **Йазди.** Зафар-наме, л. 44б; **Шами.** Зафар-наме, с. 52. У Шами не указано, к какому племени принадлежал Хаджи-бек.

Борьба населения Юго-Восточного Казахстана против захватнической политики эмира Тимура в последней трети XIV в.

Большой урон хозяйственной и политической жизни населения Юго-Восточного Казахстана нанесли завоевательные походы Тимура. Тимур, как известно, поднялся в 70-х гг. XIV в. на волне усобиц тюркской и тюркизированной (чагатаидской) знати Мавераннахра, использовавшей в своих классовых интересах антимонгольские настроения и борьбу народных масс Средней Азии против ханов Могулистана, пытавшихся восстановить «законную власть» Чагатаидов в Мавераннахре. Отражая классовые интересы чагатаидской кочевой знати Мавераннахра, Тимур проводил завоевательную грабительскую политику по отношению к другим странам и народам [69]. Одними из первых жертвами его агрессии стали народы Юго-Восточного Казахстана и Киргизии (Могулистана) и Восточного Дашт-и Кипчака (Ак-Орды).

Постоянная опасность извне и мятежи, неповиновение местных кочевых феодалов, племенной знати, противостоявших центральной ханской власти — все это определяло жизнь Могулистана в последней трети XIV в. Завоевательная политика двух первых могульских ханов сменилась в начале 70-х гг. оборонительной позицией.

Политическая история Юго-Восточного Казахстана последней трети XIV в. являет собой любопытный в своем противоречии пример. С одной стороны, здесь сложилось государство, правящая верхушка которого — феодальная военно-кочевая знать — всегда стремилась к завоеваниям, что было характерно и для феодальной знати кочевых и полукочевых племен Дашт-и Кипчака, Монголии, Афганистана и других стран, легко поднимавшей свои племена на грабительские войны как в целях обогащения, так и в целях ослабле-

---

[69] Новосельцев А. П. Об исторической оценке Тимура. — «Вопросы истории», 1973, № 2, с. 3—20.

ния социальных противоречий внутри государства[70]. В источниках мы встречаем примеры набегов войск не только ханов Могулистана, но и особенно много фактов грабительских походов отдельных военно-феодальных предводителей племен на соседние оседло-земледельческие районы. Один из таких фактов сообщает Низам ад-Дин Шами. Он рассказывает, что в Могулистан бежали два мятежных военачальника Тимура — Кайхосроу и Джалаир, и к ним на помощь (а на деле — вмешаться в междоусобную борьбу в Мавераннахре и поживиться добычей) пришли в Ташкент могульские эмиры Ширавул и Кучек-Тимур с восемью тысячами человек.

С другой стороны, этому государству в Юго-Восточном Казахстане и Киргизии самому на протяжении длительного времени приходилось обороняться как от соседнего правителя оседло-земледельческой Средней Азии — Тимура, так и позднее от кочевых восточных соседей — калмаков (ойратов).

История походов Тимура в Могулистан кратко изложена у В. В. Бартольда[71]. Мы же сравним факты различных источников, говорящие о том, как менялись на протяжении последней трети XIV в. цели и задачи Тимура в отношении Могулистана и каковы последствия его набегов для политико-государственной и хозяйственно-культурной жизни Могулистана. Следует учитывать, что данные тимуридских источников по этому вопросу — единственные, в которых не только описаны сами военные походы, но и характеризуется внутреннее положение Юго-Восточного Казахстана. Нет необходимости объяснять, насколько осторожным должен быть подход к этим сочинениям, отражавшим официальную точку зрения Тимура и Тимуридов.

Почти все источники объясняют начало походов Тимура как ответную реакцию на набеги могульских эмиров с грабительскими целями на Мавераннахр.

---

[70] **Ахмедов Б. А.** Государство кочевых узбеков, с. 49; **Иванов П. П.** Очерки по истории Средней Азии, с. 50 и др.

[71] Очерк истории Семиречья, с. 81—83.

Это объяснение, однако, не совсем соответствует истинному положению вещей — поставленной Тимуром перед собой задаче ослабления соседей, которые могли бы помешать созданию мощного централизованного государства в бывших владениях Чагатаидов. Низам ад-Дин Шами пишет о набегах могульских эмиров Кепек-Тимура и Узбек-Тимура [73] и об ответном походе в 773 г. х. (1371—1372 гг.) Тимура. Мухаммад Хайдар считал, что Тимур не сам ходил в первый поход в Могулистан, а послал против Узбек-Тимура кераита войско, которое дошло «до пределов Алмалыка». После битвы с племенем кераит и заключения мира войско вернулось [74]. О набегах могульских эмиров на Мавераннахр, вызвавших ответный поход Тимура, сообщают также Му'ин ад-Дин Натанзи и Мирхонд [75].

Заключенный с кераитами мир не удовлетворил Тимура и он лично выступил в поход на Могулистан. Сведения о двух первых походах противоречивы. Шами сообщает, что посланное Тимуром против могульских эмиров войско преследовало их до Сегиз-Игача в Прииссыккулье [76]. В оценке характера и результатов похода авторы сочинений не расходятся [77]. «В руки победного войска попало много пленных и бесчисленная добыча, и победные знамена с огромной добычей, выходящей за пределы исчисления, вернулись...» [78] —

---

[72] **Ахмедов Б. А.** Улугбек и политическая жизнь Мавераннахра..., с. 35; **Муминов И. М.** Роль и место Амира Тимура..., с. 11, 44.

[73] Узбек-Тимур — так у Хафиз-и Абру, который сообщает, что он «овладел могульским вилайетом» (т. е., очевидно, захватил власть в свои руки на какой-то части Могулистана). В рук. **Шами** — Урунг-Тимур; в «Та'рих-и Рашиди» Узбек-Тимур является эмиром племени кераит.

[74] Та'рих-и Рашиди, л. 23а. В «Зафар-наме» Йазди нет сведений в том, с кем было это первое сражение Тимуридов в Могулистане.

[75] Мунтахаб ат-таварих-и Му'ини, л. 268а; Раузат ас-сафа, с. 31.

[76] **Шами.** Зафар-наме, с. 64.

[77] Мунтахаб ат-таварих-и Му'ини, л. 268а.

[78] **Йазди.** Зафар-наме, л. 57б; **Шами.** Зафар-наме, с. 64; Мунтахаб ат-таварих-и Му'ини, л. 268а:, Раузат ас-сафа, т. VI, с. 31; Та'рих-и Рашиди, л. 23б.

этот итог похода Тимура в Южный Могулистан отражен всеми авторами в тех или иных вариантах. Это были «разведывательные» походы Тимура, окончившиеся захватом добычи и пленных и демонстрацией своей силы.

Следующий поход состоялся в 776 г. х. (начало 1375 г.). На этот раз Тимур поставил целью пройти в глубь Могулистана и разбить основные силы могульского улуса, объединенные эмиром Камар ад-Дином дуглатом, который добился верховной власти в государстве. Му'ин ад-Дин Натанзи прямо называет цели Тимура в этом походе завоевательными: «Ради интереса управления могульскими илями [Тимур] принял решение отправиться в поход (*йуреш*) в ту область»[79]. Путь тимуридских войск и на этот раз шел через Сайрам в направлении Семиречья. «Пройдя Сайрам, они достигли местности Джарун» (т. е. р. Чарын), недалеко от которой находился Камар ад-Дин: «Он собрал свое войско и находится в местности Кок-тобе в ожидании Хаджи-бека»[80]. Му'ин ад-Дин Натанзи сообщает, что в это время «другие сардары [военачальники, предводители войск] Могулистана ушли в набег на Мавераннахр»[81], т. е. не подчинились Камар ад-Дину как верховному правителю страны.

Несмотря на добытые сведения, Тимуру не удалось неожиданно напасть на войско Камар ад-Дина. Могульский предводитель, узнав о походе Тимура, «не нашел возможности оставаться» и скрылся в неприступном месте, называемом Арышлар (по «Та'рих-и Рашиди»), или (по другим сочинениям) — Берке-и Гурйан. В. В. Бартольд установил, что это ущелье на притоках р. Чарын: «Там находится труднодоступное урочище, которое называют Берке-йи Гурйан, там текут 3 большие реки. Камар ад-Дин перешел через две реки и остановился около третьей, а проходы закрыл»[82]. Передовой отряд (манглай) во главе с Джа-

---

[79] Мунтахаб ат-таварих-и Му'ини, л. 268б.

[80] **Шами.** Зафар-наме, с. 69; Та'рих-и Рашиди, л. 24б; У Натанзи — *Кара-Тобе* (л. 268б).

[81] Мунтахаб ат-таварих-и Му'ини, л. 268б.

[82] **Шами.** Зафар-наме, с. 69.

хангиром подошел к этому месту, произошло сражение (о нем сообщают не все авторы), могулы обратились в бегство в направлении к р. Или. Подошедший утром к урочищу Тимур отправил в погоню еще один отряд, который гнался за могулами до р. Или и далее вдоль нее: «Когда настигли вражеский иль, разграбили его, захватили все имущество (*мал ва минал*), скот (*чахарпайан*), а «тысячи» (*хазареха*), которые составляли иль, разделили на курени и отправили в Самарканд»[83]. Угон захваченных в плен людей показателен для набегов Тимура на Могулистан.

Натанзи сообщает, что от Или тимуридский отряд повернул назад, а Камар ад-Дин бежал в сторону Уча (Уч-Турфан в Восточном Туркестане). Тимур послал вслед войско Джахангира, приказав «истреблять» («искоренять») противника[84]. Йазди сообщает, что «пройдя сквозь иль и улус» Камар ад-Дина, «разграбили все его местности и стоянки» и захватили в плен знатных дуглаток, жену и дочь эмира Шамс ад-Дина. Все авторы отмечают, что Джахангир доставил к Тимуру «многочисленную добычу в виде пленников, лошадей и овец»[85].

Обратный путь Тимура лежал из Байтака через Кара-Касмак в местность Атбаши (р. Атбаши), далее «в степь Арпа-Йази» (долина р. Арпа в Киргизии). Здесь, отмечают авторы тимуридских сочинений, один из могульских эмиров, эмир «тысячи» (*амир- и хазара*) Мобарак-Шах мекрит устроил Тимуру пышную встречу. Предательство отдельных представителей могульской кочевой знати еще более ослабляло раздробленную страну.

Весной 777 г. х. (1376 г.) Тимур послал в Могулистан эмира Сар-Бугу кипчака, Адил-Шаха джалаира и других эмиров «тысяч» с 30-тысячным войском

---

[83] Та'рих-и Рашиди, л. 25а.

[84] Мунтахаб ат-таварих-и Му'ини, л. 269а.

[85] **Йазди.** Зафар-наме, л. 63б; Та'рих-и Рашиди, л. 25б; Низам ад-Дин Шами называет число захваченных овец не поддающимся счету.

(با گلهای گوسفند که از حد وعد وشمار بیرون بود)

конницы «усердно искать Камар ад-Дина и убить его, если только они смогут его найти»[86]. Однако эмиры не пошли в Могулистан, а, пользуясь уходом самого Тимура в Хорезм, подняли мятеж и, собрав свои племена, джалаиров и кипчаков, выступили на Самарканд, но неудачно, после чего бежали сначала в Дашт-и Кипчак к хану Белой Орды Урусу, потом «бежали ко двору Камар ад-Дина в Джете [Могулистан] и попытались возбудить в нем дух восстания [против Тимура]»[87]. Камар ад-Дин сразу же откликнулся на этот призыв и вместе с тимуридскими эмирами двинул войско на Андижан, но, пробыв в Фергане всего 3 дня, из-за подхода войск Тимура вынужден был повернуть назад в Могулистан, через Атбаши. Отправив отсюда в отдаленные районы Могулистана (باقصی مغولستان)[88] свою семью и обозы (*агрук, иль ва хана*), Камар ад-Дин укрылся в удобном для засады месте с 4 тыс. всадников.

Когда Тимур с небольшим отрядом подошел к названному месту, Камар ад-Дин вышел из своего укрытия, но, несмотря на превосходство сил, был разбит и бежал. После этого Тимур отправил на Кашгар часть своих войск, а сам продвинулся дальше в Могулистан, но Камар ад-Дину удалось скрыться[89]. Тимур через Атакуль с огромной добычей[90] возвратился в Мавераннахр. Так закончился четвертый поход Тимура. Камар ад-Дин потерпел серьезное поражение, но его главные силы ушли в глубь Могулистана, во всяком случае, в следующем году (1377) Тимур вновь посылает против него войска. По всей видимости, Камар ад-Дин распоряжался не одним только своим племенем в Юго-Восточном Казахстане, но имел некоторое влияние как

---

[86] Та'рих-и Рашиди, л. 33а; **Йазди.** Зафар-наме, л. 66а.

[87] Там же.

[88] Раузат ас-сафа, т. VI, с. 36; По Шами и Йазди, племя (иль) и семья хана были отправлены им из Атбаши (соответ. с. 72 и л. 66а), по Мирза Хайдару, — оставлены в Атбаши, что, очевидно, ошибочно, если исходить из тактических соображений (л. 34а); The Tarikhi Rashidi..., p. 46.

[89] **Шами.** Зафар-наме, с. 73; **Йазди.** Зафар-наме, л. 66б; Мунтахаб ат-таварих-и Му'ини, л. 270а; Раузат ас-сафа, т. VI, с. 37.

[90] **Йазди.** Зафар-наме, л. 68а.

верховный правитель и на другие племена Семиречья и Тянь-Шаня, хотя власть его в стране была, конечно, весьма ограничена. Большинство из походов авторы сочинений называют именно походами «против Камар ад-Дина», но здесь же говорят, «против могульского улуса», «улуса джете», т. е. Камар ад-Дин воспринимался современниками как верховный правитель Могулистана.

В 1377 г. Камар ад-Дин после проигранного сражения в Аба-Куме, в котором с обеих сторон было большое число убитых[91], укрылся в «неприступном месте». «Этой победой [Тимурида Омар-Шайха] его [Камар ад-Дина] боеспособность была полностью подорвана и остаток могульского улуса, который еще оставался в целости... был взят в плен. Для Камар ад-Дина не осталось возможности находиться ни в одной из местностей в Могулистане». Захваченные пленники вместе с «неисчислимой» добычей были доставлены в Мавераннахр и проданы в рабство. «С того времени стали известны в Мавераннахре и в других странах могульские гуламы и рабы (*барда*)»[92].

Несмотря на явную тенденциозность тимуридских придворных историографов, сказавшуюся в преувеличении размеров поражения, понесенного Камар ад-Дином (несколько месяцев спустя Тимуру пришлось вновь выступать против него), общая картина бедственного положения населения Южного Семиречья в результате первых грабительских погромов Тимура вырисовывается достаточно ярко. Камар ад-Дин потерял свои основные военные силы, да и весь могульский улус долгое время не мог оправиться от разгрома, тем более что в том же 1377 г. Тимур еще раз, теперь уже лично, совершил нашествие на Прииссыккулье, дошел до пределов Джумгала и Кочкара. Передовой отряд (*манглай*) в составе нескольких эмиров и их войск дошел до Боамского ущелья (на пути из Чуйской долины к озеру Иссык-Куль) и там настиг Камар ад-Дина, «развеяв иль его ветром разграбления, а людей забрав

---

[91] **Хафиз-и Абру.** Зубдат ат-таварих. Изд. Тауэра, т. II, с. 41.
[92] Мунтахаб ат-таварих-и Му'ини, л. 271а.

в плен»[93]. Камар ад-Дин бежал с небольшим числом приверженцев. Сам Тимур вернулся назад в Мавераннахр в связи с приходом к нему за помощью Тохтамыша и поспешил воспользоваться этим приходом для утверждения своего влияния в Ак-Орде.

В 1383 г. отправленное Тимуром войско в Могулистан столкнулось с племенем барин (бахрин, баарин). В сражении победу одержали могулы, предводитель отряда был убит. Тимур отправил еще несколько дополнительных отрядов, которые должны были найти главу могульского улуса Камар ад-Дина. Отряды объединились и, пройдя мимо Иссык-Куля в глубь Семиречья, дошли до местности Кок-тобе, но Камар ад-Дин успел уйти на север Семиречья. Тимуридские войска вернулись в Мавераннахр.

Цепь поражений Камар ад-Дина от Тимура окончательно подорвала его влияние как главы улуса, объединившего ряд племен в Юго-Восточном Казахстане. Еще более выросла обособленность отдельных могульских племен, возглавляемых военно-феодальной знатью. Отсутствие централизованной власти ослабляло сопротивление кочевого населения Семиречья грабительским набегам Тимура и давало ему возможность разбивать его по частям: в предыдущих походах несколько раз был разбит не только могульский улус в составе нескольких племен, непосредственно подчинявшихся Камар ад-Дину, но и одно из наиболее значительных, фактически не зависимых от него племен — баарины.

Шесть лет спустя, в 1389 г., Тимур предпринял самый разрушительный поход на Юго-Восточный Казахстан.

По сведениям тимуридских и других сочинений, в это время в Могулистане было несколько фактически не зависящих друг от друга феодальных владений: кроме основного могульского улуса Камар ад-Дина самостоятельными были владения вождей племен булгачи, баарин, аркенут, обособился улус Енге-тора и др. К 1389 г., воспользовавшись тем, что в результате ряда

[93] Йазди. Зафар-наме, л. 68а.

поражений Камар ад-Дин потерял реальную власть в государстве, дуглаты, властители Манглай-Субе, в лице улусбека Худайдада поставили ханом Могулистана сына Тоглук-Тимур-хана Хизр-Ходжу, которого улусбек Худайдад, по сообщению Мухаммад Хайдара, прятал от Камар ад-Дина в горах между Кашгаром и Бадахшаном. Принадлежность Хизр-Ходжи к ханской династии вызывает сомнения [94], тем не менее он стал верховным правителем Могулистана, хотя еще долгое время власть его оставалась номинальной. Трудно сказать, в какой степени зависели от верховного хана упомянутые выше, да и другие улусы-владения, не попавшие на страницы исторических хроник, но, безусловно, существовавшие в это время. В 90-х гг., уже после гибели эмира Камар ад-Дина, в течение более двадцати лет правившего большей частью Могулистана, власть Хизр-Ходжа-хана стала более реальной.

Ко времени похода 1389 г., наиболее разорительного, тяжелого для Могулистана, произошла перегруппировка сил среди феодальной знати. Камар ад-Дин, чей улус выдержал основную тяжесть предыдущих набегов Тимура, в результате этого несколько утратил свою власть в Могулистане и ушел в Дашт-и Кипчак искать помощи у Тохтамыша, захватившего власть к тому времени в Ак-Орде, с целью склонить его к совместной борьбе с Тимуром. Совместные действия они начали с набега на ближайшие к Ак-Орде тимуридские пограничные присырдарьинские оазисы в Туркестане [95] (этот историко-географический термин относился в XIV—XV вв. к земледельческим оазисам бассейна средней Сырдарьи). Получив поддержку в Ак-Орде, Камар ад-Дин возвратился в Могулистан и подчинил

---

[94] Бартольд В. В. Очерк истории Семиречья, с. 82. К отмеченному автором противоречию сведений «Та'рих-и Рашиди» о дате рождения Хизр-Ходжа-хана и смерти Тоглук-Тимура добавим еще следующее несоответствие: «Когда Камар ад-Дина не стало и люди принялись искать хана, эмир Худайдад послал человека, который и привез Хизр-Ходжу из тех пределов. Люди собрались и подняли хана» (л. 34а). В тимуридских же сочинениях говорится, что Камар ад-Дин и Хизр-Ходжа-хан действовали в одной коалиции против Тимура.

[95] Мунтахаб ат-таварих-и Му'ини, л. 282а — 283а.

себе некоторые из племен, ранее бывших под его властью. К этому времени большое влияние в Могулистане приобретает родственник одного из могульских эмиров Хаджи-бека из племени аркенут (в сочинениях его называют Енге-тора). В. В. Бартольд считает его одним из военачальников могульского хана Хизр-Ходжи. Автор главы V «Истории Киргизской ССР» К. И. Петров называет Енге-тора главой самостоятельного «крупного государственного объединения или улуса», существовавшего с 70-х по 90-е гг. XIV в. в «Или-Иртышском междуречье», в районе Эмиля и Тарбагатая и являвшегося «киргизским объединением правого и левого крыла» [96]. На основе данных сочинения Сайф ад-Дина Ахсикенти «Маджму' ат-таварих» (XVI в.) автор пишет, что этот предводитель носил имя Бай Мурата черика, а *Енге-тора, Инка-тура* являлись его титулами *инак* и *тора*; приведена в этом сочинении и его родословная.

Однако если Бай Мурат черик та же личность, что и Енге-тора (или личность, носившая титулы *инак-тора*), и правил киргизским улусом в последние десятилетия XIV в., то как он мог быть потомком в пятом колене Ахмад-бек могула — «правителя и основателя «правого» и «левого» крыла киргизов», если прототипом этого Ахмад-бека могула считать исторически достоверного Ахмад-хана могула, сына Юнус-хана, правившего Восточным Могулистаном и киргизами сотню лет спустя в самом конце XV в. Об этом отождествлении пишет сам автор главы, справедливо отмечая, что «обстановка расселения народов и территориально-государственных отношений в период, непосредственно предшествующий жизни автора «Маджму' ат-таварих», переносятся в предшествующее время». Кроме того, в конце XIV в. Бай Мурат никак не мог воевать с калмаками в Семиречье — их здесь не было в то время. Ясно, что владение Енге-тора было одним из многих крупных могульских улусов-владений, получивших относительную самостоятельность в период феодальной раздробленности в Могулистане 70—80-х гг., но опреде-

---

[96] История Киргизской ССР. Фрунзе, 1968, т. I, с. 204—206.

лить конкретно этническую принадлежность зависимых от него жителей Могулистана пока не представляется возможным из-за отсутствия более точных сведений, хотя о родственной близости самого Енге-тора к упомянутому выше эмиру из племени аркинут говорит тимуридский историограф Низам ад-Дин Шами, сообщивший о набегах Енге-тора на Мавераннахр в 1387—1388 гг.[97]

Тимура в это время в Мавераннахре не было, он был занят походом в Иран. В сражении с правителем Ферганы Омар-Шайхом Енге-тора одержал верх, захватил «добычу без числа и счета», затем пошел к Самарканду и разграбил окрестности города. Под Бухарой также произошло сражение. Тимур срочно прибыл из Ирана, Енге-тора вернулся в Могулистан. Взаимные набеги кочевой феодальной знати, как могулистанской, так и мавераннахрской в 70—80-х гг. XIV в., несли тяжелые бедствия трудовому населению этих районов. Енге-тора действовал в Мавераннахре в союзе с Тохтамышем (1381—1396 гг.), также предпринимавшим набеги на Мавераннахр.

К концу 80-х гг. сложилась коалиция правителей Могулистана и Ак-Орды против Тимура[98], в которую входили помимо этих двух феодальных правителей Камар ад-Дин, а с 1389 г.— новый глава Могулистана Хизр-Ходжа-хан. Этот политический союз способствовал объединению разрозненных сил населения Центрального, Южного (Ак-Орда), Юго-Восточного Казахстана и Киргизии (Могулистан) против единого врага. Коалиция была направлена против попыток Тимура поставить в зависимость население этих районов Казахстана и Киргизии, помешать укреплению хозяйственной и политической независимости государств на территории Восточного Дашт-и Кипчака, Семиречья и Тянь-Шаня. Совместные действия населения различных частей средневекового Казахстана против общего врага играли положительную роль в этническом сплочении племен в единую общность. В источниках, к сожале-

---

[97] **Шами.** Зафар-наме, с. 106—107.
[98] История Киргизской ССР, т. I, с. 207.

нию, содержится очень мало сведений о взаимоотношениях населения (хотя бы в лице его феодальных правителей) этих частей средневекового Казахстана, однако, несомненно, они существовали и, безусловно, находили выражение не только во взаимной борьбе племенных групп за пастбища, за контроль над торговыми путями, но и в объединении сил в общей борьбе, в частности против завоевательных устремлений Тимура. Это нашло отражение в организации упомянутой выше антитимуровской коалиции. Взаимоотношения населения названных выше территорий Казахстана становились более тесными в условиях объединения его в одном межгосударственном союзе, тем более в рамках одного феодального владения. Кадыргали Джалаири сообщает, например, что владения правителя Ак-Орды Урус-хана распространялись на Таласскую долину, западную часть Семиречья: «Урус-хан поселился в местности у предгорий Ала-Тага. Этот край известен высокими горами, прекрасными пастбищами и многочисленностью родниковых вод. С этих гор берет начало бесчисленное множество рек. Город Старый Талаш расположен там и находится невдалеке от городов Отрара и Сайрама. В этих вилайетах протекают Чу, Талаш, Иссык-Куль, Текелик, Алмалык, Или, Каратал; Йетти-Кент также находится там. Народ этого края многочислен, известен могуществом и отвагой. Об этом широко известно. Урус-хан в течение нескольких лет правил на этой территории» [99].

Однако эти сведения не совсем отвечают действительности. Если вполне вероятно, что Урус-хан кочевал в Таласской долине невдалеке от своих владений с центром в Сыгнаке и прилегающем районе, то совсем нет свидетельств, что он был на Иссык-Куле, в Джетыкенде (восточной Фергане) и в Алмалыке. Сочинения, более близкие по времени к периоду правления в Ак-Орде Урус-хана и описывающие события именно в этих районах, ничего не говорят о пребывании Урус-хана в

---

[99] **Кадыргали Джалаири.** Джами ат-таварих. Рук. Научной библ. Казанского гос. университета № 5028, л. 60б (перевод Н. Н. Мингулова).

Семиречье. На мнение Джалаири, писавшего на два с лишним столетия позже, вероятно, повлияли более близкие к нему события, имевшие место столетие спустя после Урус-хана, в 60-х гг. XV в.: создание потомками Урус-хана Джанибеком и Гиреем Казахского ханства на этой территории (в Чу-Таласской долине) с последующим включением в него всех казахских племен Семиречья, расширением власти казахских ханов на весь Юго-Восточный Казахстан. Тем не менее факт общения населения Центрального и Южного Казахстана и Семиречья в тот период не был для современников чем-то невозможным.

Тимур, получивший известие о сложившемся союзе его северных и северо-восточных противников, оставил дела в Иране и зимой 1390—1391 гг. предпринял известный поход против Тохтамыша в Дашт-и Кипчак. Перед этим он предпринял менее известный в литературе, но не менее тяжелый по своим последствиям для коренного населения районов Юго-Восточного Казахстана грабительский поход 1389 г. в Семиречье.

Сначала Тимур выступил против Тохтамыш-хана, но предводители войска склонили его пойти прежде в Могулистан, с тем чтобы разбить могульских союзников Тохтамыша, а затем возобновить поход в Дашт-и Кипчак. Низам ад-Дин Шами пишет, что противником Тимура в Могулистане был Енге-тора [100]; Шараф ад-Дин Али Йазди, а вслед за ним и Мирхонд называют в числе противников и Хизр-Ходжа-хана [101]. Тимур повернул из местности Ал-Кошун и направился в Могулистан через Бури-Баши. Маршрут похода Тимура и его многочисленных отрядов в 1389 г. в Могулистан сохранился во всех подробностях с упоминанием многочисленных топонимов (в основном тюркских), что представляет большой интерес для определения языковой принадлежности населения Семиречья в средневековье. Но лишь очень немногие из топонимов можно соотнести с сохранившимися географическими назва-

[100] **Шами.** Зафар-наме, с. 114.
[101] **Йазди.** Зафар-наме, л. 116б; Раузат ас-сафа, т. VI, с. 65.

ниями, что отмечал еще В. В. Бартольд [102], подробно осветивший события похода и его маршрут. Называемые ниже географические пункты вплоть до Аягуза не поддаются идентификации, так что трудно сказать точно, каким маршрутом шел Тимур. Не упомянута переправа через р. Чу, возможно, что войско повернуло из Дашт-и Кипчака и шло мимо северных склонов Каратау, затем вдоль реки. Не названа и р. Или, которую войска должны были бы пересечь. Некоторые детали маршрута говорят о том, что движение войск шло, вероятно, вдоль Балхаша. Немногие достоверные названия, сохранившиеся из историко-географической картины Семиречья того времени, позволяют лишь примерно определить, в каких местах Юго-Восточного Казахстана прошли с грабежами тимуридские войска.

После Бури-Баши войска прошли курук (заповедное ханское место) Тубалик [103], горный проход Артак (по другим сочинениям, Уртаг и Узнак). Из-за недостатка лошадей часть войска Тимур отправил назад в Мавераннахр, оставшаяся часть одвуконь дошла до местности Алтын-Сури по безводной пустынной равнине. Войска страдали от безводья и недостатка продовольствия, запасы провианта пополняли охотой. Прошли степь Айгыр-Ялы, затем Улаг-Чарлиг (Улан-Чарлик). В этой местности Тимуриды столкнулись с войском военачальников, подчиненных Енге-тора, которые пришли туда, чтобы «утвердить тот вилайет за Енге-тора и разыскать племя (*кабила*) баарин»[104]. Произошло сражение, в результате которого военачальники Енге-тора бежали. Один из пленников сообщил, что сам Енге-тора находится в местности Урунг-Йар. Тимур спешно отправил ускоренным маршем конный отряд, приказал огней дорогой не зажигать, чтобы напасть на Енге-тора внезапно. Но позже выяснилось, что проводник (*качарчи* قچر چی) неправильно показал дорогу. Далее войско шло через Кийан-Кази и Кок-Сали [105], а на сле-

[102] Очерк истории Семиречья, с. 82, 83. В. В. Бартольд дает переводы некоторых географических названий.

[103] Зубдат ат-таварих. Изд. Тауэра, т. II, с. 71.

[104] **Шами.** Зафар-наме, с. 114.

[105] **Йазди.** Зафар-наме, л. 117а.

дующий день прибыло в Аягуз. Здесь Тимур разделил свои войска на две части, чтобы с двух сторон подойти к месту расположения Енге-тора. Путь самого Тимура лежал через Шара, Шибарту, Кой-Мараг, Караган и Бурлау [106] в Кара-Гучур, лежавший в западной части хребта Тарбагатай [107]. Омар-Шайх с другой группой войск дошел до р. Кобук («пересекая горы и пустыни, он проходил и везде, где сталкивался с врагом, он завязывал бой и всех разбивал»). Здесь произошло большое сражение с Енге-тора, в котором он был разбит [108]. Победителям достались неисчислимая добыча и богатство, много лошадей, верблюдов и пленных. Затем Омар-Шайх отправился искать ушедших ранее с другими отрядами эмиров, дошел до местности «Ит-Ичмес на Алакуле», где столкнулся с отрядом могулов в 800 чел. Многие из этого отряда были перебиты, «все, что они имели из имущества и животных, все разграбили и много табунов лошадей и отар овец (گله‌های اسپ گوسفند) угнали; в благополучии и с добычей вернулись в августейший лагерь» [109].

Некоторое время Тимур оставался в Кара-Гучуре. Отсюда один отряд численностью 30 тыс. человек во главе с Джахан-Шахом был послан им на Иртыш в погоню за ушедшим туда Енге-тора. Подойдя к берегу Иртыша, отряд прочесал местность по обоим берегам реки «и во всех местах, и на островах и всюду, где укрывались, убежав, враги, их находили, убивали и грабили. Таким путем захватили множество пленных и бесчисленную добычу...» [110]. Не менее образно описывает картину насилия над кочевым населением Семиречья и грабежей, чинимых тимуридскими войсками, историк Мирхонд: «Дали бой противникам, которые укрывались в укрепленных местах, и из мелочей по части грабежа и убийства не оставили ничего неиспол-

---

[106] Так в «Зафар-наме» Йазди. л. 117а.

[107] У Шами соответственно: *Каратау, Шипарту, Караган* и *Йирлагу, Буйурлагу,* с. 114.

[108] **Бартольд В. В.** Очерк истории Семиречья, с. 82, 83.

[109] **Йазди.** Зафар-наме, л. 117б; **Шами.** Зафар-наме, с. 115.

[110] **Йазди.** Зафар-наме, л. 118а.

ненным и с огромной добычей, ни с чем не сравнимой, прибыли в августейший лагерь» [111].

Захваченных в плен могулов Тимур отправил в Мавераннахр, разделив их на курени, переправил и награбленную добычу [112]. После этого он выступил из Кара-Гучура, прошел через местность Чукчун и прибыл в Эмиль-Гучур, где расположился в ханской ставке Сарай-Ордам. Здесь на курултае было решено разделиться на отряды и опустошить все районы Могулистана («послать войска во все стороны и окрестности Могулистана [с целью] истребить улус Джете» [113]), в том числе и южные районы, куда были вызваны и новые войска из Туркестана, сосредоточенные на подступах к Могулистану. Решено было также собрать группу проводников (*качарчи*) и расспросить о «могульских дорогах», зафиксировать их в «тетрадях», разойтись по разным направлениям и затем собраться на Йулдузе. Перечень отрядов, их численности и маршрутов передвижения, а главное, свидетельства о грабежах, истреблении местного населения, приведенные в рукописях, подтверждают осуществление поставленной Тимуром жестокой цели хозяйственного разорения Юго-Восточного Казахстана и Киргизстана, истребления его населения («Было приказано: пусть войска отдельными отрядами отправятся по разным дорогам и прочешут все земли и степи той страны, которая является местом кочевий и обитания племен джете (т. е. могулов), и везде, где [могулов] найдут, пусть их уничтожат» [114]). Было разослано 5 отрядов общим числом до 120 тыс. человек во главе с сыновьями Тимура и эмирами в сопровождении проводников. Нередко проводниками были выходцы из местной знати, перешедшей на сторону Тимура: Омар Шайх с ферганским войском пошел в юго-восточном направлении («нападали по всем сторонам и окрестностям [от дороги] и везде, кого находили из врагов, убивали и грабили» [115]) на крепость Ка-

---

[111] **Раузат ас-сафа**, т. VI, с. 65.
[112] **Йазди.** Зафар-наме, л. 118а.
[113] **Там же.**
[114] **Там же.**
[115] **Там же**, л. 118б; **Шами.** Зафар-наме, с. 115.

ра-Ходжа в Восточном Туркестане; его проводниками названы некий ханский отпрыск Бурхан-оглан и сын могульского эмира Бикчика Байан-Тимур.

Второй отряд численностью 30 тыс. во главе с эмирами Джахан-Шахом и Шайх-Али бахадуром направился через перевал Кара-Арт. «Везде, где врага находили, убивали и грабили» [116]. Один из отрядов во главе с Худайдадом Хусейни и другими эмирами численностью 20 тыс. столкнулся с племенем булгачи. Битва длилась целый день и ночь [117]. Булгачи были разбиты и обращены в бегство, а обозы их разграблены. С большой добычей отряд вернулся в ставку Тимура. Основные войска во главе с Тимуром направились из района Эмиля через Улуг-Кул, где еще при монголах была главная стоянка военных сил [118] к месту сбора — Йулдузу (равнина в междуречье Кунгеса и Текеса). По дороге этот отряд тоже напал на «иль и вилайет булгачи», разбил их, захватив «бесчисленное имущество и неисчислимую добычу» [119]. Низам ад-Дин Шами сообщает, что многие люди из племени булгачи были убиты. «[Тимур] приказал, чтобы перебили всех, кого смогут, а остальных разграбили. Неисчислимое богатство попало в руки победоносного войска» [120]. Ценные сведения в дополнение к сказанному приводят Шами и Хафиз-и Абру. Разбив и рассеяв булгачи, Тимур отдал их территорию в уделы своим сыновьям и эмирам, что лишний раз подтверждает захватнические устремления этого завоевателя на территории Юго-Восточного Казахстана. «Эмиру Йадгару, эмирзаде Сулайман-Шаху, Гийас ад-Дин тархану, эмиру Шамс ад-Дину и Той-Бука-шайху приказал: «Эта область, которая была местом пребывания врагов, впредь пусть будет вашим местом жительства и юртом». В соответствии с приказом они построили там жилища, занялись благоустройством и землепашеством» [121]. Правда, Хафиз-и Абру по-

---

[116] **Йазди.** Зафар-наме, л. 118б.
[117] **Шами.** Зафар-наме, с. 116.
[118] **Бартольд В. В.** Очерк истории Семиречья, с. 83.
[119] **Йазди.** Зафар-наме, л. 118б.
[120] **Шами.** Зафар-наме, с. 116.
[121] Там же.

другому раскрывает цели этого приказа Тимура. «На той территории, ввиду того, что во время возвращения у войска не будет в достатке продовольствия (*азук*)», перечисленных выше эмиров «со всеми их воинами оставил, чтобы они занялись земледелием и посеяли просо (*арзан*) и кукурузу (*зоррат*)»[122]. То есть Тимур приводил завоеванную территорию в состояние такого хозяйственного разорения, что огромные области после прохождения его войск оставались совершенно пустынными и безлюдными, он уже не рассчитывал на обратном пути встретить кого-нибудь из местного населения и поживиться его продовольствием.

Эмиры посланного Тимуром на розыски племени отряда булгачи неожиданно натолкнулись на Хизр-Ходжа-хана. Оба войска два дня простояли, не рискнув начать сражение, обменялись послами и, «заключив клятву и договор», разошлись. Тимур, услышав о близком нахождении улуса Хизр-Ходжа-оглана, сам пошел против него. После переправы через р. Кунгес он прибыл на Йулдуз, назначенный местом сбора всех войск, и оттуда — в поход на могульского хана через горный проход Каратур в местность Карабулак (в Восточном Туркестане), настиг там войско Хизр-Ходжи и обратил его в бегство. Часть из бежавших в сторону Кара-Ходжа могулов была перебита Омар Шайхом, другая захвачена в плен. Тимур преследовал Хизр-Ходжа-хана до Чалыша. И снова летописцы говорят о захвате добычи, «выходящей за пределы счета и воображения»[123]. Мирхонд утверждает даже, что Хизр-Ходжа-оглан был лишен ханского звания и права управлять Могулистаном, а иль и улус его разорили войска Тимуридов, захватившие «бесчисленное множество скота»[124]. Несколько дней пробыв на Йулдузе, где собрались все отряды, 15 ша'бана 791 г. х. (8 августа 1389 г.) Тимур выступил на Самарканд.

На следующий год, 792 г. х. (1390 г.) Тимур, в значительной степени ослабивший племена и улусы в

---

[122] Зубдат ат-таварих. Изд. Тауэра, т. II, с. 74.
[123] Зубдат ат-таварих. Изд. Тауэра, т. II, с. 75.
[124] Раузат ас-сафа, т. VI, с. 66.

в Семиречье и на Тянь-Шане, еще раз послал войско, с тем чтобы окончательно опустошить край и истребить население. Войско проследовало к Иссык-Кулю, затем на Кок-Тобе, откуда прошло через Алмалык, переправилось через р. Или и пришло в юрт Енге-тора на Каратале. Здесь произошла битва одного из передовых отрядов войска с Камар ад-Дином, который ушел в степь за Иртыш. Часть войска тимуридских эмиров гналась за ним налегке, без обоза. Камар ад-Дин бежал в сторону Алтая [125]. Обратный путь тимуридского войска шел мимо озера Балхаш (в рукописях Йазди и Шами — *Атрак-куль*).

Такова история войн эмира Тимура в последней трети XIV в. на территории Юго-Восточного Казахстана и Киргизии, принесших неисчислимые бедствия их населению. В результате этих войн значительно уменьшилась численность населения, опустела территория Юго-Восточного Казахстана. Отрицательно сказались грабительские походы Тимура на экономике Семиречья: пришли в упадок остатки древней оседло-земледельческой культуры Семиречья, погибшей еще раньше в результате нашествия монголов; понесло тяжелейший урон скотоводческое хозяйство.

В исторической литературе нередко можно встретить мнение, что в странах, лежавших к северу и северо-востоку от его государства, Тимур не вел завоевательной политики. В. В. Бартольд писал: «Против северных и восточных соседей Мавераннахра Тимур совершил несколько походов, но только для того, чтобы отомстить степнякам за прежние набеги и уменьшить опасность от этих набегов в будущем. Прочное умиротворение степи было возможно только при условии колонизационного движения в сторону степи, которого при Тимуре не было» [126]. В «Очерке истории Семиречья», в котором В. В. Бартольд кратко излагает историю походов Тимура, оценка политики Тимура в отношении Могулистана отсутствует. В более поздних работах он дает дополнение: «Только в последние годы

[125] Там же, с. 67.
[126] История Туркестана. Соч., т. II, ч. 2, с. 160.

жизни Тимура, в связи с задуманным походом на Китай, мы видим с его стороны действия, к которым правители нашего времени приступили бы с самого начала. Принимаются меры к более прочному подчинению тех турецко-монгольских народностей, против которых до тех пор предпринимались только набеги; в степи строятся крепости, причем передовым пунктом была крепость на Иссык-Куле; вообще проявляется забота о восстановлении земледелия и городской жизни. Все, что в этих отношениях было достигнуто перед походом Тимура на Китай, было устранено тотчас после смерти Тимура, и попытки его преемников вновь подчинить кочевников не имели почти никакого успеха» [127]. В. В. Бартольд считает, таким образом, что политика Тимура на востоке стала завоевательной только в самом конце его деятельности, а в 70—90-х гг. XIV в. она была лишь оборонительной «от набегов степняков».

Такой же — вслед за В. В. Бартольдом — считает политику Тимура в отношении Центрального и Юго-Восточного Казахстана и А. Ю. Якубовский: «Занятый в 70-х годах объединением Средней Азии в единое государство, Тимур все время был озабочен вопросом о создании такого внешнеполитического окружения для своего государства, при котором оно могло бы спокойно существовать. С этой точки зрения Тимур с особой опаской поглядывал на восточные и северо-восточные границы Мавераннахра. Его тогда больше всего беспокоили монгольские ханы из Семиречья и Кашгара и Улус Джучи» [128]. Перешла эта оценка и в «Очерки истории СССР» («Первые походы Тимура были направлены против Могулистана, чтобы пресечь нападения на Мавераннахр» [129]), хотя в целом в этом издании, как и во многих других изданиях советских историков, дана правильная оценка деятельности Тимура [130].

---

[127] Двенадцать лекций по истории..., с. 177.

[128] **Греков Б. Д., Якубовский А. Ю.** Золотая Орда и ее падение, с. 337.

[129] Очерки истории СССР. Период феодализма (XIV—XV вв.), т. II. М., 1953, с. 658.

[130] **Новосельцев А. П.** Об исторической оценке Тимура, с. 6, 7.

Современные узбекские исследователи также пишут, что Тимур и Тимуриды на восточной границе своего государства постоянно защищались от кочевых могулов Семиречья (как и на северной границе — от кочевников Дашт-и Кипчака). О «защите страны от нашествия кочевых узбеков и могулов» неоднократно говорит Б. А. Ахмедов [131]. Наконец, И. М. Муминов пишет, что в первый период (до 1386 г., т. е. как раз в период большей части походов Тимура в Могулистан) все усилия и стремления Тимура были направлены на создание в Мавераннахре вместо «Чагатаева улуса, идущего к упадку, сильного государства», что его действия как государственного деятеля якобы отражали интересы народных масс Мавераннахра, боровшихся, «против междоусобных войн, своеволия мелких феодальных правителей, против набегов разбойничьих войск могулистанского ханства и Золотой Орды» [132]. Автор совершенно не показывает, за счет чего, каких жертв, лишений, страданий соседних народов осуществлялось создание этого «сильного государства» в Средней Азии. Такого рода оценка деятельности Тимура является односторонней, идеализирующей его личность [133]. Справедливо отмечая грабительский характер «войн, которые вел Тимур за захват территорий Индии, Ирана, Закавказья, Египта, Турции, южных районов Руси», автор по непонятной причине не включил в это число Ак-Орду, Золотую Орду, Могулистан, Кашгарию. Разве походы в эти страны не носили грабительский характер, не преследовали цели захвата этих стран? Роль деятельности эмира Тимура в истории народов Казахстана абсолютно отрицательна; крайне ошибочно мнение, что в Юго-Восточный Казахстан Тимур ходил только за тем, чтобы отразить нападения живших здесь кочевников на оседлые районы Средней

---

[131] **Ахмедов Б. А.** Улугбек и политическая жизнь Мавераннахра...

[132] **Муминов И.** Роль и место Амира Тимура..., с. 11, 44.

[133] **Иовчук М.** Интернационалистская культура многонационального советского народа. — «Коммунист», 1973, № 3, с. 60; **Новосельцев А. П.** Об исторической оценке Тимура, с. 7, 8; **Абдураимов М. А.** Обзор литературы, посвященной Тимуру..., с. 86—90.

Азии. Если первые 3—4 похода хотя бы внешне прикрывались (в сочинениях тимуридских авторов) необходимостью наказать, отомстить за набеги могульских феодалов на Мавераннахр, то захватнических целей последующих походов (начиная с 1377 г.) не скрывают даже тимуридские панегиристы, всячески и неоднократно подчеркивающие «необходимость истребления», «искоренения» населения Юго-Восточного Казахстана и Киргизии, подчинения его Тимуру. Массовые истребления населения как во время многочисленных сражений (а каждый взрослый мужчина у кочевников был, как известно, воином и принимал участие в сражениях), так и при столкновениях вторгшихся войск с небольшими по численности группами местного населения, а также часто упоминающийся всеми тимуридскими авторами угон кочевого населения в плен, переселение остатков разбитых улусов и племен в пограничные районы Мавераннахра — эта потеря людских ресурсов значительно уменьшила хозяйственно-производственные возможности края. Тимур переселял массы кочевого и полукочевого населения с целью увеличения численности податного населения в своем государстве, что в те времена при сравнительно малой плотности заселения имело большое значение.

Целью Тимура были не только грабежи, захват огромной добычи и истребление населения и как результат этого — дезорганизация хозяйственной, внутриполитической жизни, ослабление военной силы, а вместе с тем и внешнеполитических возможностей местных правителей. Он имел в виду и прямой захват, присоединение этой территории как вассальной. Выше приводились примеры, свидетельствующие о захватнических стремлениях Тимура в Могулистане. При возвращении с Йулдуза из похода 1389 г. Тимур оставил правителем в Могулистане (хакимом) своего сына Джанах-Шаха бахадура [134], очевидно, вынудив Хизр-Ходжу стать в вассальные отношения; выше упоминалось свидетельство Мирхонда об отказе Хизр-Ходжа-хана от власти в Могулистане. Позже Могулистан был подчинен (прав-

[134] **Шами.** Зафар-наме, с. 117.

да, формально) тимуридскому наместнику в Ташкенте.

В результате походов Тимура в Могулистане еще больше ослабла государственная власть, усугубилась феодальная раздробленность, расширились междоусобицы, затормозился процесс этнического сплочения тюркских племен Семиречья и Тянь-Шаня в народности. Феодальные усобицы, распад государства на отдельные феодальные владения, равно как и внешние вторжения, одинаково отрицательно сказывались на консолидации близких тюркских племен (в Ак-Орде — в казахский Средний жуз, в Могулистане — в казахский Старший жуз). Слабость центральной власти в Могулистане в 70—80-е гг. XIV в., сконцентрировавшейся в лице Камар ад-Дина дуглата, который пытался сплотить вокруг себя все могульские племена Юго-Восточного Казахстана и Киргизии, облегчила задачу Тимуру. Как было показано, Тимур легко разбивал одно племя за другим, одного улусного владетеля за другим, так как феодально-племенная знать, занятая междоусобной борьбой за власть в стране, не сумела объединить свои силы, чтобы противостоять завоевателю, хотя попытки были не только в рамках могульского государства, но и с родственным тюркоязычным населением соседней Ак-Орды.

Захватнический характер политики Тимура в Могулистане и Кашгарии правильно подчеркивают современные киргизские исследователи [135]. Однако некоторые моменты в их оценке последствий завоевательных походов Тимура на территории Юго-Восточного Казахстана и Киргизии кажутся не совсем доказанными, например, что в результате нашествия Тимура «тяньшаньские монголы пострадали больше киргизских племен» и что в итоге ускорилась ассимиляция монголов киргизами [136]. В первом издании «Истории Киргизии» также сказано, что монголы (т. е. могулы) были истреблены и переселены в большей степени, чем киргизы (войско Тимура вернулось в Мавераннахр, «уводя с со-

---

[135] **Петров К. И.** Очерки феодальных отношений..., с. 21—22; История Киргизской ССР, т. I, с. 207—208.

[136] Там же, с. 21.

бой толпы тянь-шаньских монголов и некоторое количество кипчакско-киргизского населения» [137]). В последнем издании «Истории Киргизской ССР» отмечается та же тенденция: «Войска Тимура... пленили в 1389 г. многие могульские и, наверное, некоторые киргизские родо-племенные группы». И далее: «Политика Тимура и Тимуридов имела неодинаковые последствия для могульских улусов и киргизов. Вторжения Тимура наиболее пагубно сказались на близко расположенных владениях могулов на Тянь-Шане. Их государственная организация, приходившая в упадок по мере нарастания феодальной раздробленности, была окончательно подорвана погромами Тимура. Значительные массы населения, в среде которого намечался процесс оседания, были истреблены, рассеяны или уведены в плен. Киргизские племена Или-Иртышского междуречья тоже пострадали от погромов, но в меньшей степени. Они легче перенесли временное перемещение на Алтай и быстрее оправились от поражения» [138].

На самом же деле многочисленные свидетельства письменных источников говорят о том, что людские потери (убитые, угнанные в плен, переселенные на новые территории) несло все население Могулистана (Семиречья и Тянь-Шаня), как тюркское, так и отюреченное. В источниках нет разделения на монгольские и тюркские группы населения. Население этой территории, как уже говорилось, носило общее этно-политическое название *могулов*, и этот термин охватывает собой племенные группы, восходящие к древним тюркам, частью к монголам, тюркизированным уже к этому времени, и в дальнейшем оказавшиеся частично в составе казахов Старшего жуза, частично — в составе киргизов. Киргизский улус булгачи, улус Енге-тора и другие, судя по источникам, испытали такие же тяжелые потери, как и прочее население, в том числе и казахские племена дулатов, кереев, уйсуней, канглы и др. Потери были велики для всего населения этого края.

---

[137] История Киргизии, т. I. Фрунзе, 1963, с. 195.
[138] История Киргизской ССР, т. I, с. 208—209.

Несмотря, однако, на катастрофические последствия тимуридских завоевательных походов в Могулистан, Тимуру не удалось уничтожить население края, превратить Юго-Восточный Казахстан в безлюдную пустыню. Как только вражеские войска удалялись, бежавшее население возвращалось на свои земли. Срочная откочевка, массовое отступление, рассеянное бегство — обычные маневры, применявшиеся кочевыми и полукочевыми народами в борьбе с врагами. При приближении вражеских войск они угоняли в глубь территории, в горы или леса, в естественные укрытия (иногда отстоявшие за сотни километров от места кочевания или зимовок и встречи с врагом) стада, уводили обозы с основным населением, а часть вооруженных воинов оставляли для сражения с врагом или для заманивания его в другую сторону. Отдельные группы населения оставались и на оккупированной территории, скрывались в труднодоступных горных ущельях и урочищах. О такой тактике кочевников пишут и наши авторы: «Когда победные знамена [войск Тимура] прошли через Сайрам и Йанги, противник [то есть могулы] услышали о движении его величества, они предпочли бегство стойкости и рассеялись в степях и горах» [139], «Камар ад-Дин отступил к Атбаши... могулы разбились на группки (фоудж) по 10 человек... и в той степи укрылись... а агрук он отправил в отдаленные районы Могулистана» [140].

Неточным представляется и суждение о судьбах могульского государства: «...просуществовав как единое государство всего полтора десятка лет, он (Могулистан) быстро распался на несколько владений, или улусов» [141]. Материалы о дальнейшем периоде истории Юго-Восточного Казахстана показывают, что государственная организация продолжала здесь существовать, хотя и не в централизованной форме, и после Тимура. Слов нет, государство могульских ханов пострадало от нашествия Тимура, расшатана была политическая ор-

---

[139] Раузат ас-сафа, т. VI, с. 31.
[140] Зубдат ат-таварих. Изд. Тауэра, с. 75.
[141] История Киргизской ССР, т. I, с. 208.

ганизация местной феодальной знати, нанесен огромный ущерб хозяйству, сократилась численность населения, усилилась феодальная раздробленность. Но в целом сохранились и население, и его государственная организация. В борьбе против захватнической политики Тимура и против феодалов крепли дружеские связи казахских и киргизских племен Семиречья и Тянь-Шаня, формировавшихся в народность казахских племен Семиречья и Восточного Дашт-и Кипчака.

Вся история феодальной эпохи — это история беспрерывной борьбы за власть феодальных правителей, удельных владетелей, ханов и претендентов на ханство, это история междоусобиц и завоевательных войн и отражения других завоевателей. Таковой была историческая реальность смутной феодальной эпохи и в регионе Семиречья, такой ее отразили исторические документы. Однако за всей этой стеной феодальной борьбы, усобиц и завоеваний стоял народ, его классовые интересы, его жизнь, его антифеодальная борьба.

Борьба народов Казахстана и Киргизстана против экспансии Тимура сливалась с борьбой народов Мавераннахра и других завоеванных им стран против тяжелого гнета, установленного его деспотическим военно-феодальным государством.

Глава 2

ЮГО-ВОСТОЧНЫЙ КАЗАХСТАН В ПЕРИОД ФЕОДАЛЬНОЙ РАЗДРОБЛЕННОСТИ МОГУЛИСТАНА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XV в.

Хизр-Ходжа-хан постепенно распространил свою власть на многие разрозненные ранее (в 70—80-х гг. XIV в.) могульские племена и улусы. Автор «Та'рих-и Рашиди» отмечает, что новый хан установил некоторый порядок в стране: «[Хизр-Ходжа-хан] укрепил основы ханства, разрушенные господством эмира Камар ад-Дина и засилием эмира Тимура» [1]. Низам ад-Дин Шами сообщает, что Хизр-Ходжа располагал значительными военными силами, на которые он опирался, подчиняя постепенно своей власти феодально-племенную знать [2]. Борясь за верховную власть в стране, в первые годы он не проявлял своего неповиновения Тимуру. «Забрав власть в могульском улусе в свои руки, [Хизр-Ходжа-хан] послал гонцов ко дворцу [Тимура] и высказал свое повиновение»,— пишет в связи с этим Му'ин ад-Дин Натанзи [3]. В свою очередь, Тимур, занятый завоевательными походами в страны Ближнего и Среднего Востока, оказал в конце 90-х гг. поддержку ранее разбитому им могульскому хану, надеясь увидеть в нем покорного ставленника.

---

[1] Та'рих-и Рашиди, л. 33б.
[2] **Низам ад-Дин Шами.** Зафар-наме, с. 213.
[3] Мунтахаб ат-таварих-и Му'ини, л. 249б.

Хизр-Ходжа сломил сопротивление могульской кочевой знати, в чем ему, возможно, помог тимуридский наместник в Могулистане Омар-Шайх, правитель Ферганы. Так по Хафиз-и Абру [4], и по другим известиям, Омар-Шайх был наместником только в Кашгаре. Эти отношения были скреплены династическим браком: в 1397 г. Хизр-Ходжа отдает Тимуру в жены свою сестру, в связи с чем отправляет в Самарканд посольство во главе с сыном Мухаммад-огланом [5]. Однако следует подчеркнуть, что зависимость Могулистана от Тимура была в 90-х гг. XV в. практически формальной [6] и скорее желанной целью Тимура, чем реальностью.

Относительная безопасность, установившаяся на западных границах, позволила могульскому хану повести активную политику на востоке страны. По сообщению Шараф ад-Дина Йазди и Мухаммад Хайдара [7], он захватил два крупных города — Турфан и Кара-Ходжа, присоединил к Могулистану восточную часть распавшегося Уйгурского государства, население завоеванного района обратил в ислам. Этими завоеваниями был положен конец независимому существованию Уйгурского государства [8].

Закрепить завоевания на восточных границах Могулистана его правитель не смог из-за начавшегося похода Тимура в Китай в 1404 г. По Мухаммад Хайдару, в это время Могулистаном еще правил Хизр-Ходжа-хан, хотя, по другим источникам, к этому времени он уже умер (в 1399 г.). Очевидно, в задачи похода входило утвердить весьма призрачную власть Тимуридов на близлежащих территориях Могулистана и Кашгара. На состоявшемся перед походом совете (на котором присутствовали наряду с послами независимых стран

---

[4] Хафиз-и Абру. Изд. Тауэра, т. II, с. 156.

[5] Мунтахаб ат-таварих-и Му'ини, л. 250а; Та'рих-и Рашиди, л. 33а.

[6] **Бартольд В. В.** История культурной жизни Туркестана, с. 264; **Ахмедов Б. А.** Улугбек и политическая жизнь Мавераннахра..., с. 12.

[7] **Йазди.** Зафар-наме, л. 59б; Та'рих-и Рашиди, л. 33а.

[8] **Тихонов Д. И.** Хозяйство и общественный строй Уйгурского государства. X—XIV вв. М.—Л., 1966, с. 50, 60.

«Египта, Рума, Китая, страны Франков и Дашт-и Кипчака» также и послы Могулистана, что подтверждает фактическую независимость этого государства) Тимур пожаловал Улугбеку «Сайрам, Йанги (Тараз), Ашпару и вилайет Джете (Могулистан) — до пределов Китая, а Ибрахим-Султану — Андижан, Ахсикет и Кашгар — до Хотана» [9].

Пожалованный Улугбеку Юго-Восточный Казахстан — центральный район Могулистана — фактически не зависел от Тимура. Б. А. Ахмедов вслед за В. В. Бартольдом правильно отмечает, что многие из областей и стран, розданных внукам, Тимуру нужно было еще завоевать [10], и поэтому, думается, объявление о предстоящем завоевании Могулистана и Кашгарии было не столько дипломатическим ходом для обмана китайского императора [11], сколько говорило о первоочередной задаче этих завоеваний территорий. Это подтверждается действиями Тимура на границах накануне похода: «В степи строятся крепости, причем передовым пунктом была крепость на Иссык-Куле; вообще проявляется забота о восстановлении земледелия и городской жизни» [12]. Речь, конечно, идет не о последнем (здесь В. В. Бартольд слишком облагородил цели завоевателя), а о строительстве военных крепостей на подступах к Могулистану для облегчения задачи действительного завоевания этого государства. Ибн Арабшах пишет: «[Тимур] послал своего внука Мухаммад-Султана... в крайний пункт, до которого доходили его слова и действовали его указы, а это то, что за рекой Сейхун на восток по направлению к владениям могулов и Джете [т. е. Могулистан] и Китаю, в месяце пути от страны Мавераннахр. Они заняли там долины и поля и построили несколько крепостей, самая отдаленная из них называется Ашпара. Они построили

---

[9] **Йазди.** Зафар-наме, л. 59б; **Бартольд В. В.** Улугбек и его время. Соч., т. II, ч. 2, М., 1964, с. 70.

[10] **Ахмедов Б. А.** Улугбек и политическая жизнь Мавераннахра..., с. 12; **Бартольд В. В.** Улугбек и его время, с. 71.

[11] **Ахмедов Б. А.** Улугбек и политическая жизнь Мавераннахра..., с. 12.

[12] **Бартольд В. В.** Двенадцать лекций по истории..., т. V. с. 177.

в ней неприступную крепость, готовую к грабежу и опустошению» [13]. Это свидетельство современника говорит о конкретно поставленных завоевательных целях Тимура в Юго-Восточном Казахстане и Киргизии, о подготовке опорной военной базы для будущего похода и завоеваний этих территорий, а не только далекого Китая. Стремление Тимура привести Могулистан и Кашгарию к фактическому подчинению исходило из того, что Хизр-Ходже удалось восстановить в 90-х гг. самостоятельность государства и покончить с навязанным ранее вассалитетом. Поэтому неверно делать категорический вывод о том, что «Или-Иртышское междуречье на рубеже XIV—XV вв. находилось под властью наместников Тимура и Тимуридов, претендовавших даже на приалтайские области» [14].

Дополняют упомянутое сообщение Ибн Арабшаха Низам ад-Дина Шами и Хафиз-и Абру: «[Тимур] отправил в вилайет Могулистан эмирзаде Мухаммад-Султана, чтобы он пограничные районы [в «Зубдат ал-асар» Хафиз-и Абру уточнено: города Ашпара и Йанги-Тараз] благоустроил и занялся там земледелием» [15].

Тимур делает некоторые шаги с целью подчеркнуть свою лояльность (например, отправляет в Могулистан под конвоем давнего противника могулов Тимур-Ходжа Акбугу [16]), но вместе с тем не оставляет повелительного тона по отношению к правителям Могулистана. Источники сообщают, что он отправил указ могульскому хану принять меры для обеспечения его 800-тысячного войска продовольствием, когда оно будет проходить через Могулистан: «К Хизр-Ходжа-хану [точнее, к его наследнику] он послал человека [сказать], что следует, насколько это будет возможно, приложить все уси-

---

[13] **Ибн Арабшах.** Аджаиб ал-макдур фи ахбар-и Тимур. — В работе: **Волин С.** Сведения арабских источников о долине реки Талас и смежных районах. — «Труды ИИАЭ АН КазССР», 1960, т. 8, с. 91.

[14] **Петров К. И.** Очерки феодальных отношений..., с. 29.

[15] **Шами.** Зафар-наме, т. I, с. 170.

[16] **Ахмедов Б. А.** Улугбек и политическая жизнь Мавераннахра..., с. 11—12.

лия к [развитию] земледелия и подготовить для [его] армии продовольствие (*азук*)» [17]. Автор «Та'рих-и Рашиди» на основании свидетельств своих родственников, улусбеков и других лиц, вращавшихся в придворных кругах, рассказывает о том тяжелом впечатлении, которое произвело это требование на хана и его сподвижников. Об огромном числе войска, которое должно было двинуться через Юго-Восточный Казахстан (об этом маршруте говорят исходные рубежи: на зимовку Тимур расположил войска в Шахрухии, Ташкенте, а также в Сайраме, Отраре, Сауране, Ясы (Туркестане) и других городах Южного Казахстана), пишут Низам ад-Дин Шами, Шараф ад-Дин Али Йазди, Мухаммад Хайдар, Махмуд бен Вали и др. Мирхонд сообщает, что в поход отправились только вместе с Тимуром 380 612 человек. «Всего же в войсках Тимура было 800 тыс. конных и пеших» [18]. Обе цифры достаточно красноречиво говорят о пагубных последствиях для населения Юго-Восточного Казахстана, которые могло бы принести движение этих войск на Могулистан и далее в Китай. Однако поход не состоялся из-за смерти Тимура. Как пишет Мухаммад Хайдар, это «освободило могульского хана от горя и бедствия».

Неустойчивое внутриполитическое положение Могулистана способствовало тому, что феодальные правители Средней Азии — Тимуриды — не оставляли и в дальнейшем притязаний на Семиречье и Кашгарию. После смерти Хизр-Ходжа-хана снова вспыхнула междоусобица. Разгорелась борьба за власть между его четырьмя сыновьями — Шам'- и Джаханом, Мухаммад-огланом, Шир-Али-огланом и Шах-Джаханом, каждый из которых опирался на определенную группировку могульской кочевой знати: «После него [Хизр-Ходжи] его сыновья по подстрекательству злых людей подняли друг на друга мечи, чтобы заполучить [ханский] титул отца. В конце концов вилайет пришел в упадок, а люди разбежались» [19]. Хафиз-и Абру [20] пишет об этом так:

---

[17] **Та'рих-и** Рашиди, л. 33б; Бахр ал-асрар, л. 184а.
[18] Раузат ас-сафа, т. VI, с. 172.
[19] **Шами.** Зафар-наме, с. 213.
[20] **Хафиз-и Абру.** Изд. Тауэра, т. II, с. 156.

«Когда Хизр-Ходжа-оглан умер, его сыновья, каждый с большим числом своих приверженцев, держался какой-либо одной стороны. Между ними пала вражда, так что Шам'и Джахан с группой лиц поднял мятеж в одной стороне; Мухаммад-оглан с другими племенами (*коум*) захватил верховенство над балуки, эмир Худайдад могул отделился от обоих и засел в [отдаленном] уголке. Государство (*мамлакат*) Могулистан распалось на несколько частей» [21]. Этим воспользовался внук Тимура, правитель Ферганы Искандар, совершивший набег на Кашгарию и, по Хафиз-и Абру, Могулистан в 802 г. х. (1402—1403) [22]. Искандар разграбил пограничные города Уч-Фирман, Аксу, затем продвинулся вглубь и разорил окрестности городов Бай, Куча (Кусан), Тарим, Хотан [23]. Как и Тимур, он опустошал захваченные территории, а пленное население переселял в Мавераннахр. Разграбив Кашгарию, Искандар прошел на территорию Семиречья, «до самых отдаленных пределов Могулистана», «до Алмалыка и Бишбалыка» [24]. Могульская феодальная верхушка не сумела оказать ему сопротивление: дуглат эмир Худайдад бежал в горы, Шам'и Джахан тоже.

По сведениям Низам ад-Дина Шами и Му'ин ад-Дина Натанзи, постепенно в междоусобной борьбе с братьями одержал верх Шам' и Джахан (1399—1408 гг.) [25]. Он пытался вести борьбу с Тимуридами, освободить захваченную еще во время подготовки похода в Китай западную часть Могулистана (район Ашпары, Йангы-Тараза). Постепенно укрепив свое политическое и военное положение (а по сведениям Натанзи [26], его войска составляли 90 туманов, т. е. до 900 тыс. человек — цифра, безусловно, намного преувеличенная, но все же позволяющая судить о числе боеспособных лиц, на которое мог рассчитывать хан в идеальном случае полного повиновения со стороны феодальной знати), Шам'- и

---

[21] Там же, с. 156—157.
[22] **Бартольд В. В.** Очерки истории Семиречья, с. 84.
[23] **Хафиз-и Абру**, с. 157.
[24] Там же, с. 158.
[25] Мунтахаб ат-таварих-и Му'ини, л. 250а.
[26] **Там же.**

Джахан вознамерился вмешаться в дела Мавераннахра, охваченного феодальной смутой после Тимура. В 1407 г. он отправил в Китай посольство просить о союзе против Тимуридов [27]. Добиваясь своих целей на западных границах Семиречья, Шам'- и Джахан оказал поддержку войсками мятежному тимуридскому эмиру Худайдад Хусайну, захватившему соседние с Могулистаном земли (Ташкент, Ходженд, часть Ферганы) [28], а также часть западных владений могулистанских ханов — Ашпару и прилегающий район.

Насколько преуспел Шам'- и Джахан в освобождении западных земель Могулистана, судить трудно, так как в источниках [29] дана противоречивая оценка последствий его поддержки тимуридской оппозиции. Западные районы, во всяком случае, были освобождены — могульское войско из Семиречья дошло через Янги-Тараз и Сайрам до Ташкента, но уже при следующем хане.

О действиях Шам'- и Джахана на северо-восточных границах государства, в частности о взаимоотношениях его с киргизским ханом Угэчи и ойратским правителем Ульдзей-Тимуром, пишет К. И. Петров [30]. В результате наступления ойратов могульские правители потеряли в 1408 г. район Бишбалыка [31].

После Шам'-и Джахана могульским ханом стал второй сын Хизр-Ходжа-хана Мухаммад-оглан (1408—1416 гг.) [32]. Не забывая всякий раз подчеркнуть зависимость Могулистана от Тимуридов, авторы тимуридских сочинений указывают, что в первое время Мухаммад-хан вынужден был покориться Шахруху, правителю тимуридского государства [33]. Это было сделано, очевидно, с целью сосредоточить внимание на укрепле-

---

[27] **Бартольд В. В.** Очерк истории Семиречья, с. 84.

[28] **Ахмедов Б. А.** Улугбек и политическая жизнь Мавераннахра..., с. 15—18.

[29] **Абд ар-Раззак Самарканди.** Матла'ас-са'дайн, т. I, с. 140—141; **Мирхонд.** Раузат ас-сафа, т. VI, с. 208.

[30] **Петров К. И.** Очерки феодальных отношений..., с. 30.

[31] **Бартольд В. В.** Очерк истории Семиречья, с. 86.

[32] Та'рих-и Рашиди, л. 35б. При перечислении ханов Могулистана (л. 40а), посаженных на трон улусбеком-дуглатом Худайдадом, Мухаммад Хайдар называет перед ним еще и Накш-Джахана.

[33] **Бартольд В. В.** Очерк истории Семиречья, с. 84.

ния положения внутри страны, охваченной новой волной смут и феодальных усобиц, с целью преодоления сопротивления различных группировок феодальной родо-племенной знати. Мухаммад-хану удалось ликвидировать междоусобицы и усмирить мятежных феодалов. Но после того, как постепенно стабилизировалось положение внутри государства, он, в свою очередь, начинает вмешиваться в тимуридские усобицы, оказывать, по примеру своего предшественника и в угоду своей феодальной знати, поддержку мятежным эмирам Мавераннахра и Туркестана.

При Мухаммад-хане, весьма энергичном правителе, феодально-кочевая верхушка Могулистана значительно усилила свое внимание к укреплению (путем феодальных войн) позиций на западных границах государства, территориальному приближению к оседло-земледельческим оазисам.

Основой этого внешнеполитического курса могульских феодальных правителей была экономическая борьба за выход к присырдарьинским городам, определявшаяся необходимостью иметь прямые торговые связи кочевого и полукочевого населения Семиречья с оседло-земледельческим и городским населением Туркестана, а через него и со Средней Азией. Издавна существовавшие торгово-экономические и культурные связи Семиречья с районами Средней Азии (в большей степени, чем с Кашгарией) определяли внешнеполитическую ориентацию ханов Могулистана. Однако в условиях феодального государства эти хозяйственно-экономические проблемы решались с помощью войн, грабежей и физического истребления производительных сил, в первую очередь населения. Хан, в свою очередь, обычно стремился укрепить свое положение поддержкой со стороны кочевой знати, привлекая ее к себе удачными набегами на соседей, возможность которых особенно возрастала в период феодальной междоусобицы у них.

Так, Мухаммад-хан быстро отозвался на просьбу о помощи владетеля Туркестана Шайх Нур ад-Дина, бывшего эмира Тимура, не признававшего власть правителя Мавераннахра и Туркестана Улугбека. Впрочем, по

сведениям Абд ар-Раззака Самарканди, Мухаммад-хан еще до мятежа Шайх Нур ад-Дина совершил набег на Мавераннахр [34]. Об этом же сообщает и Му'ин ад-Дин Натанзи [35]. Почти вся внешнеполитическая деятельность нового могульского хана связана с попытками использовать в своих целях феодальные междоусобицы Тимуридов. У Мухаммад-хана дважды скрывался бежавший от Тимуридов эмир Шайх Нур ад-Дин, владетель Саурана [36]. Мухаммад-хан оказал ему поддержку в борьбе с другими тимуридскими эмирами, один из которых, Абд ал-Халик, завладел не только Сайрамом, но и Йанги-Таразом, т. е. частью западного Могулистана [37]. Мухаммад-хан снова посылает против Абд-ал Халика 15-тысячное войско, которое очистило вилайет Йанги-Тараз и осадило крепость Сайрам. В Йанги-Таразе могульское войско оставило все свои обозы и семьи (*ханеха*), а к Сайраму пришло налегке. Пока могулы осаждали Сайрам, новый тимуридский наместник в Туркестане Шах-Малик неожиданно напал в Йанги-Таразе на могульские обозы [38], захватил большую добычу, в том числе 6 тыс. лошадей. Это событие заставило могулов, осаждавших Сайрам, спешно повернуть назад. Но Мухаммад-хан, преследуя свои интересы в Присырдарье и Западном Могулистане, выступил в Мавераннахр [39], однако дошел только до местности Илан-Баши (между Йанги-Таразом и Саураном), не рискнув ввязаться в борьбу с Тимуридами в связи с приходом в Мавераннахр из Герата с войсками верховного правителя Шахруха. В дальнейшем могульский хан продолжал вмешиваться в феодальные междоусобицы в Фергане и Туркестане. В 817 г. х. (1414—1415 гг.) Мухаммад-хан отправляет войско из Могулистана на помощь восставшему против Улугбека правителю Ферганы мирзе Амирак Ахмаду, сыну Омар-Шайха. В результате бит-

---

[34] Матла'ас-са'дайн, с. 143.
[35] Мунтахаб ат-таварих-и Му'ини, л. 250а.
[36] Матла'ас-са'дайн, с. 201—202.
[37] Там же, с. 202; **Ахмедов Б. А.** Улугбек и политическая жизнь Мавераннахра..., с. 23.
[38] Матла'ас-са'дайн, с. 203.
[39] Там же.

вы потерпели поражение посланные Улугбеком отряды, а могулы, захватив добычу, вернулись в Могулистан [40]. В следующем году Амирак Ахмад бежал в Могулистан к Мухаммад-хану [41]. Около этого времени Мухаммад-хан умер (по «Бахр ал-асрар», до 817 г. х. /1414—1415 гг.[42]) у Мирзы Хайдара, до 818 г. х. /1415—1416 гг.[43]).

Таким образом, при Мухаммад-хане Могулистан и номинально, и фактически стал полностью независимым от Тимуридов, и отныне даже тимуридские источники не называют это государство вассальным владением Тимуридов. Так, у Самарканди сказано, что Шахрух передал Улугбеку управление Мавераннахром и Туркестаном [44] (бассейн Средней Сырдарьи с южно-казахстанскими городами Отрар, Сауран, Ясы, Сыгнак и др.); о пожаловании ему Могулистана уже не говорится. Мухаммад-хан не только освободил от власти Тимуридов западные районы Могулистана, Чу-Таласскую долину, но и стремился получить выход к земледельческим оазисам. Удачная внешняя политика в некоторой степени укрепила внутриполитическое положение: уменьшились феодальные распри. Как отмечает Мухаммад Хайдар, Мухаммад-хан упорядочил управление страной. К приведенным выше сведениям, характеризующим политику Могулистана при Мухаммад-хане, можно добавить данные Мухаммад Хайдара, освещающие внутреннюю жизнь страны. Автор «Та'рих-и Рашиди» говорит о дальнейших успехах пропаганды ислама среди кочевого населения Юго-Восточного Казахстана [45], называет Мухаммад-хана ревностным мусульманином. Попытка опереться на мусульманское духовенство предпринималась им в целях укрепления своей власти, централизации государства, преодоления сопротивления кочевых феодалов. По «Бахр ал-асрар», ислам приняли при Мухаммад-хане

---

[40] Там же, с. 262—263.
[41] Там же, с. 304.
[42] Махмуд бен Вали. Бахр ал-асрар, л. 185а.
[43] Та'рих-и Рашиди, л. 36а.
[44] Матла'ас-са'дайн, с. 145.
[45] Та'рих-и Рашиди, л. 35б.

«остальные могульские племена», т. е. те, что не стали мусульманами при Тоглук-Тимуре [46]. Впрочем, правильнее было бы назвать действия могульского хана не пропагандой ислама, а насильственным насаждением. Мухаммад Хайдар писал об этом: «В своем стремлении насадить ислам среди могулов он проявил суровость и жестокость. Так, известно, что если какой-либо могул не накручивал на голову чалму, ее прибивали к голове гвоздями» [47]. Жестокость этих мер говорит о том, что ислам не находил среди кочевого населения Юго-Восточного Казахстана и Киргизии благоприятной почвы.

Могулистанские ханы видели в исламе идеологическую опору для своей власти как над рядовыми кочевниками, так и над феодальной верхушкой кочевых племен и упорно проводили исламизацию населения. Уже несколько лет спустя улусбек Эмир Худайдад имел основание говорить Улугбеку в ответ на просьбу последнего обучить его тёра (т. е. основному своду обычаев, законов, которым руководствовались кочевые правители со времен Чингиз-хана): «Мы полностью отказались от тёра Чингиз-хана и стали следовать шариату» [48].

Все чаще могульским правителям приходится отражать на востоке государства ойратов (калмаков, по среднеазиатским источникам). Стремясь обеспечить безопасность восточных границ, Мухаммад-хан готовился к ответному походу против калмаков, одновременно рассчитывая укрепить свои позиции в Кашгарии, где, как уже говорилось, тимуридские завоевания конца XIV — начала XV в. оказались более прочными, чем в Юго-Восточном Казахстане и Киргизии. После смерти Тимура власть дуглатов восстанавливает в Кашгарии эмир Сайид Ахмад, сын улусбека Худайдада. Однако местная феодальная знать (*акабир*), опираясь на Тимуридов, противодействовала правителю кочевни-

---

[46] Бахр ал-асрар, л. 185а.

[47] Та'рих-и Рашиди, л. 35б. См. об этом: **Бартольд В. В.** Киргизы. Исторический очерк, с. 513; История Киргизской ССР, т. I, с. 240.

[48] Там же, л. 41а.

ков-могулов. В результате длительной борьбы эмир Сайид Ахмад вынужден был уйти в Могулистан [49], а власть в Кашгарии попала в руки Тимуридов. Борьба за Кашгарию, раскрывающая политику ханов Могулистана на южной границе, исследована в исторической литературе достаточно полно [50].

Со смертью Мухаммад-хана в 818 г. х. (1415—1416 гг.) в самом Могулистане началась новая волна междоусобиц. На два года власть захватил связанный с оседло-земледельческой знатью Кашгарии и поддерживаемый ею, а также улусбеком Худайдадом дуглатом внук Хизр Ходжа-хана Накш-Джахан. Мухаммад Хайдар ничего не сообщает о времени его правления и положении внутри страны, упоминает только факт участия в его избрании эмира Худайдада дуглата, который «своей собственной рукой [будучи улусбеком] посадил на ханский трон шесть ханов» [51]. Абд ар-Раззак Самарканди дает сведения о мирных взаимоотношениях этого могульского хана с Мавераннахром: «Когда Шахрух пришел из владений Фарса в Хорасан [в 1416 г.], из Могулистана прибыли послы Накш-Джахана, сына Шам'- и Джахана [52], и, поднеся редкие и диковинные дары того вилайета, изъявили покорность (اظهار انقياد نمودند)» [53]. Об установлении в этот период между Могулистаном и Мавераннахром «добрососедских отношений» пишет и Б. А. Ахмедов [54]. Слова «повиновение», «покорность», употребляющиеся в источниках, не следует понимать буквально — тимуридские летописцы любые мирные или союзнические отношения спешили объявить «повиновением», «покорностью» (انقياد), «подчинением» (اطاعت). Авторы, не зависящие от Тимуридов, оценивают это как «единодушие и союз» (يكجهتى واتحاد). Так, ес-

---

[49] Там же, л. 36а.

[50] **Бартольд В. В.** Улугбек и его время, с. 100 и др; **Ахмедов Б. А.** Улугбек и политическая жизнь Мавераннахра..., с. 40 и др.

[51] Та'рих-и Рашиди; Там же, л. 40а.

[52] По «Та'рих-и Рашиди», он брат Шам'-и Джахана.

[53] Матла'ас-са'дайн, с. 339.

[54] **Ахмедов Б. А.** Указ. работа, с. 43.

ли Хафиз-и Абру пишет о факте отправления могульским ханом Мухаммадом в 1408 г. послов к Шахруху и выражения «единодушия и союза», то Самарканди говорит о «повиновении» [55], что, по всей видимости, неточно отражает суть складывавшихся отношений.

Накш-Джахану не удалось остановить феодальные смуты и неурядицы в Могулистане. В 821 г. х. (1418 г.) он был убит сыном Шир-Али-оглана и внуком Хизр-Ходжа-хана Вайс-огланом [56]. Последний захватил власть в стране, но лишь на время. Абд ар-Раззак Самарканди сообщает, что «среди могулов поднялась смута (آشوب)», чем не замедлила воспользоваться феодальная верхушка Мавераннахра. Кашгария уже в 1414 г. была вновь присоединена к тимуридским владениям. Улугбек попытался распространить влияние Тимуридов и в собственно Могулистане, т. е. в Семиречье и на Тянь-Шане, вмешиваясь в междоусобные распри [57] и поддерживая своего ставленника. Аналогичные цели ставил правитель Мавераннахра и в отношении Ак-Орды, в которой также в этот период начались феодальные междоусобицы: Улугбек поддерживал Барака, внука Урус-хана, в борьбе за власть в Ак-Орде в 1425 г.

Захватившему ханскую власть Вайс-хану не удалось, однако, закрепиться. Феодальная междоусобица продолжала шириться, причем султаны и феодалы, как обычно, стремились заручиться поддержкой извне, навлекая тем самым на страну все новые и новые военные невзгоды: «В те времена военачальники (сардаран) Джете [Могулистана] бежали из своих жилищ и родных мест и скрывались в разных краях. В поисках

---

[55] Матла'ас-са'дайн, с. 386—387. Здесь же приведено разночтение по Хафиз-и Абру.

[56] Матла'ас-са'дайн, с. 380, О месте Шир-Али-оглана в генеалогии могульских ханов см.: Бартольд В. В. Очерк истории Семиречья, с. 85, прим. 37.

[57] Абд ар-Раззак Самарканди пишет, что Улугбек спешно отправил гонца «расследовать положение дел могульских эмиров (с. 380), а по возвращении гонца с вестью о разброде в той стране» поехал к Шахруху, очевидно, за разрешением на поход в Могулистан.

убежища прибегли ко двору Мирза Улугбек гурекана» [58]. Абд ар-Раззак Самарканди сообщает, что в 822 г. х. (1419—1420 гг.) из Могулистана бежал в Кашгар к тимуридскому наместнику один из представителей могульской кочевой знати, сын эмира Шир-Бахрама «вместе с группой других лиц» [59]. В том же году против Вайс-хана начал борьбу эмир Худайдад и другие дуглатские эмиры, возможно, не без подстрекательства Тимуридов — к Улугбеку, отправившемуся в 1419 г. в поход на Токмак против правителей Ак-Орды, прибывают из Могулистана ноукеры Худайдада [60]. По Мухаммад Хайдару, эмир Худайдад дуглат поддерживает «законного» правителя — Вайс-хана и посылает к нему на помощь своего внука эмира Сайида Али [61] в тот трудный момент, когда Вайс-хан боролся за ханскую власть со своим дядей Шир-Мухаммадом.

Вайс-хан удержал власть в своих руках в Могулистане лишь до 1421 г. Часть его противников прибегла к помощи Улугбека, о чем сообщает Абд ар-Раззак Самарканди: в 1420 г. в Самарканд прибыли дуглат эмир Джаханшах, сын известного в прошлом противника чагатаидских ханов Могулистана Камар ад-Дина дуглата; сын улусбека Худайдада Кул-Мухаммад и другой претендент на ханский трон, противник Вайс-хана Шир-Мухаммад [62]. Улугбек сначала откликнулся на просьбу Шир-Мухаммада, надеясь увидеть в его лице своего послушного ставленника. В июне 1420 г. он выступил в поход, но дошел только до Кара-булака и повернул назад, возможно, не рискуя ввязываться в распри соседей [63].

Насколько ожесточенной была междоусобная борьба в Юго-Восточном Казахстане и на других террито-

---

[58] Раузат ас-сафа. Приложение перс. текста, с. 178.

[59] Матла'ас-са'дайн, с. 389.

[60] Там же, с. 391.; **Бартольд В. В.** Улугбек и его время, с. 103; Б. А. Ахмедов («Улугбек и политическая жизнь Мавераннахра...») неправильно назвал целью похода Улугбека в 1419 г. Могулистан, а не Токмак (Восточный Дашт-и Кипчак).

[61] Та'рих-и Рашиди, л. 36а.

[62] Матла'ас-са'дайн, с. 424.

[63] Там же, с. 425—426. **Бартольд В. В.** Улугбек и его время, с. 103—104.

риях Могулистана можно видеть из рассказа Хафиз-и Абру в сочинении «Зубдат ат-таварих» о посольстве Шахруха в Китай, отправленном в 822 г. х. (1420 г.). Сведения Хафиз-и Абру в несколько сокращенном виде сохранились у Самарканди[64]. Краткие данные из «Матла'ас-са'дайн» о пути посольства приводит В. В. Бартольд[65]. Однако заслуживают внимания и дополнительные факты, приведенные Хафиз-и Абру и проливающие свет на интересующую нас проблему феодальных распрей. Посольство двигалось через северную дорогу, т. е. через Юго-Восточный Казахстан по маршруту Ташкент — Сайрам — Ашпара — «могульский иль», т. е. Могулистан. «Получили известие, что Увайс-хан [то же: Вайс-хан] начал войну с Шир-Мухаммад-огланом; улус находится в состоянии разброда». Данные Хафиз-и Абру говорят, что в борьбу претендентов на ханство была втянута и феодальная верхушка. «Говорят, что Увайс-хан искал Шир-Мухаммад-оглана, чтобы убить его. Кул-Мухаммад и некоторые могульские эмиры по этой причине взбунтовались против Увайс-хана, и улус ввергнут в состояние разброда». Сообщение Самарканди — «Потом пришло известие о замирении и о «прекращении смуты» — разъясняется сведениями из «Зубдат ат-таварих», что «эмиры повиновались Увайс-хану»[66].

Послов успокоил прибывший к ним «полновластный правитель той страны» улусбек эмир Худайдад дуглат. Миновав местность Бильгуту, послы прибыли в удельные владения одного из феодалов — Мухаммад-бека (авторы называют его «хакимом улуса», правителем обширных владений). После переправы через реку Кунгез и встречи с Мухаммад-беком они прибыли на равнину Юлдуз, а оттуда — «в иль Шир-Бахрама» — того самого могульского бека, сын которого, как говорилось выше, бежал в Кашгар. Далее приводится известие о том, что «сыновья Мухаммад-бека ограбили

---

[64] Матла'ас-са'дайн, с. 74—527; Описание пути посольства Шахруха приведено в кн.: **Yule** H. Cathay and the Way thither; being a collection of mediaeval notices of China..., v. 11, p. 525.

[65] **Бартольд В. В.** Очерк истории Семиречья, с. 85.

[66] Матла'ас-са'дайн, с. 479—480.

Даджи, который был послом Увайс-хана. Уже эти факты неповиновения феодальных владетелей могульских беков центральной ханской власти достаточно ярко говорят о децентрализованности и слабости государства в начале 20-х гг. XV в. Далее сообщается, что напуганные усобицами послы поспешили пройти через Могулистан в Турфан [67]. Подробно описывается их дальнейший путь. Интересно отметить, что обратный путь из Китая послы предпочли проделать по южной дороге — через Хотан — Кашгар — Андижан «по причине неспокойствия на дорогах Могулистана» [68] из-за продолжавшейся междоусобной борьбы.

В 1421 г. при поддержке Улугбека Шир-Мухаммаду удалось захватить власть в стране. Часть могульских эмиров и беков поддержала его, другая осталась на стороне Вайс-хана. Двадцатые годы XV в. характеризуются продолжавшейся междоусобицей с последующей централизацией власти Вайс-хана, борьбой против Тимуридов на западной границе и противодействием калмакам на востоке Семиречья.

Став ханом Могулистана, Шир-Мухаммад перестал повиноваться Улугбеку [69], что явилось поводом для похода Тимурида на Могулистан в 1425 г. (см.: **Бартольд В. В.** Улугбек и его время). Отметим некоторые данные средневековых авторов, характеризующие внутреннее положение Юго-Восточного Казахстана в этот период.

Неверно оценивать политику Тимуридов в отношении Казахстана, в том числе Юго-Восточного, только как оборонительную от набегов кочевников. Это лишний раз подтверждает поход Улугбека. Тимуриды в первой половине XV в. не столько «сдерживали набеги кочевников», сколько сами вторгались на эти территории, стараясь закрепить их за собой. Они захватили города Присырдарьи. Требование Барак-хана вернуть бывшую столицу Ак-Орды г. Сыгнак вызвали по-

---

[67] Там же, с. 481; Хафт иклим, л. 138б—139а.

[68] Матла'ас-са'дайн, с. 527.

[69] Там же, с. 540—541; **Ахмедов Б. А.** Улугбек и политическая жизнь Мавераннахра..., с. 46.

ход Улугбека против Ак-Орды в 1427 г. Мы уже говорили о занятии тимуридскими войсками Таласской долины после смерти Тимура. Борьба Улугбека за Кашгарию также служит доказательством этого. Даже такой далекий от политики правитель, как Улугбек, за которым, впрочем, стояла феодальная знать, не столько удерживал кочевников от нападения или шел на их территорию с целью отомстить за набеги, сколько сам стремился если не захватить, то поставить там своих ставленников, через которых можно было бы направлять внешнюю политику государств. О захватнических стремлениях говорит и факт использования малейшего повода для опустошительного набега (так, непосредственным поводом похода Улугбека был отказ Шир-Мухаммада выдать Улугбеку бежавшего от него мятежного эмира). На захватнические цели Тимуридов на территории Юго-Восточного Казахстана и Ак-Орды указывают и тимуридские историки.

Перед походом тимуридскими войсками были заняты районы Южного и Юго-Восточного Казахстана с городами Сайрам, Отрар, Сауран, Йанги-Тараз[70]. Маршрут движения войск численностью около 80—100 тыс. человек (судя по числу отдельных отрядов, насчитывавших до 20 тыс. каждый) проходил по Южному (в Отраре и его районе расположился на зиму левый фланг войска Улугбека[71]) и Юго-Восточному Казахстану.

С населения оседло-земледельческих районов Южного Казахстана был взыскан *тагар* (специальный налог на содержание воинских частей, взимавшийся в виде провианта для войск и фуража — ячменя для конного состава) — мера, с одной стороны, важная для агрессоров экономически, а с другой — имевшая и политический оттенок: сбором налога подтверждалось подданство территорий Тимуридам. Тагара было собрано в количестве, достаточном для обеспечения большого войска на все время пути.

---

[70] Бартольд В. В. Улугбек и его время, с. 106—111; Раузат ас-сафа. Приложение перс. текста, с. 179, 191, 195.

[71] Раузат ас-сафа. Приложение перс. текста, с. 180.

Первое столкновение Тимуридов с местным населением произошло в районе Йанги-Тараза (во время зимовки перед походом Улугбека в Шахрухии, Отраре и на Ашпаре[72] могулы забрали у Тимуридов свои земли по долине Таласа. В Таласской долине находились киреи (кераит) во главе с Ибрахимом, сыном Тук-Тимура, сальдузы во главе с Улджай-Тимуром и ба'арины во главе с Ираханом[73], причем не только войсковые группы этих племен, но и «все люди с семьями (*куч*) и обозами (*бонеха*)».

Пока тимуридские отряды грабили первые встретившиеся им могульские аулы (в тексте: *ханеха, бойут* — дома, кибитки), основная масса населения успела отступить. После разграбления аулов тимуридские отряды нагнали часть могулов на р. Кзылсу (между р. Аксу и Боамским ущельем), «начали забирать в плен людей, захватили большую добычу: отары овец, табуны лошадей, много имущества и разных вещей в безграничном количестве и беспредельном множестве»[74]. Описывая поход Улугбека, Мирхонд неоднократно говорит о жестокости Тимуридов: «Войску было дано разрешение убивать всех, кто из его [Джаханшаха дуглата, сына эмира Камар ад-Дина] подданных попадет [в руки]; женщин и сыновей забирать в плен; все имущество того народа (*джама'ат*) отдать на грабеж и расхищение»[75]. Йурт Джаханшаха дуглата был разграблен одним из отрядов Улугбека[76].

Неоднократно и настойчиво Мирхонд указывает на основную цель тимуридских военачальников — истребление населения Юго-Восточного Казахстана. «Сейчас правильный образ действия состоит в том, чтобы мы обратились к их [могулов] уничтожению. С тем, чтобы сломить их силу и могущество, мы захватим гурты скота (*раме*), стада (*галле*), вещи и домашнюю утварь

---

[72] Так по Хафиз-и Абру и Самарканди (Матла'ас-са'дайн, с. 543); по В. В. Бартольду, на Ашпаре зимовали могулы (с. 106).

[73] Раузат ас-сафа. Приложение перс. текста, с. 182; Матла'ас-са'дайн, с. 544.

[74] Раузат ас-сафа, с. 182; Матла'ас-са'дайн, с. 546.

[75] Раузат ас-сафа, с. 186.

[76] Там же, с. 188.

(*ахмал ва аскал*), прочий скарб и имущество (*амвал ва аджхат*) тех людей, которые переправились через реку Текес» [77] (речь идет об обозах и людях могульского хана Шир-Мухаммада). Всюду, где проходили войска Тимуридов, «население истреблялось, сеялись бедствия и несчастье». Отряды Тимуридов «ограбили и разорили несколько улусов джете. Войско захватывало, убивало и грабило племена (*кабаил*) джете, которые укрывались в округе Кунгеса в неприступных местах или за высокими горами. В той стране не осталось населения» [78]. Таковы результаты (конечно, преувеличенные тимуридским историком, но в какой-то степени правдивые) набега тимуридского войска на Юго-Восточный Казахстан в 1425 г.

Феодальная раздробленность, когда феодальные владетели племен, улусов, илей и прочих отдельных владений действовали каждый сам по себе, не оказывая помощи ни предводителю соседнего племени, ни хану Шир-Мухаммаду, власть которого была попрежнему непрочной, позволяла беспрепятственно проникать врагу в глубь страны и чинить расправу. После того, как были разграблены «места стоянок и жилища» киреев и бааринов на Таласе, эмиры Ибрахим и Ираван-бек бежали к Иссык-Кулю, где находился йурт Джаханшаха дуглата. Здесь преследуемые вновь были разбиты на р. Кзылсу около Боамского ущелья. С большим трудом удалось Ибрахиму уговорить Джаханшаха, который собирался уже отступить со своим племенем (*коум*), пойти на тимуридских эмиров, чтобы отнять захваченных людей, скот и имущество [79]. В битве на р. Аксу могулов разбили. Ибрахим и Улджай-Тимур сальдуз погибли, Джаханшах с дуглатами бежали на Большой Кемин[80]. Тимуридские военачальники, пользуясь разобщенностью могульских эмиров и беков, спешат не дать их войскам соединиться. Против Джаханшаха дуглата на Большой Кемин

---

[77] Там же, с. 192—193.
[78] Там же, с. 193.
[79] Там же, с. 183.
[80] Там же, с. 185.

был послан 5-тысячный отряд. Некоторое время спустя, когда Джаханшах ушел в свои владения (*йурт*) на Иссык-Куле и собирался, как доложили Улугбеку, соединиться с двумя могульскими эмирами — Садр ал-Исламом и Малик ал-Исламом, Тимуриды поспешили не дать им возможности соединить свои войска: против Джаханшаха был срочно брошен отряд Султан Увайс барласа, который, разграбив улус Джаханшаха дуглата, заставил его снова бежать [81].

Кроме феодальных владений и племенных объединений эмиров Ибрахима кераита и Джаханшаха дуглата Мирхонд называет еще несколько других, например владения Садр-ал Ислама и Малик ал-Ислама на Алтун-Куле (в некоторых рукописях, Улуг-Куле, т. е. «Большом озере»; по предположению В. В. Бартольда, на Балхаше [82]). Когда Улугбек был на р. Чарын, эти могульские эмиры пришли с войсками на р. Или («Ак-Куйаш») с намерением направиться к Шир-Мухаммад-хану. Против них Улугбек высылает 20-тысячный отряд, но они успевают к этому времени перейти р. Текес [83].

На равнине Абиш, между реками Чарын и Чилик [84], с бааринами столкнулся отряд Арслан-Ходжи тархана, посланный против Джаханшаха дуглата на Большой Кемин. Часть племени была перебита, многие взяты в плен. В руки тимуридского эмира попало «все, что те имели из имущества».

Наиболее крупными были владения самого могульского хана Шир-Мухаммада, на которого двинулись основные тимуридские войска во главе с Улусбеком от Ашпары через р. Чу по направлению к равнине Абиш, «которая с давних времен была местом пребывания дома ханов Джете [Могулистана] и местом отдыха их войска» [85]. К моменту прихода сюда тимуридского войска Шир-Мухаммад стянул верные ему войска и племенные ополчения с разных «сторон и районов своего

---

[81] Там же, с. 188.
[82] Там же, с. 185; **Бартольд В. В.** Улугбек и его время, с. 107.
[83] Раузат ас-сафа. Приложение перс. текста, с. 189.
[84] Там же, с. 185.
[85] Там же, с. 187.

вилайета» в район Кетменьских гор [86]. Трудно понять из этих сведений, что подразумевается под словом «вилайет» (страна, область) — весь ли Могулистан, небольшой ли район, где власть хана была бесспорной; исходя подчас из совершенно самостоятельных действий феодально-племенных объединений, скорее можно предположить второе. Семьи (كوچ), стада (گله), обозы (بنه ها), гурты скота (رمه), различное имущество (احمال) и прочий скарб (اثقال), принадлежавшие Шир-Мухаммаду,— все было переправлено за р. Текес в укрытое место.

В подробном описании боя Мирхонд упомянул несколько могульских эмиров: Малик ал-Ислама, Мусу, Чарик-Тимура, Уруг-оглана, Йусуф-оглана, Хаджике, сына Тулуна, Пайанда чураса, Абу-Кичика, сына Имадж-Малика, Курмыша, сына Туйкана [87]. К сожалению, племенная принадлежность других военачальников могульского войска, кроме Пайанда из племени чурас, не указана, поэтому трудно сказать, кто из феодальной верхушки могулов поддерживал в это время хана. Дуглаты поддерживали другого претендента на ханский трон, Вайс-оглана.

Мирхонд посвятил несколько страниц политике улусбека Худайдада дуглата во время нашествия Улугбека. Его улус выступает как самостоятельный, не зависимый от хана. Потеряв владения в Кашгаре, Худайдад перешел со своими многочисленными сородичами в Могулистан, заняв определенную позицию в междоусобной борьбе за ханскую власть между потомками Тоглук-Тимур-хана. Хотя Мухаммад Хайдар пишет, что Худайдад поднял на ханство лично сам 6 могульских ханов, в том числе и Шир-Мухаммада, впоследствии занял по отношению к хану резко враждебную позицию. Как пишет Мирхонд, эмир Худайдад «среди улуса Джете отличался высотой своего положения и недосягаемостью своего ранга, он не подчинялся никакому государю» [88]. Любопытно объяснение, с которым

---

[86] Раузат ас-сафа, с. 191.
[87] Там же, с. 187.
[88] Там же.

направил своего гонца к Улугбеку Худайдад, решивший покинуть могульских ханов и перейти к Тимуридам: «Уже давно, долгие годы я проживаю среди народа (*коум*) джете и трачу свою драгоценную жизнь на управление их делами. И с самого начала и до сих пор я не вижу правильного устройства дел в жизни этого общества... Сколько я ни советовал этому народу и не предостерегал от противодействия его величеству [Улугбеку], пользы не было. И теперь я, ничтожный, не знаю иного прибежища, кроме дворца мира [Улугбека], и хочу спасти себя от несчастья, [чинимого] этими презреннейшими подонками общества (*аразил*) и от тенет бедствия, [приносимого] этой кучкой невежд» [89]. Что скрывается за этой словесной шелухой и кого честит почтенный улусбек? Возможно, что мятежных, непокорных эмиров и беков, возглавлявших феодально-племенные объединения и не подчинявшихся централизованной власти или боровшихся за ханскую власть царевичей, а скорее всего, недовольный народ, трудящиеся массы (это обычно к ним относится термин *аразил*), кочевников, вынесших на себе и бедствия тимуридских нашествий, организованных иноземными феодалами, и тяготы непрекращающейся междоусобицы и феодальной борьбы, и феодальный гнет «своих феодалов».

Во всяком случае, поведение феодально-племенной знати перед лицом нашествия внешнего врага оказа-

---

[89] Раузат ас-сафа. Приложение перс. текста, с. 187—188. Подробный рассказ об измене улусбека Худайдада приводит Мухаммад Хайдар, который для смягчения поведения своего предка выдвигает религиозные мотивы — запрет Вайс-хана Худайдаду совершить паломничество в Мекку (хадж) (Та'рих-и Рашиди, л. 41б). Интересно, что Мирза Хайдар считает даже сам поход Улугбека на Могулистан результатом оппозиции со стороны улусбека-дуглата Худайдада: «Эмир [Худайдад] тайно послал к Мирзе Улугбеку человека [сказать]: «Пусть Мирза придет, а я подготовлю могулов и передам их в его руки». Так как Мирза Улугбек очень страдал от [набегов] могулов, он уже давно намеревался уничтожить их и поэтому тотчас оседлал коня, чтобы выступить. Когда он прибыл в пределы [долины] Чу, которая является одним из известнейших мест в Могулистане, эмир [Худайдад] бежал и пришел к Мирзе Улугбеку. Могулы рассеялись в разные стороны» (л. 41б).

лось, как и при набегах Тимура, неприглядным. Она часто оказывалась не только не в состоянии организовать сопротивление, объединить население (Мирхонд приводит слова захваченных в плен могулов: «Наше племя было на Ак-Куйаше; когда прибыло известие о выступлении победоносной армии [Улугбека], оно рассеялось и рассыпалось; знатные лица и вельможи бежали, укрылись в горных ущельях и на высоких горах»[90], но часто переходила на сторону завоевателя. Мирхонд, например, упоминает некоего Шайх-дарвиш кукельташа — одного из его приближенных, который стал проводником отряда противника. Следует, однако, отметить, что никто из влиятельных лиц племени дуглат не присоединился к бывшему улусбеку. Более того, Вайс-хан назначил его старшего сына Мир-Мухаммад-Шаха на должность улусбека[91], а внуку, эмиру Сайиду Али, за верную службу предоставил уделы.

К перечисленным выше феодальным владениям, многочисленность и самостоятельность которых говорит о большой степени феодальной раздробленности Могулистана в 20-х гг. XV в., надо добавить еще владения противника Шир-Мухаммад-хана Вайс-оглана.

Феодальная раздробленность в стране помогла Тимуридам и на этот раз разбить войска могульских предводителей. Но в целом поход Улугбека 1425 г. в Юго-Восточный Казахстан, хотя и причинил большие бедствия местному населению, не нарушил единства Могулистана как государства. В этом отношении он был безрезультатным, на что правильно указывал В. В. Бартольд[92]. Улугбеку не удалось поставить своего ставленника на могульский трон, он не приобрел территорий в Могулистане, не установил здесь наместничества[93].

Таким образом, рассмотренные материалы опровергают идею буржуазных историков о «вредных кочевни-

---

[90] Там же, с. 190.

[91] Та'рих-и Рашиди, л. 43а; Хафт иклим, л. 457б; **Бартольд В. В.** Улугбек и его время, с. 104.

[92] **Бартольд В. В.** Улугбек и его время, с. 113.

[93] **Бартольд В. В.** Двенадцать лекций..., с. 179—180.

ках», «грабителях», обитавших в Дашт-и Кипчаке и Могулистане, и «мирных правителях» Мавераннахра, лишь защищавших от них свою страну. Справедливо квалифицируя набеги могулов на Фергану, Сайрам как «грабежи мирного населения», нельзя в то же время действия правителей Мавераннахра — Тимуридов считать лишь «местью кочевникам за набеги». Это немарксистская, давно отвергнутая ведущими советскими исследователями (В. С. Батраковым, Б. Г. Гафуровым, Т. А. Жданко, А. Х. Маргуланом и др.) точка зрения, отголоски которой иногда звучат в том или ином исследовании. В равной степени грабили друг друга, а вернее народ, правители и феодальная знать и оседло-земледельческих и кочевых районов.

Внутриполитическое положение в Могулистане накануне и после похода Улугбека 1425 г. определяется упорной борьбой за ханскую власть между Шир-Мухаммад-ханом и Вайс-ханом [94]. Некоторое время Вайс-хан продолжал «кочевать по обычаю казакования» (*бе раем-и казаки*) со своими приверженцами на окраинах территории, подвластной хану Шир-Мухаммаду. Вайс-хан породнился с тимуридским хакимом Туркестана Шайх Нур ад-Дином и получил его поддержку в борьбе за ханский трон. Большей частью победы одерживал Шир-Мухаммад-хан, опиравшийся на более многочисленные военные силы. Вайс-оглан стал могульским ханом только после его смерти.

Время правления Вайс-хана (1418—1429 гг., включая и время «казакования») характеризуется усилением борьбы на восточных границах Могулистана с ойратами. Получив помощь от правителя Туркестана в борьбе за власть, Вайс-хан поддерживал с ним мирные отношения и в дальнейшем, что было одинаково выгодно для обеих сторон. Мирная обстановка, несомненно, укрепила торговые связи кочевого населения Семиречья с оседло-земледельческим районом Средней Сырдарьи и Ферганы: Мухаммад Хайдар пишет, что Вайс-хан «запретил своим людям совершать набеги на мусульман, и ополчился на неверие калмаков, и постоян-

---

[94] Та'рих-и Рашиди, л. 38аб; МИКХ, с. 191—192.

но вел борьбу с теми кафирами» [95]. Правильнее было бы говорить о том, что ему самому пришлось отражать натиск ойратов, первые набеги которых отмечались еще в конце XIV в.

С начала XV в. борьба Могулистана с ойратскими правителями становится затяжной и напряженной. Ойраты, западная ветвь монголов (соседние тюрко- и персоязычные народы называли их калмаками — *калмак*) занимали в это время территорию, ограниченную «западными склонами Хангайских гор на востоке, гобийскими песками на юге, Могулистаном на западе, верховьями Иртыша и Енисея на севере» [96]. Как указывалось по «Та'рих-и Рашиди», северо-восточная граница Могулистана проходила по течению Иртыша, к востоку от Эмиля, Зайсана и Тарбагатая. В юго-восточном направлении он занимал земли до Барскуля, Болора, Куэнь-Луня и Турфана, т. е. поднимавшееся рядом с восточными рубежами Могулистана ойратское объединение сразу же затронуло интересы могульских владетелей. В 20-х гг. XV в. и позднее Могулистан подвергался постоянным набегам ойратских племен. И. Я. Златкин объясняет это борьбой ойратских феодалов «за выход к рынкам сбыта и источникам снабжения» (т. е. за выход к среднеазиатским и присырдарьинским городам), стремлением «расширить сферу феодальной эксплуатации путем увеличения подвластной им территории и числа подданных», «нехваткой пастбищ» на собственно ойратских землях и, наконец, стремлением «захватить военную добычу» [97]. Следовательно, феодальную знать ойратов интересовали как собственно территория Семиречья (возможность расширить пастбища, земли для кочевий), так и пути через Семиречье в оседло-земледельческие оазисы Западного Семиречья, Туркестана (Присырдарьи) и Средней Азии. Те же цели, утверждает И. Я. Златкин, были и у могулистанских ханов и феодально-племенной зна-

---

[95] Та'рих-и Рашиди, л. 386; МИКХ, с. 192.
[96] Златкин И. Я. История Джунгарского ханства, с. 42.
[97] Там же, с. 42, 43, 100, 102.

ти. В данном случае такое утверждение верно лишь отчасти — в отношении политики могульских ханов к их западным соседям, тогда как на собственной территории ханы Могулистана и феодальные владетели вели оборонительную политику и вынуждены были отражать частые набеги калмаков на Могулистан, в том числе и на Семиречье.

Захватнические интересы ойратских и могулистанских кочевых феодалов сталкивались в юго-восточном направлении, где Вайс-хан в период борьбы его с Шир-Мухаммад-ханом захватил в 1422 г. город Турфан и превратил его в свою столицу, а ойраты напали на город Хами [98]. В сражении под Турфаном Вайс-хан попал в плен к ойратскому предводителю Исан-тайши [99] и вынужден был в качестве выкупа отдать ему свою сестру Махтум-ханим. Мухаммад Хайдар подробно описывает время пребывания Вайс-хана в Турфане [100]. Неоднократно сражения происходили и на территории собственно Могулистана. Всего, по Мухаммад Хайдару, Вайс-хану пришлось выдержать 61 сражение с калмаками за сравнительно короткий (10 лет) промежуток времени, что говорит о настойчивости и силе ойратского давления на Могулистан. Всего только один раз Вайс-хану удалось выиграть сражение, дважды он попадал в плен к калмакам [101]. Одно из сражений произошло в местности Мын-Булак где-то «на окраине Могулистана», другое — в местности Биштобе в верховьях Или в фарсахе (ок. 5—6 км) от берега. В «Та'рих-и Рашиди» рассказывается, что большую услугу Вайс-хану, у которого во время сражения был ранен конь, оказал дуглат эмир Сайид Али, спасший хана от ойратов и переправивший его через р. Или. Эмир удостоился крупного пожалования в виде 5 аймаков [102].

---

[98] Там же, с. 43; Та'рих-и Рашиди, л. 38б.

[99] Сын ойратского предводителя Тогона (ум. в 1439 г.) и глава калмаков (ойратов). По мнению К. И. Петрова (К истории движения киргизов на Тянь-Шань..., с. 168 и др.), противником Вайс-хана был не Исан-тайша, а киргизский хан Эсэху, получивший власть над ойратами. См.: МИКХ, с. 521, прим. 12.

[100] Та'рих-и Рашиди, л. 39б—40а.

[101] Там же, л. 38б—39б; МИКХ, с. 192—194.

[102] Там же, л. 40а.

Несмотря на большое число сражений и упорное стремление к захвату территории, в 20-х гг. XV в. ойратам не удалось продвинуться в глубь Семиречья. Во всяком случае, тимуридские историки, описывающие поход Улугбека 1425 г., не упоминают о калмаках на этой территории. Правда, из юго-восточных окраин Могулистана Вайс-хану пришлось уйти. По свидетельству китайских источников, собранных Е. Бретшнейдером, он перенес свою ставку из Восточного Туркестана (из Турфана) в собственно Семиречье, на берег Или, в местность Илибалык [103]. Но этот акт мог быть связан с тем, что Вайс-хан стал верховным могулистанским ханом и счел необходимым перенести ставку в центральный район Могулистана — Семиречье. «С тех пор под этим названием (Илибалы) стала известной у китайцев вся страна» [104].

В составе наступавших на Семиречье ойратов (калмаков) К. И. Петров называет и киргизские племена во главе с Эсэху-ханом (1415—1425 гг.), с помощью которых он отвоевал территорию Или-Иртышского междуречья и «оттеснил улус тянь-шаньских монголов за р. Или» [105]. Основано это заключение на упомянутых выше сражениях Вайс-хана. Во-первых, неясно, последовали ли за этими сражениями территориальные захваты ойратов (скорее всего, нет — источники об этом не говорят), а во-вторых, сражения были в Восточном Туркестане, а не в северо-западном «Или-Иртышском междуречье». Перенесение ставки именно в этот район говорит об отсутствии здесь ойратов, тем более — об отсутствии их прочных территориальных завоеваний в Семиречье. Предположение об участии киргизов в походах ойратов на запад выдвигал еще

---

[103] Bretschneider E. Mediaeval Researches from Eastern Asiatic Sources; Fragment towards the Knowledge of the Geography and History of Central and Western Asia from the XIII to the XVII-th century, v. II. London, 1910, p. 44, 241.

[104] **Бартольд В. В. Отчет о поездке..., с. 86.**

[105] История Киргизии, 1963, с. 199; **Петров К. И.** К истории движения киргизов на Тянь-Шань, с. 7, 167. (Под Или-Иртышским междуречьем подразумевается и часть Семиречья между Или и Балхашом); Там же, с. 4; История Киргизской ССР, т. 1, 1968, с. 199.

В. В. Бартольд [106], однако издатели «Сочинений» В. В. Бартольда считают это пока недоказанным.

Пока Вайс-хан сдерживал давление ойратских племен на Семиречье, Улугбек в 1428 г. вновь послал в Могулистан войско во главе с Сатук-ханом. Вайс-хан встретил Тимуридов около оз. Иссык-Куль в местности Бакабулунг. В завязавшемся сражении он был убит, причем, по рассказу Мухаммад Хайдара, по ошибке, своим приближенным, неким Джакиром (Чакыром) ба'арином, а скорее всего, пал жертвой враждебной феодальной группировки. Мухаммад Хайдар говорит сначала о дальнейшем продвижении Сатук-хана в Могулистане, а затем об уходе его в Кашгар из-за «невозможности» пребывания на этой территории (тимуридскому войску было оказано сопротивление местным населением в Семиречье и он был вынужден уйти в Кашгарию). Кроме того, Восточный Туркестан оставался основной целью Улугбека и в этот период; Тимуридам, как и ранее, приходилось бороться за Кашгар с давними владельцами этой области — дуглатскими эмирами, опиравшимися на могулистанских ханов и удерживавшими часть области с городами Аксу, Куча, Бай и др. Борьба Тимуридов с дуглатами за Кашгарию в деталях раскрыта в работах В. В. Бартольда и Б. А. Ахмедова.

Таким образом, в первой четверти XV в. Юго-Восточный Казахстан неоднократно становился ареной феодальных усобиц и внешних агрессий. Периоды некоторой стабилизации внутриполитического положения и централизации власти в Могулистане при ханах Хизр-Ходже, Мухаммаде и Вайсе сменялись новыми волнами феодальной борьбы, вторжений на территорию Семиречья Тимуридов с запада и ойратов с востока.

Рост экономического могущества феодально-кочевой знати племен толкал ее к борьбе за политическую независимость. Затянувшиеся на десятилетия феодальные усобицы ослабляли страну, отрицательно сказывались на ее хозяйственном положении, мешали систематическим торговым связям с земледельческими оа-

[106] **Бартольд В. В.** Киргизы. Исторический очерк, с. 514.

зисами. Феодальные междоусобицы, феодальная раздробленность, а равно и постоянная неблагоприятная внешняя обстановка, вторжения очередных завоевателей не позволяли сохранить политическую целостность государства.

Все это вместе оказывало тормозящее влияние на этническое сплочение населения. Как отмечают исследователи других стран, при феодальной раздробленности и центробежных устремлениях феодальной верхушки «нарушалась последовательность и всесторонность этнической консолидации народности» [107].

Усиление феодальных усобиц во второй четверти XV в.

Временная стабилизация кончилась с гибелью Вайс-хана. После нее вновь поднялась волна ожесточенной борьбы местной феодально-кочевой знати [108].

В ослабленном длительной борьбой с ойратами и Тимуридами Могулистане централизованная ханская власть к началу 30-х гг. была сведена почти на нет. Неудачи Вайс-хана в борьбе с внешними врагами, неспособность самостоятельно вести активную (в понимании феодальной знати — завоевательную) внешнюю политику подорвали и без того непрочное единство внутри страны, сложившееся при Хизр-Ходжа-хане и его преемниках.

Вместе с тем росло экономическое и политическое могущество феодально-племенной знати, которое держалось на усилении феодальной эксплуатации податного населения. Мухаммад Хайдар пишет, что у одного из представителей могульской племенной знати эмира

---

[107] **Гасанбекова С. К** вопросу о социально-этнической общности. — В кн. Актуальные вопросы теории национальных отношений. М., 1970, с. 75. 76.

[108] Та'рих-и Рашиди, л. 42б, 43а; Бабур-наме, с. 23,24; **Бартольд В. В.** Очерк истории Семиречья, с. 87; **Он же.** Улугбек и его время, с. 115.

Сайида Али дуглата насчитывалось такое количество скота, что только на долю одного из трех его сыновей, Мухаммад Хайдар-мирзы — деда автора «Та'рих-и Рашиди», досталось по наследству 160 тыс. овец [109]. Не меньшим богатством обладала и феодальная знать других племен и родов, оспаривавшая роль дуглатских беков в политической жизни страны. Солидная экономическая основа обеспечивала феодальной верхушке независимость от центральной власти, позволяла ей бороться за первенствующее положение в стране, выдвигать своего ставленника на ханский трон, во всяком случае, вести самостоятельную политику. Отсутствие сильной ханской власти, способной объединить разрозненные интересы различных феодальных группировок, вело к дальнейшему углублению феодальной раздробленности.

После Вайс-хана «могульский улус пришел в полное расстройство и упадок» [110],— пишет Мухаммад Хайдар. Феодальная знать разбилась на две группировки, поддерживавшие двух его малолетних сыновей: Есен-Бугу (Исан-Бугу) и старшего — Йунуса, которому было 13 лет. В разгоревшейся феодальной междоусобной борьбе, которая продолжалась несколько лет после гибели Вайс-хана, верх одержала более могущественная верхушка племени дуглат во главе с улусбеком Мир Мухаммад-Шахом и поддерживавшие ее представители других племен. Ханом Могулистана около 1433—1434 гг.[111] стал Есен-Буга. Потерпевшие поражение феодалы из племени баарин [112] и чурас [113] с тридцатью тысячами могульских семей (по «Бабур-наме», 3—4 тыс.) удалились в Мавераннахр, надеясь с помощью Улугбека вернуться позднее к борьбе за власть.

---

[109] Та'рих-и Рашиди, л. 44б.

[110] Там же, л. 42б.

[111] Дата предложена на основании противоречивых свидетельств Мухаммад Хайдара и Захир ад-Дина Бабура В. В. Бартольдом (Улугбек и его время, с. 113, 115).

[112] Та'рих-и Рашиди, л. 43а, 47а.

[113] Бабур-наме, с. 40; МИКХ, с. 375; Шах Махмуд ибн Мирза Фазил Чорас. Хроника. Критический текст, перевод, комментарии, исследование и указатели О. Ф. Акимушкина. М., 1976, с. 25.

Но в Мавераннахре главы семей были перебиты, а остальное население превращено в пленников.

С приходом к власти группировки, которая поддерживала Исан-Бугу, феодальные смуты не прекратились, хотя Мухаммад Хайдару хотелось бы представить дело так, что одержавшие верх дуглатские беки умиротворили страну: «Весь Могулистан подчинился Исан-Буга-хану, все эмиры были у него на службе, все важные дела хана полностью устроились» [114]. Исан-Буга, будучи малолетним, конечно, не мог противодействовать оппозиции феодалов — предводителей отдельных племен, не смог помочь ему в этом и занятый Кашгарией новый улусбек Эмир Сайид Али дуглат.

Важной причиной ухода улусбека из Могулистана в Кашгар было давнее недовольство крупных феодалов других племен всевластием беков из рода дуглатов. Зная об этом недовольстве, Сайид Али стремился вернуть себе традиционное родовое владение улусбеков-дуглатов Манглай-Субе — отвоевать у Тимуридов Кашгар, а у своих братьев Адил Мумина и Сайид Мухаммада города Аксу, Куча и Бай. В свою очередь, молодой хан не чувствовал уверенности среди кочевой знати Могулистана и искал себе опору под опекой улусбека среди феодальной верхушки южных оседло-земледельческих районов. Старая родо-племенная знать Могулистана, эмиры и беки выражали недовольство этим. Они подняли мятеж против некоего Тимура «из племени турфанских уйгуров» — регента (наиба) хана и «однажды во время маджлиса у хана дерзновенной рукой изрубили на куски Тимура и тотчас же сами рассеялись» [115]. Могульский хан бежал под защиту Сайида Али в Аксу.

Мухаммад Хайдар приводит много фактов, свидетельствующих о внутренней неустойчивости государства во второй четверти XV в. Бывший улусбек Мир Мухаммад-Шах дуглат занял город Ат-Баши на реке того же имени (приток Нарына). Противодействие хану оказал и дуглат Мир Карим-Берды, который «воздвиг

---

[114] Та'рих-и Рашиди, л. 43а.

[115] Там же, л. 45а, 47б; МИКХ, с. 194, 196, 522.

крепость на границе Могулистана с Андижаном и Ферганой в местности Ала-Буга [в долине одноименной реки, притока Нарына] на вершине холма» [116]. Неполностью ушли племена баарин и чурас с Йунусом в Мавераннахр. Часть их во главе с эмирами перешла к ойратам, подчинившись Амасанджи-тайши, сыну Исантайши [117].

Пользуясь раздробленностью и отсутствием централизованной власти в Могулистане, ойраты (калмаки) возобновили свои набеги на Семиречье и, не встречая сопротивления, доходили в 30-х гг. до района Иссык-Куля, о чем сообщает Мирза Хайдар. С ними, в частности, имел столкновение эмир племени бекчик (канглы) [118] Мир Хакк-Берды: он построил крепость на одном из прибрежных островов Иссык-Куля, «оставил [там] своих слуг и семью, чтобы они были в безопасности от нападений ка́лмаков» [119]. Однако данные говорят о том, что калмаки в этот период лишь совершали набеги и уходили назад, не имея еще реальной возможности укрепиться в Юго-Восточном Казахстане. Поэтому не совсем прав Б. А. Ахмедов, утверждая, что калмаки уже при Вайс-хане заняли «Семиречье и Чуйскую долину» и что ему не удалось их вытеснить с этой территории («... все старания его были безуспешными») [120]. И. Я. Златкин пишет, что «главная линия вооруженной борьбы ойратов в 30-х и 40-х гг. XV в. проходила не на Востоке, не в направлении восточной Монголии и Китая, а на западе, в направлении Могулистана» [121], но он не утверждает, что уже тогда калмаки заняли Семиречье. В связи с этим надо полагать, что часть племен чурас и баарин перекочевала к восточным границам Могулистана, на которые и нападали ойраты, углубляясь временами в центральные районы Семиречья.

О других племенах и их феодальных владетелях Мирза Хайдар говорит, что они «поднимали беспорядки

---

[116] Там же.
[117] Там же, л. 45а, б; МИКХ, с. 194, 522.
[118] Там же, л. 45а.
[119] Там же.
[120] **Ахмедов Б. А.** Государство кочевых узбеков, с. 66.
[121] **Златкин И. Я.** История Джунгарского ханства, с. 43.

и сеяли смуту в степях Могулистана». В их числе названы эмиры тумана кончи [122]. Он сообщает также, что верховная власть в тумане кончи принадлежала Мир Хаджи и что он «был совершенно независимым». Племена калучи, булгачи и др. откочевали в Центральный Казахстан, где присоединились к казахско-узбекским племенам, входившим в государственное объединение Абулхайр-хана (1428—1468 гг.).

Феодальные усобицы вели к сокращению численности населения Юго-Восточного Казахстана и Киргизии. Уход населения был, несомненно, своего рода протестом, формой классовой борьбы против феодального гнета и политических неурядиц, хотя инициатива нередко принадлежала феодальной верхушке.

Феодальная раздробленность Могулистана «способствовала успеху кочевых узбеков в районе среднего течения Сырдарьи» [123], т. е. захвату Абулхайр-ханом ряда присырдарьинских городов (Сыгнака, Сузака, Узгенда и др.). Как уже говорилось, в этом направлении действовали и могулистанские ханы в первой четверти XV в., продолжались набеги могульских феодалов и позже. В Туркестане сталкивались экономические и политические интересы феодальных правителей государств, существовавших на территории Казахстана и Средней Азии.

Интересен факт, что не только ханы стремились найти опору в оседло-земледельческих центрах, но и часть могульской родо-племенной знати: «Каждый из могульских эмиров, что отделились от [Исан-Буга-] хана, построил себе крепость. Все они не повиновались хану надлежащим образом. Хан тоже не противодействовал им, надеясь, что, может быть, они снова вернутся к нему» [124]. Эта тенденция наблюдалась и раньше, но теперь она все более расширялась. Опора на оседло-земледельческие центры, на города-крепости давала гораздо большие экономические, военные и политические преимущества, чем господство только над кочевыми районами. Но, как и прежде, феодальную знать коче-

[122] Та'рих-и Рашиди, л. 45б, 48а.
[123] **Ахмедов Б. А.** Государство кочевых узбеков, с. 57.
[124] Та'рих-и Рашиди, л. 46а.

вых и полукочевых племен манила легкая добыча, получаемая при набегах на соседние города и селения. Этой цели служили также строившиеся могульской знатью укрепления, опорные базы: «Мир Карим-Берды совершал набеги и нападения на Андижан и на мусульман» [125]; Мир Хакк-Берды бекчик «занимался разорением Туркестана и Сайрама» [126]. И в условиях внутриполитической неустойчивости, безвластия и усобиц феодальная верхушка племен осуществляла то, что она стремилась иметь при сильном хане — совершала грабительские набеги на соседние земледельческие оазисы.

Исан-Буга-хан, опираясь на дуглатские владения в Кашгарии, к концу 40 — началу 50-х гг. подчинил себе племена Семиречья и Тянь-Шаня. Вслед за Мир Мухаммад-Шахом дуглатом перешли к нему и главы других племен [127]. Мирза Хайдар подчеркивает «милостивое» обхождение хана со своими подданными, т. е. хан шел на уступки, удовлетворял их требования, чем стремился привлечь на свою сторону. Пользуясь междоусобицей в Мавераннахре в последние годы правления Улугбека (ум. 1449 г.) и после его гибели, Исан-Буга-хан совершал опустошительные набеги на Сайрам, Туркестан, Ташкент [128]. О том, что хану в это время был подчинен и северный Могулистан, говорит маршрут его следований на присырдарьинские владения Тимуридов через Семиречье и Таласскую долину: в один из набегов в начале 50-х гг. Тимурид Абу-Са'ид-мирза преследовал Исан-Бугу до Йанги (-Тараза), но могулы бежали в глубь страны, не приняв боя [129]. В следующий раз Исан-Буга дошел до Андижана и осадил крепость [130], но через некоторое время, забрав

---

[125] Там же, л. 45а.

[126] Там же.

[127] Там же, л. 45б.

[128] По Мухаммад Хайдару (л. 45б), этот поход был до 855 г. х. (1451 г.).

[129] Там же. В. В. Бартольд на основе сведений Захир ад-Дина Бабура пишет о поражении могулов около Таласа при Ашпаре. Очерк истории Семиречья, с. 88.

[130] Та'рих-и Рашиди, л. 45б.

пленников, возвратился к себе. Мухаммад Хайдар отмечает большое войско у Исан-Буга-хана, а также его маневренность, чему способствовала значительная территория его владений в Семиречье и на Тянь-Шане: «Султан Абу-Са'ид-мирза... не был в состоянии воспрепятствовать Исан-Буга-хану потому, что, если бы он направился в Могулистан, Исан-Буга-хан ушел бы в отдаленные районы Могулистана, тогда как для самаркандского войска было бы невозможно идти туда» [131]. Чтобы обеспечить безопасность своих северо-восточных владений, Абу-Са'ид решил прибегнуть к испытанному приему — поставить в Могулистане своего сторонника или вызвать раздоры и междоусобицу внутри этой страны [132].

Ставленником Абу-Са'ида стал Йунус, пробывший 18 лет в тимуридских владениях. Любопытные известия приводятся Мирзой Хайдаром о заключении ими «договоров и обязательств» о вассалитете, который гарантировал Йунусу поддержку Тимуридов в борьбе за Могулистан. Абу-Са'ид-мирза говорил Йунусу: «Отныне в противоположность Вашим предшественникам и покойным ханам, которые [как Чингизиды] заявляли: «Эмир Тимур и весь род эмира — наши слуги» [что, впрочем, попытался доказать лишь Тоглук-Тимур-хан],— Вы и Ваши потомки не будете претендовать на это потому, что если так и было в прошлом, то [теперь] дела обстоят иначе: ныне я — независимый государь. Итак, поскольку Вы объявите себя моим вассалом, Вам следует принять звание «слуга властелина» (*хадим- и махдуми*) и расстаться со званием «друг» (*дусти*). Вы не должны писать мне так [высокомерно], как писали могульские хаканы мирзам из тимуридского рода, напротив, в Ваших письмах должен соблюдаться почтительный тон. Отныне этот порядок должны соблюдать и Ваши сыновья и Ваши внуки» [133]. Хотя этот вассали-

---

[131] Там же, л. 45б—46а.

[132] Об этих намерениях Абу-Са'ид-мирзы и их осуществлении на основе сведений «Та'рих-и Рашиди» (46а—48б) и «Бабур-наме» обстоятельно пишет С. А. Азимджанова в работе «К истории Ферганы второй половины XV в.». Ташкент, 1957, с. 18—25.

[133] Та'рих-и Рашиди, л. 47б.

тет остался лишь на бумаге не только при сыновьях и внуках, но и при самом Йунус-хане, ставшем спустя десять лет не зависимым от Тимуридов ханом в западной части Могулистана, как документ той эпохи он интересен, поскольку отражает отношения Тимуридов Мавераннахра к правителям Могулистана.

В Могулистане Йунус-султану сначала удалось привлечь к себе некоторых представителей могульской кочевой знати. К нему присоединились Мир Карим-Берды дуглат, беки тумана кончи, Мир Ибрахим бекчик и некоторые другие влиятельные могульские беки и эмиры. Чтобы укрепить союз с кочевой знатью, Йунус женился на дочери Мир Хаджи-бека кончи. Однако даже автор «Та'рих-и Рашиди» отмечает, что поддержавшая его кочевая знать была ненадежной опорой: «[Таким образом] у хана собралась группа [сторонников]. Но поскольку вышеупомянутые эмиры длительное время устраивали свои судьбы совершенно самостоятельно, они [и теперь] не соблюдали так, как это нужно и как следует, обязанностей вассала по отношению к господину, и хан ублажал их всяческим путем» [134].

Имея такую ненадежную опору, Йунус вскоре потерпел поражение от хана Могулистана, своего брата Исан-Буги. Мухаммад Хайдар сообщает, что у Исан-Буга-хана было 60-тысячное войско, еще эмир Сайид Али дуглат присоединился к нему с 30-тысячным войском. Йунус-хан, потеряв в сражении под Кашгаром своих людей и семью (они попали в плен к улусбеку), бежал в Могулистан, но все его приверженцы отвернулись от него и здесь, и он вынужден был покинуть Могулистан [135]. Тимурид Абу-Са'ид-мирза, не оставляя намерения иметь в лице Йунуса своего ставленника в Могулистане, около 862 г. х. (1457—1458 г. н. э.) дал ему на восточной границе Ферганы в удел город Йатикенд (Джетыкенд). Отсюда он в 1462 г. вмешался в борьбу наследника умершего Исан-Буги Дост-Мухаммад-хана (866—873 г. х./1462—1468—1469 гг. н. э.) и сыновей эмира Сайида Али и утвердил свою власть в

---

[134] Та'рих-и Рашиди, л. 48а; МИКХ, с. 169.
[135] Там же, л. 48б—49а.

прилегающих к Фергане западных районах Могулистана, но попытки вмешаться в борьбу в Кашгаре не привели к успеху. Примечательно объяснение Мухаммад Хайдара причин этих неудач: «В те времена Йунус-хан вступал несколько раз в Кашгар, но так как могульские эмиры не [желали] оставаться в Кашгаре, хан был вынужден каждый раз отходить назад. Так случалось несколько раз... у Йунус-хана всегда было стремление к [жизни] в городе и в домах. Однако эмиры и могульское войско всегда избегали города. По этой причине хан проводил время в Могулистане... Йунус-хан хотел жить в Аксу, так как по сравнению с Могулистаном Аксу был подобен городу. Но он хорошо понимал, что если он поступит таким образом, все его люди, следуя привычкам могулов [жить в степи], уйдут от него... хан был вынужден, взяв всех людей, уйти в Могулистан» [136].

Это и вышеприведенные свидетельства Мухаммад Хайдара отражают борьбу двух тенденций в Могулистане, существовавших еще в Чагатаидском государстве, приведших его к распаду и постепенно выявившихся вновь столетие спустя уже в самом Могулистане. Часть феодальной знати не хотела расставаться с давними традициями кочевой жизни, обеспечивающими ей возможность эксплуатации как собственных подданных-кочевников, так и население соседних оседлых районов и городов. Другая часть феодальной аристократии во главе с ханом искала опору в городах, в оседло-земледельческих районах, видя в них источник расширения своей экономической мощи, политического и военного могущества, опору для противодействия непокорной знати в кочевых районах Могулистана. В дальнейшем борьба двух тенденций стала одной из причин распада Могулистана как государства на две части.

В 50-х гг. XV в. Юго-Восточный Казахстан подвергся новому нашествию ойратов (калмаков), объединенных сильным правителем Исан-тайшой [137]. В 1452 г. калмаки пришли на территорию Могулистана, достигли

---

[136] Та'рих-и Рашиди, л. 50б; МИКХ, с. 197.
[137] Златкин И. Я. История Джунгарского ханства, с. 65.

берегов р. Чу. В Семиречье Исан-Буга-хан, занятый междоусобными делами в Кашгаре, не оказал им, очевидно, достаточно серьезного сопротивления. Как уже было показано выше, в предшествующие десятилетия ойратам не удалось закрепить за собой какие-нибудь территориальные завоевания, и их походы в Могулистан были пока только грабительскими набегами, после которых они скрывались в степях за северо-восточными пределами Могулистана. В 1452 г. ойраты пришли в Могулистан из своих кочевий, что отмечает и И. Я. Златкин. Весной 1457 г. они появились у Сырдарьи, но, очевидно, исходной позицией их движения были не берега Иссык-Куля и не Чуйская долина [138], а джунгарские степи.

Основной источник, повествующий о походе калмаков во главе с Уз-Тимур-тайши на сырдарьинские города, — «Та'рих-и Абу-л-Хайр-хани» Мас'уд бен Усмана Кухистани — говорит, что калмаки двигались сначала на берега Чу, а не пребывали здесь в предшествующее время: «Когда [они] достигли берегов реки Чу, [то] оставили здесь жен и домочадцев и обозы и отправились далее [налегке] в набег...» [139]. Разбив в 1457 г. недалеко от Кок-Кашане близ Сыгнака войско Абулхайра, который укрылся после боя за стенами Сыгнака, и разграбив окрестности Туркестана (г. Ясы), Шахрухии, Ташкента и Сайрама, калмаки повернули назад: «После заключения мира [с Абу-л-Хайр-ханом] Уз-Тимур-тайши направил поводья решимости и могущества через Сайрам в сторону реки Чу, где находились его обоз и домочадцы... Оттуда со всем [своим] войском направился в сторону [страны] Калмак, которая являлась наследственным уделом его» [140], т. е. здесь прямо указывается на то, что и поход 1457 г. еще не привел к захвату территории, к занятию калмаками кочевий в Семиречье.

Ойратские кочевые феодалы оказались в XV в. лишь в состоянии разграбить население Семиречья и

---

[138] **Ахмедов Б. А.** Государство кочевых узбеков, с. 66.
[139] Та'рих-и Абу-л-Хайр-хани, л. 337а; МИКХ, с. 168.
[140] Там же, л. 338б, 339а; МИКХ, с. 170.

Присырдарьи, но не могли еще обеспечить себе территориальных захватов. Однако это было уже началом того великого бедствия, которое обрушилось с востока на казахские земли полтора-два столетия спустя.

К середине XV в. усилились тенденции распада Могулистана и ликвидации власти могульских ханов в Семиречье и на Тянь-Шане, определившиеся еще в 30—40-х гг. XV в., в силу различных этно-политических и социально-экономических причин. Могулистан объединял районы, территориально и естественно-географически обособленные, различные в экономическом и историческом развитии с этно-генетическими и культурными особенностями. Этнической основой государства был союз нескольких групп племен, формировавшихся в народности. Преимущественно кочевые и полукочевые районы Семиречья и Тянь-Шаня в рамках одного государства разнились в хозяйственном и социальном (по степени развития феодальных отношений) планах от районов оседлого земледелия и городов в Восточном Туркестане. Главной же из причин усиления тенденции распада Могулистана были процесс сплочения казахских племен Семиречья в Старший жуз (а вместе с племенами всего Казахстана — в казахскую народность) и нараставший процесс формирования племен Тянь-Шаня в киргизскую народность, а также все более возраставшая в связи с этим борьба местного населения за независимость, за государственное обособление. Источники косвенно донесли до нас настроение народных масс, отразившееся в действиях значительной части феодально-племенной верхушки, которая стремилась принудить ханов оставить попытки «поселиться в городе и вилайете» и в случае неудачи уходила на свои земли в Семиречье.

Глава 3

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ СОСТОЯНИЯ ХОЗЯЙСТВА И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ЮГО-ВОСТОЧНОМ КАЗАХСТАНЕ XIV—XV вв.

Хозяйство. Упадок городов и земледелия

Состояние хозяйства и развитие производительных сил, социальная структура общества, степень развития классовых отношений, положение народных масс и другие аспекты социально-экономической жизни Юго-Восточного Казахстана в период после распада Чагатаидского государства и до образования Казахского ханства практически не изучены. Причина этого главным образом в неразработанности проблемы социально-экономических отношений в средневековом Казахстане в целом, а также в недостатке сведений по данным вопросам, незначительной изученности доступных исследователю исторических сочинений, в почти полном отсутствии археологического материала по данному району для изучаемого периода. Весь археологический материал, полученный археологами в Семиречье, относится, за исключением лишь самого ограниченного числа (например, по Аспаре), в основном к более раннему — домонгольскому времени и к XIII — началу XIV в.

В письменных источниках сведений по вопросу социально-экономического развития в Могулистане, в том числе в Семиречье XIV—XV вв., предельно мало. Их приходится буквально по крупицам извлекать из нарративных (повествовательных) сочинений, всегда

отличающихся недостатком материалов для изучения общественной системы. Актового (документального) материала по социальной и политической истории Семиречья практически пока не найдено. Из числа источников до нас не дошли сочинения, которые были написаны авторами, жившими на территории Семиречья в изучаемый период. Единственное сочинение, повествующее о жизни населения Могулистана (и Семиречья в том числе) и написанное автором, происходившим из этого государства,— Та'рих-и Рашиди» — несинхронно изучаемому времени: оно написано почти полстолетия спустя после распада Могулистана. Тем не менее сведения «Та'рих-и Рашиди» исключительно ценны не только по политической истории. Интересны сведения автора о состоянии городской культуры в Семиречье в период раннего средневековья, о постепенном ее разрушении в результате господства монгольских кочевых феодалов, важны материалы по исторической географии Семиречья. Особый интерес имеют немногие данные Мухаммад Хайдара о характере общественных отношений в государстве Могулистан.

Немногочисленны сведения социально-экономического характера и в сочинениях тимуридского круга, современных исследуемому периоду истории Юго-Восточного Казахстана. Как и другие персоязычные средневековые хроники, содержащие описание придворной жизни феодальных правителей Средней Азии и Ирана, они не только почти не отражали социально-экономических явлений, но не всегда точно освещали и политическую историю этого региона Казахстана. Терминология, которую использовали авторы хроник, была присуща их времени и их стране и, естественно, не всегда точно отражала реальные явления общественной жизни населения Юго-Восточного Казахстана. Таковы сочинения Низам ад-Дина Шами, Шараф ад-Дина Али Йазди, Абд ар-Раззака Самарканди и др. К наиболее ценным следует отнести сведения о социльной структуре и государственном устройстве в сочинении Му'ин ад-Дина Натанзи «Мунтахаб ат-таварих-и Му'ини».

Как установлено исследованиями казахстанских и киргизских археологов и как это явствует из письмен-

ных источников, после завоевания монголами Семиречья произошел резкий упадок городской и оседло-земледельческой культуры, имевшей большое развитие на этой территории в предшествующий период [1]. Хотя материалы исторических сочинений и археологические данные почти не говорят о том, что в Семиречье непосредственно само монгольское нашествие оставило руины, как это было в Средней Азии, Иране и других странах [2], однако и письменные источники, и археологические свидетельства достаточно красноречиво рисуют картину последующего почти полного исчезновения городской и оседло-земледельческой культуры в Юго-Восточном Казахстане и превращения культурных земель в пастбища именно под влиянием господства в этом крае монгольских завоевателей. Исследования археологов, в частности А. Н. Бернштама, К. М. Байпакова, Л. Б. Ерзаковича и др., показали, что археологический

---

[1] **Бернштам А. Н.** Памятники старины Таласской долины. Историко-археологический очерк. Алма-Ата, 1941; **Он же.** К исторической топографии Чуйской долины (из археологических работ 1933 г. в Киргизии). — «Вестник древней истории», 1940, № 2(11), с. 191—198; **Он же.** Памятники старины Алма-Атинской области. — «Известия АН КазССР», 1948, № 46, вып. 1, с. 79—91; **Он же.** Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. М.—Л., 1952 (Материалы и исследования по археологии СССР, № 26); **Байпаков К. М.** Раннесредневековые города и поселения Семиречья. — «Известия АН КазССР», 1966, № 2, с. 77—84; **Он же.** Средневековые города и поселения Семиречья. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. истор. наук. Алма-Ата, 1966; **Он же.** Раннесредневековые города и поселения Северо-Восточного Семиречья. — «Новое в археологии Казахстана». Алма-Ата, 1968, с. 68—84; **Кожемяко П. Н.** Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины. Фрунзе, 1959; **Ерзакович Л. Б.** Города и поселения Семиречья и Таласской долины в XIII—XVвв. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. истор. наук. Алма-Ата, 1966; **Он же.** О позднесредневековом городище Аспара. — «Новое в археологии Казахстана». Алма-Ата, 1968, с. 85—97; **Сенигова Т. Н.** Средневековый Тараз. Алма-Ата, 1972; Археологические памятники Таласской долины. Фрунзе, 1963.

[2] **Петрушевский И. П.** Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII—XIV веков. М.—Л., 1960, с. 36—37; **Мерперт Н. Я., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В.** Чингис-хан и его наследие. — «История СССР», 1962, № 5, с. 56; **Тихвинский С. Л.** Татаро-монгольские завоевания в Азии и Европе. — В кн.: Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1970.

материал городищ Семиречья относится к периоду не позднее XIII—XIV вв. Факт запустения земледельческих и городских поселений уже в XIII в., распространения кочевого скотоводства как преобладающей отрасли хозяйства края подтверждается свидетельствами письменных источников. Вильгельм Рубрук, посетивший Семиречье всего лишь 30 лет спустя после монгольского нашествия, одним из первых оставил свидетельства о разрушении городской культуры. Прежде на равнине между Или и Караталом «находилось много городков, но по большей части они были разрушены татарами [монголами], чтобы иметь возможность пасти там свои стада, так как там были наилучшие пастбища» [3].

В Семиречье, где стыковались три монгольских улуса и находились ставки вождей с их многолюдными «орду», т. е. двором, свитой, с многочисленными войсками, в течение нескольких десятилетий стекались массы монгольских кочевников, которые сохраняли свою форму хозяйства, требовавшую обширных земельных угодий [4]. Стремление завоевателей к безграничному расширению своих пастбищ привело к уничтожению городских и сельских поселений, к вынужденному переходу и местного населения к кочевому и полукочевому скотоводству.

Оседло-земледельческая и городская культура Семиречья начала разрушаться, следовательно, не в начале XIV в. (как это не раз отмечал В. В. Бартольд, считавший, что само нашествие не принесло разрушений в Семиречье [5]), а уже в XIII в. во время монгольского на-

---

[3] Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука (по изд. А. И. Малеина). М., 1957, с. 126; **Вильгельм де Рубрук.** Путешествие в восточные страны. Введение, перевод и примечания А. И. Малеина. Спб., 1911, с. 112; **Бартольд В. В.** К вопросу об археологических исследованиях в Туркестане. Соч., т. IV. М., 1966, с. 105.

[4] **Рашид ад-Дин.** Сборник летописей, т. II. Перевод с перс. Ю. П. Верховского, М.—Л., 1960, с. 18, 19.

[5] **Бартольд В. В.** К вопросу об археологических исследованиях..., с. 102, прим. 19; **Он же.** Туркестан.... Соч., т. I. М., 1963, с. 151; **Он же.** История культурной жизни Туркестана». Соч., т. II, ч. 1, с. 257.

шествия и сразу же после него. Если даже монголы не разрушили города Семиречья в момент нашествия (во всяком случае, сведения об осаде и разрушении этих городов не попали в письменные источники), как это было в Южном Казахстане, Средней Азии, то вскоре они привели их к упадку, очищая земли под пастбища и уничтожая питавшую города земледельческую округу. Разрушение селений, вытаптывание многочисленными табунами и отарами посевов, уничтожение садов, ирригационной системы, уничтожение и рассеивание оседло-земледельческого населения, прекращение торговой жизни городов, их экономических связей с соседними городами и земледельческими округами, в частности с Южным Казахстаном,— все это подрывало экономическую и социальную основу существования городов в Семиречье, особенно в его центральной (долина Или) и северо-восточной части [6], уже в первые десятилетия монгольского господства.

Политическая обстановка в Чагатаидском государстве также способствовала дальнейшему упадку. Феодальные междоусобицы в первой половине XIV в. довершили начавшийся ранее процесс запустения, гибели оседло-земледельческой и городской жизни в Юго-Восточном Казахстане. Махмуд бен Вали пишет о борьбе в Чагатайском улусе сыновей Дувы и Хайду: «В то время, когда наши отцы враждовали с вашими и вели

---

[6] На основе анализа монетного материала второй половины XIII в. и изучения денежной реформы правителя Мавераннахра Масуд-бека 1270 г. Е. Н. Давидович в ст. «Денежное хозяйство и частичное восстановление торговли в Средней Азии после монгольского нашествия» («Народы Азии и Африки», 1970, № 6) сделала вывод о более благополучном положении городов Семиречья (точнее, западного Семиречья. — *К. П.*) в конце XIII в., чем это предполагали исследователи. Б. Г. Гафуров также пишет, что к концу XIII в. денежная торговля достигла больших успехов по сравнению с предшествующим временем, что свидетельствует о частичном восстановлении и развитии товарного производства и городской жизни в целом в Средней Азии, причем «в лучшем состоянии находились, по-видимому, города и торговля северо-восточных областей Средней Азии, включая часть Семиречья (особенно обильным был чекан Тараза, Кенджде, Отрара и др.), города Ферганы, область Шаша. Города Мавераннахра восстанавливались более замедленными темпами» (**Гафуров Б. Г. Таджики**, с. 460).

борьбу, много людей погибло, области были опустошены, владения (*икта'*) были превращены в мираж, а земля на пашнях иссохла. Нигде никакое важное дело не продвигалось вперед и не завершалось. Кроме того, в [междоусобных] битвах и сражениях обе враждующие стороны потеряли много воинов, верховые и вьючные животные обессилели и изнемогли. Казна у тех и других [потомков Дувы и Хайду] опустела, города и строения разрушены, а люди покинули их и превратились в бродяг» [7]. Об упадке городской и земледельческой жизни Семиречья во время междоусобиц в Чагатаидском государстве в первой половине XIV в. писал неоднократно В. В. Бартольд [8].

К середине XIV в. Юго-Восточный Казахстан с его древней высокоразвитой городской и оседло-земледельческой культурой — накануне монгольского нашествия крупнейшими городами Семиречья, как известно, были Баласагун, Тараз, Алмалык, Алмату, Каялык, Илибалык, Ики-Огуз (у Рубрука — *Эквиус*) и многие другие большие и малые города и поселения — был практически превращен, за исключением Юго-Западной территории, в район преимущественно кочевого и полукочевого скотоводства. Широко известное исследователям свидетельство очевидца — арабского географа первой половины XIV в. Ал-Омари (из соч. «Масалик ал-абсар фи мамалик ал-амсар») — достаточно красноречиво говорит об этом запустении: «Издали виднелось хорошо построенное селение, окрестности которого покрыты цветущей зеленью. Приближаешься к нему в надежде встретить жителей, но находишь дома́ совершенно пустыми. Все жители страны — кочевники и нисколько не занимаются земледелием» [9]. Упадок оседло-земледельческой культуры и в Западном Семиречье, в долинах Чу и Таласа, хорошо подтверждают и археологи-

---

[7] Бахр ал-асрар, л. 159б.

[8] **Бартольд В. В.** История культурной жизни Туркестана, с. 257, 258; Он же. К истории орошения Туркестана, т. III, с. 233; Он же. Состояние и задачи изучения истории турецких народностей. Соч., т. V. М., 1968, с. 464.

[9] **Бартольд В. В.** История Туркестана, 1963, с. 153; Он же. Улугбек и его время. Соч., т. II, ч. 2, с. 33.

ческие материалы, полученные казахстанскими и киргизскими археологами. «В целом картина запустения городищ в Чуйской и Таласской долинах разительная. В этих районах, некогда бывших центрами развитой оседло-земледельческой культуры, где находились около 200 пунктов деятельности оседлого человека в домонгольское время, в XIII—XIV вв. насчитывается лишь около двух десятков городищ, в которых жизнь продолжалась в очень скромных размерах» [10]. Из семи городищ Чуйской долины после XIV в. продолжает существовать только Аспара.

Несмотря на то, что «при монгольском владычестве через Илийскую долину проходил один из важнейших торговых путей из западной Азии в восточную, что должно было способствовать возвышению главного города края Алмалыка» и несмотря на то, что он был столицей Чагатаидского государства [11], ко времени распада этого государства, т. е. к середине XIV в., этот крупный торговый город, возвысившийся особенно в XIII в. на торговом пути через Семиречье, утратил свое значение настолько, что спустя три-четыре десятилетия во время походов Тимура в Могулистан его отряды, пересекавшие во всех направлениях страну, не подходили к этому городу. Тимуридские авторы ничего не пишут о нем. Если бы город существовал, войска Тимура не обошли бы Алмалык и разграбили бы его, как грабили города северной Кашгарии, прилегавшие к Могулистану. Упоминаемый Шараф ад-Дином Али Йазди и Мухаммад Хайдаром Алмалык, по мнению В. В. Бартольда, относится скорее к другому городу Илийского бассейна — Алматы, так как связано маршрутом движения войска с р. Каратал [12]. В. В. Бар-

---

[10] **Ерзакович Л. Б.** О позднесредневековом городище Аспара, с. 94—96. **Он же.** Некоторые черты оседлой культуры позднего средневековья в Таласской долине. — В кн.: Поиски и раскопки в Казахстане. Алма-Ата, 1972, с. 98—106.

[11] **Бартольд В. В.** Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью 1893—1894 гг. Соч., т. IV, с. 79; **Рашид ад-Дин.** Сборник летописей, т. II, с. 64, 164.

[12] **Шараф ад-Дин Али Йазди.** Зафар-наме, л. 145а; Та'рих-и Рашиди, л. 23а; **Бартольд В. В.** Отчет о поездке..., с. 85.

тольд на основании письменных источников считает, что Алмалык, как и другие города Семиречья, пришел полностью в упадок из-за постоянной междоусобной борьбы в XIV в.[13]

Местоположение Алмалыка было длительное время предметом спора исследователей. Н. Н. Пантусов писал, что «согласно с указаниями Бабура, Ибн Батуты и других писателей, следует приурочивать Алмалык на севере от Ферганы, невдалеке от Тараза» в направлении к городу Алмату, но где точно, неясно [14]. Ко времени Мухаммад Хайдара этот город лежал в руинах; при описании событий в Могулистане конца XIV—XV вв. он уже не упоминает об Алмалыке. «Другой большой известный город — Алмалык,— пишет Мухаммад Хайдар.— Местоположение его и теперь можно определить: там находится гробница Тоглук-Тимур-хана и следы крайне удивительного города» [15]. Это указание Мухаммад Хайдара помогло исследователям определить местонахождение Алмалыка (в районе Хоргоса к северо-западу от гор. Кульджи). Хотя развалины Алмалыка находятся вне территории Юго-Восточного Казахстана, в средневековье этот город был связан едиными историческими судьбами с Семиречьем. Определению местоположения города и трансформации его названия посвящено немало работ, авторы которых отмечали большую экономическую и политическую роль города в Чагатайском улусе и его упадок в XIV в.[16]

Другим значительным городом в бассейне р. Или являлся город Алмату (Алматы), расположенный на

---

[13] **Бартольд В. В.** Кульджа. Соч., т. III, с. 470.

[14] **Пантусов Н. Н.** Фергана по «Запискам» Султана Бабура. — ЗИРГО, т. VI, Спб., 1880, с. 179.

[15] Та'рих-и Рашиди, л. 121а; **Бартольд В. В.** Отчет о поездке..., с. 80.

[16] **Пантусов Н. Н.** Город Алмалык и мазар Тоглук-Тимур-хана. Кауфманский сборник. М., 1910; **Тизенгаузен В.** Кульджинская монетная находка. — ЗВОРАО, т. 1, 1886. Спб., 1887; **Бартольд В. В.** О христианстве в Туркестане в домонгольский период. Соч., т. III, с. 175; **Он же.** Отчет о поездке..., с. 80, 81; **Коковцев П.** Христианско-сирийские надгробные надписи из Алмалыка. — ЗВОРАО, т. XVI, 1904—1905. Спб., 1906, с. 190—200 и др.

месте современной Алма-Аты у подножья Заилийского Алатау [17]. Он существовал наряду с Алмалыком, что зафиксировано, в частности, в сочинении Захир ад-Дина Бабура: «На восток от нее [Ферганской области] находится Кашгар... что же касается севера, то хотя прежде с этой стороны и существовали города, как, например, Алмалык, Алмату и Янги, название которого пишут в книгах Тараз, однако в наши времена они разрушены монголами и узбеками, так что не осталось там никакой оседлости» [18]. В. В. Бартольд предполагает, что этот город упоминается путешественниками и историками, писавшими до Бабура, под другими названиями [19]. Мухаммад Хайдар относит название Алмату к одному «из известнейших мест в Могулистане» (در الماتو که از مواضع مشهور مغولستان است).

В. В. Бартольд переводит موضع (мн. ч. مواضع) словом *урочище*, но основное значение его *место*, *местность*, а также *населенный пункт*, *поселение*. Поэтому есть основание считать موضع الماتو Мухаммад Хайдара за поселение, оставшееся на месте прежнего города Алмату, о разрушении которого говорит Бабур. Городом уже не называет его и Шараф ад-Дин Али Йазди.

Нет упоминаний в источниках, описывающих события второй половины XIV—XV вв. в Юго-Восточном

---

[17] **Валиханов Ч. Ч.** Собр. соч., т. I. Алма-Ата, 1961, с. 399, 696; **Городецкий В. Д.** Остатки древнего поселения к югу от города Алма-Аты (бывш. Верный). — В кн.: Икд ал-Джуман. В. В. Бартольду — туркестанские друзья, ученики и почитатели. Ташкент, 1927, с. 23; **Макшеев А.** Карта Джунгарии, составленная Ренатом в 1716—1733 гг.— ЗИРГО, т. XI. Спб., 1881, с. 606 (на карте Рената — Almatu); **Койчубаев Е. К.** Казахские географические названия с формантами *ты* и *сы*. — В кн.: Топонимика Востока. Исследования и материалы. М., 1969, с. 143, 144.

[18] **Захир ад-Дин Бабур.** Бабур-наме. Перев. М. Салье. Ташкент, 1960, с. 11 (в этом переводе ошибочно дано *Отрар* вместо *Тараз*). Правильно переведено у Н. Н. Пантусова (Фергана по «Запискам» Султана Бабура. — ЗИРГО, 1880, т. IV, с. 160). См. также: **Хасанов Х. Х.** Отрар или Тараз? — В кн.: Топонимика Востока..., 1969, с. 161—162.

[19] **Бартольд В. В.** К вопросу об археологических исследованиях..., с. 106.

Казахстане, о Койлыке и Эквиусе, известных городах Семиречья X—XII вв.[20] Последний В. В. Бартольд и А. Н. Бернштам отождествляли с Илибалыком, но нет данных, указывающих на существование и этого города в долине Или в XIV—XV вв. Указывается в источнике, что Вайс-хан в 20-х гг. XV в. в период борьбы с ойратами перенес свою ставку в Илибалык, очевидно, в район древнего города, к рубежу XIV—XV в. уже не существовавшего: в известиях, собранных Е. Бретшнейдером из китайских сочинений, говорится, что в области Илибалыка (по кит. *Илибали*) «нет ни городов, ни строений, все жители ее — кочевники» [21]. Это подтверждается и тимуридскими сочинениями — ни одно из них не говорит об этом городе, так же как не говорит о нем и Мирза Хайдар, посвятивший многие страницы Вайсхану. Вполне вероятно, что, как и другие города, Илибалык прекратил свое существование задолго до XIV в. Местоположение Илибалыка, как и отождествление Койлыка и Эквиуса с остатками городищ, вызывает разногласия среди исследователей [22].

Таким образом, от городской и оседло-земледельческой жизни Северо-Восточного Семиречья (Илийский бассейн и район к северу и северо-востоку от Или) ко времени образования Могулистана не осталось никаких следов. Ни один из письменных источников, сообщающих о событиях этого времени на территории Юго-Восточного Казахстана, особенно о маршрутах походов Тимура и Тимуридов, содержащих большое число то-

---

[20] **Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г.** Средневековый город Средней Азии. Л., 1973, с. 205—210. У Рашид ад-Дина Койлык (Каялыг, Киялык) в XIII в. упоминается скорее как местность, чем как город. **Рашид ад-Дин.** Сборник летописей.

[21] **Bretschneider E.** Mediaeval Researches from the Eastern Asiatic sources... London, 1910, v. II, p. 241, 242; **Бартольд В. В.** Очерк истории Семиречья, с. 86; **Он же.** Отчет о поездке..., с. 85, 86.

[22] **Ерзакович Л. Б.** Караванные пути юга Казахстана в XIII—XVIII вв. — «Известия АН КазССР», 1969, № 2, с. 81, 82; **Байпаков К. М.** Города и поселения Семиречья. — «Известия АН КазССР», 1966, вып. 2, с. 82; **Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г.** Средневековый город Средней Азии, с. 205—210.

понимов, не называет на этой территории никаких городов и оседлых поселений.

Более оживленно в XIV—XV вв. выглядит, по письменным известиям, упомянутым выше нумизматическим данным и археологическим материалам, Юго-Западная часть Семиречья, хотя и здесь упадок хозяйства был значительным. Уже приводилось свидетельство археологов о состоянии городской жизни в XIII—XIV вв. в долинах Чу и Таласа. Мухаммад Хайдар, посвятивший немало строк исчезновению городов на территории Могулистана, пишет, что на его огромных просторах не сохранилось ни одного сколько-нибудь значительного города или селения, что все сведения о ранее существовавших здесь городах можно было получить в его время только из книг или преданий, а местоположение того или иного древнего города уже было неизвестно. «В Могулистане есть много других городов, от прекрасных построек которых остались только следы... подобные развалины можно найти по всему Могулистану, но никто в настоящее время не знает даже их названия»; о крупнейшем древнем городе на берегах Чу Баласагуне он пишет, что «теперь неизвестно даже место, к которому [можно было бы отнести] название Баласагун, неизвестно, где развалины его. Не слышно также о местности (*моуза'*), [к которой относится] название Гобалык» [23]. По мнению В. В. Бартольда, основанному на словах Мухаммад Хайдара о происхождении из этого города некоего имама Мухаммад Факиха Баласагунского, умершего в 1312 г., Баласагун был еще известен в начале XIV в., но разрушился окончательно, очевидно, вскоре вместе с другими городами в период междоусобных войн [24]. Однако это мнение опровергается данными археологических исследований: «Во всяком случае обследование Чуйских городищ монгольского времени показало, что ни одно из них невозможно счи-

---

[23] Та'рих-и Рашиди, с. 124б; **Бартольд В. В.** Отчет о поездке..., с. 56.

[24] **Бартольд В. В.** Отчет о поездке..., с. 55; **Он же.** Баласагун. Соч., т. III, с. 355—357.

тать Баласагуном, если предполагать его существование в XIII—XIV вв. Все это небольшие городища, культурные слои которых не соответствуют остаткам крупного городского центра, каким был Баласагун в средневековье» [25].

Неоднократно упоминается в источниках, описывающих события рассматриваемого времени, Янги-Тараз, но, скорее, не как город, а как местность, место, вилайет (ولايت, но не شهر): «Тараз, который иначе называется Йанги»; «Йанги, который в исторических книгах называется Тараз» [26]; «вилайет Йанги», где могульское войско оставило свои обозы, отправившись в начале XV в. на осаду гор. Сайрама [27]; «Моуза'-йи Йанги-Тараз» — в 1425 г. во время похода Улугбека [28]. Ал-Омари, живший в первой половине XIV в., поясняет, что название Йанги относится к четырем городам: «Йанги — это четыре города. Между каждым из них и другим один фарсах, каждый город имеет свое название. Один Йанги, другой Йанги-Балык, третий Кенджек, последний Тараз» [29]. Это сообщение арабского географа относится, конечно, к более раннему периоду — к XIII в., так как название Йанги (*Новый*) появляется, по Мухаммад Хайдару, при монголах [30]. Постепенное затухание жизни в этом городе относится к XV в.: при Улугбеке здесь были расквартированы тимуридские войска и собирался тагар с его населения, но писавшие об этих событиях Мирхонд и Самарканди не называют Йанги (или Йанги-Тараз) городом. Выше приводились слова Бабура (начало XVI в.) о том, что Тараз, как и другие города Юго-Восточного Казахстана, разрушен и там «не осталось ни-

---

[25] **Ерзакович Л. Б.** О позднесредневековом городище Аспара, с. 95.

[26] **Та'рих-и Рашиди**, л. 38а, 45б.

[27] **Самарканди.** Матла'ас-са'дайн, с. 202.

[28] Раузат ас-сафа, т. VI. Перс. текст в приложении: **Бартольд В. В.** Соч., т. II, ч. 2, с. 182.

[29] **Волин С. Л.** Сведения арабских источников..., с. 91.

[30] **Бартольд В. В.** Отчет о поездке..., с. 35, 36; **Он же.** Тараз. Соч., т. III, с. 495, 496; **Он же.** История Туркестана. Соч., т. II, ч. 1, с. 153.

какой оседлости». Мухаммад Хайдар, писавший несколько позднее Бабура, повторил его слова: «Йанги, название которого в исторических книгах пишут Тараз» и дополнил их пояснением, показывающим, что в XVI в. уже нельзя было определить точно, где находился Тараз: «... могулы называют Тараз Йанги, расположен он в Могулистане. Жителей этого города называют йангилыками... В степях, которые они называют этим именем, было несколько городов; остались от них следы и приметы куполов, минаретов, ханака и медресе, но неясно, какая из этих развалин был Йанги и как назывались другие города» [31]. Таким образом, и этот крупнейший древний город Юго-Восточного Казахстана из-за феодальных междоусобиц ненадолго пережил XV в.

Упадок городской и оседло-земледельческой культуры отмечался и в более южных районах, к югу от р. Чу и на побережье Иссык-Куля. Мухаммад Хайдар пишет, что к началу XV в., когда Кашгар отошел «под власть самаркандского дивана», другая часть дуглатских владений, а именно «территория (пределы) Иссык-Куля из-за превратностей, выпавших на ее долю [т. е. из-за войн и междоусобиц], лежала в развалинах» [32].

Таким образом, к рубежу XIV—XV вв. Юго-Восточный Казахстан лишился почти полностью своей древней городской культуры. Отсутствие политического единства местного населения, прочной централизованной власти, условия резкой феодальной раздробленности надолго отодвинули восстановление утраченной городской и оседло-земледельческой культуры. Известный вывод советского археолога С. П. Толстова о доминировании социально-исторических факторов в запустении древней земледельческой и городской культуры Хорезма [33] вполне подтверждается и историческими

---

[31] Та'рих-и Рашиди, л. 124а. Археологическому исследованию г. Тараза посвящена работа Т. И. Сениговой «Средневековый Тараз». Алма-Ата, 1972.

[32] Та'рих-и Рашиди, л. 43б.

[33] **Толстов С. П.** Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования. М., 1948, с. 52, 53.

судьбами Юго-Восточного Казахстана, как и Южного, многочисленные города которого в результате длительных феодальных усобиц, войн Шайбанидов, Аштарханидов, казахских ханов, а также джунгарских набегов к XVII—XVIII вв. фактически сошли на нет [34]. Именно социально-исторические факторы, выразившиеся в нашествии монгольских завоевателей в начале XIII в., в жесточайшей феодальной междоусобице в Чагатаидском государстве во второй половине XIII — первой половине XIV в.[35], а также в последующих набегах Тимура и Тимуридов, а затем и набегах ойратов, привели к исчезновению городской культуры, запустению земледельческих оазисов Юго-Восточного Казахстана и превратили его на долгие годы в район преимущественно кочевого и полукочевого скотоводства. Игнорируя экономические, политические и социальные причины исчезновения городской и оседло-земледельческой культуры в ряде районов Центральной Азии в средние века, буржуазные исследователи объясняют его лишь изменениями климатических условий (Э. Хантингтон, А. Тойнби [36] и др.). Пример Юго-Восточного Казахстана XIII—XIV вв. еще раз показывает несостоятельность такого объяснения.

По материалам исторических сочинений современников можно составить конкретное представление о характере хозяйственной деятельности населения Юго-Восточного Казахстана второй половины XIV—XV вв.

Трудовое население занималось скотоводством и земледелием. Шараф ад-Дин Али Йазди говорит, что образ жизни его преимущественно полукочевой и коче-

---

[34] **Пищулина К. А.** Присырдарьинские города и их значение в истории казахских ханств в XV—XVII веках. — В кн.: Казахстан в XV—XVIII вв. (Вопросы социально-политической истории). Алма-Ата, 1969, с. 48, 49.

[35] **Рашид ад-дин.** Сборник летописей, т. II, с. 98, 140, 141, 164 и др.

[36] Положения и доводы А. Тойнби разобрал и дал убедительное обоснование их несостоятельности И. Я. Златкин в статье «Концепции истории кочевых народов А. Тойнби и историческая действительность» (Современная историография стран зарубежного Востока. Проблемы социально-политического развития. М., 1971, с. 131—193).

вой. «Было решено, что войска... прочешут все земли и степи той страны, которые являются местом кочевания и обитания племен джете (محل حرکت وسکون قوم جتہ)» [37]. О животноводстве как основном занятии населения жителей Юго-Восточного Казахстана в этот период свидетельствуют многочисленные данные источников. Как правило, в перечне добычи называются овцы, лошади, мулы, верблюды. Военная добыча (*талан, улджа, ганайем, ганимат* и др.) была одной из основных целей набегов соседей на территорию Юго-Восточного Казахстана. Чаще авторы тимуридских хроник пишут о составе награбленного кратко: «мал ва минал ва чахарпайан» [38] (*имущество, всякое добро и скот*) — с добавлением многих эпитетов, свидетельствующих о немалых размерах добычи (бесчисленный — بی شمار; многочисленный — بسیار، فراوان). Иногда же приводятся более подробные характеристики захваченной добычи, позволяющие судить о характере хозяйственных занятий населения этого района Казахстана, о составе стада: «Захвачены бесчисленные отары овец» (گلهای گوسفند بی شمار); у феодального владетеля Енге-Тора было захвачено «много лошадей, верблюдов и мулов» (اسپ اشتر ودواب); лошади и овцы вместе с многочисленными пленниками доставлены Тимуру в виде пишкеша Джахангиром; «разграбили все имущество и скот и угнали табуны лошадей и отары овец» (گلهای اسپ و گوسفند)[39]; вражеские отряды захватили у реки Или принадлежавший могулам «разный скот и имущество» [40]; разграбив могульские обозы и семьи, оставленные в вилайете Йанги-Тараз ушедшим на Сайрам могульским войском, тимуридские воины «перевернули вверх дном кибитки (*ханеха*), захватили огромную добычу и при-

---

[37] **Йазди.** Зафар-наме, л. 118а.

[38] **Шами.** Зафар-наме, с. 69, 116 и др.; **Йазди.** Зафар-наме, л. 63б, 72а и др.; **Мирхонд.** Раузат ас-сафа, т. VI, с. 65.

[39] **Шами.** Зафар-наме, с. 70, 114, 115; **Йазди.** Зафар-наме, л. 63б, 117б; Та'рих-и Рашиди, л. 28а.

[40] Та'рих-и Рашиди, л. 27б; Раузат ас-сафа, т. VI, с. 35.

вели шесть тысяч лошадей»[41]. Такого рода сообщения авторов тимуридских хроник сопровождают почти каждое известие о набеге мавераннахрских войск. Весьма подробный перечень военной добычи, доставшейся в «безграничном и неисчислимом количестве» тимуридскому войску в 1425 г., приводит Мирхонд: мелкий скот (*агнам*), т. е. бараны и козы, стада крупного рогатого скота (*сава'им*); верховые животные (*давваб* — دواب, мн. ч. от *даббе* دابه), т. е. кони, мулы и верблюды; прочий скот (*ан'ам*)[42]. Подобных примеров много. Все они говорят о скотоводческом направлении хозяйства населения Юго-Восточного Казахстана того времени, главными отраслями которого были преимущественно овцеводство и коневодство, хотя разводились и другие виды скота. О масштабах развития овцеводства свидетельствует Мухаммад Хайдар, сообщавший о том, что улусбек эмир Сайид Али дуглат оставил своим трем сыновьям до 500 тыс. овец.

Скотоводство носило в основном полукочевой (яйлажный) характер. Источники сообщают, что при появлении тимуридских отрядов местное население могло легко сняться с места и уйти в глубь страны (باقصای مغولستان) или укрыться в труднодоступном месте. Часто откочевывал только *агрук*, невоинский состав племени (женщины, дети, старики и сопровождающие их лица) со всем имуществом, обозами (*бонеха*) и скотом, а вооруженный мужской состав племени, составлявший феодально-племенное ополчение вождя племени (эмира или бека), задерживал наступление противника и принимал на себя его удар.

Так, например, сообщая о нападении войск Улугбека на Шир-Мухаммад-хана, Мирхонд пишет, что гурты овец (*галла*), табуны лошадей (*рама*), обозы (*бонеха*) со скарбом (*аскал*), грузами (*ахмал*) и различным имуществом (*амвал*) вместе с семьей, слугами и прочей челядью (*куч ва хашам*) — все это было переправлено в безопасное место[43], а сам хан вступил с

---

[41] Матла'ас-са'дайн, с. 203.
[42] **Раузат-ас-сафа.** Приложение перс. текста, т. II, ч. 2, 182.
[43] Там же, с. 190.

оставшимся при нем войском в сражение с Тимуридами.

В источниках нет сведений о сезонных перекочевках и их маршрутах, но общее представление об этом можно получить по косвенным данным, которые говорят, что перекочевки носили примерно такой же характер, как и в последующие века: с регулярной сменой сезонных пастбищ, от зимовий в предгорьях или в камышовых плавнях рек и прибрежьях Балхаша и от весенних пастбищ в степях до летних джайляу в горах и предгорьях юго-восточных горных цепей [44]. В силу географических особенностей края для скотоводческих хозяйств Семиречья был характерен короткий радиус кочевания и более интенсивный по сравнению с кочевниками других территорий Казахстана характер использования земельных угодий. Преобладал полукочевой тип скотоводческого хозяйства с полуоседлым богарным земледелием. В источниках названы несколько джайляу, где неоднократно заставали или искали Тимуриды могулов (походы предпринимались в основном в весенне-летние месяцы). Такими джайляу были долины Текеса и Кунгеса, ценившиеся кочевниками за превосходные пастбища. Здесь находились «наилучшие пастбища той страны» — Йулдуз (Большой — Улуг и Малый — Кичик) [45]; «Исан-Буга-хан ушел в это время на Йулдуз Могулистанский, который лежит на восточной границе [Могулистана], на летние пастбища (*йайлак*)» [46]. Большой

---

[44] История Казахской ССР, т. I. Алма-Ата, 1957, с. 152; **Ахмедов Б. А.** Государство кочевых узбеков, с. 89; **Аболин Р. И.** Основы естественно-исторического районирования Советской Средней Азии. — «Труды САГУ, серия 12, География». Ташкент, 1929, вып. 2; **Он же.** От пустынных степей Прибалхашья до снежных вершин Хан-Тенгри. — «Труды Ин-та почвоведения и геоботаники САГУ, казахстанская серия». Л., 1930, вып. 5; **Краснов А. Н.** Очерк быта Семиреченских киргизов. — «Известия РГО», 1887, т. 23, с. 439, 444—446; **Никольский А. М.** Путешествие на озеро Балхаш и в Семиреченскую область. — «Зап. Зап.-Сиб. отд. ИРГО». Омск, 1885, кн. VII, вып. 1, с. 16—26.

[45] **Бартольд В. В.** Или. Соч., т. III. М., 1965, с. 433; Матла'ас-са'дайн, с. 480, 550; **Шами.** Зафар-наме, с. 117; **Раузат ас-сафа,** т. VI, с. 66.

[46] Та'рих-и Рашиди, л. 48б.

известностью пользовались пастбища (*алафхвар*) равнины Абиш (между Чарыном и Чиликом), «которая была с давних пор местом пребывания ханов Джете и местом отдыха их войск» [47]. Упоминаются летовки (*йайлак*) и зимовки (*кишлак*) на берегах Иссык-Куля и в других местах.

Скотоводство давало населению основные продукты питания — мясо, молоко, жиры, кумыс (в «Та'рихи Рашиди» имеется превосходное описание праздника — (*тоя*) по поводу появления первого кумыса, отмечавшегося «по старому обычаю и закону могулов» Хизр-Ходжа-ханом и знатью в начале весны 1405 г. в «известной в Могулистане местности Кок-тобе» [48]), а также сырье для изготовления одежды, обуви, жилья, различной домашней утвари. В письменных источниках имеются сведения об изделиях, изготовленных из шерсти и кожи. Например, упоминаются великолепно изготовленные непромокаемые шерстяные плащи и попоны (*намадха*), предохранившие в битве 1365 г. от ливня могульских воинов, их вооружение и коней, что помогло им одержать верх над тимуридским войском [49]. О домашних промыслах по изготовлению одежды из шерсти есть сведения в «Та'рих-и Рашиди» [50]. Скотоводство давало и основные средства передвижения, в частности лошадей для войска, которое полностью формировалось из конного состава.

Подсобной отраслью хозяйственной деятельности могулов, как и других кочевых народов [51], являлась охота. В источниках не раз встречается описание массовой облавной охоты, предпринимавшейся ханами или крупной знатью отчасти для забавы или обучения военным навыкам, а иногда и по экономической необходимости (есть рассказы об охоте, устроенной Тоглук-Тимур-ханом, Вайс-ханом, улусбеком Худайдад дуг-

---

[47] Раузат ас-сафа. Приложение перс. текста..., с. 186, 187.
[48] Та'рих-и Рашиди, л. 33б.
[49] **Йазди.** Зафар-наме, л. 26а.
[50] Та'рих-и Рашиди, л. 40а.
[51] **Викторова Л. Л.** Становление классового общества у древнемонгольских кочевников. — В кн.: Проблемы истории докапиталистических обществ. М., 1968, с. 554.

латом и др.), однако об охотничьем промысле рядовых кочевников, служившем всегда дополнительным источником мяса, шкур, меха, имеющиеся источники, к сожалению, не сообщают.

Значительный научный интерес представляет вопрос о земледельческих занятиях населения Юго-Восточного Казахстана XIV—XV вв. В незначительных размерах земледелие сохранялось в большей степени на юго-западе, в долинах Чу и Таласа (как самостоятельное занятие), в меньшей — на северо-востоке (как дополнительное занятие скотоводов). Археологи отмечают следы оседло-земледельческой жизни в Таразе, Садыр-Кургане, Аспаре и других городищах и после XV в.[52] Что касается сообщений письменных источников, то они противоречивы. Шараф ад-Дин Али Йазди, а также Мухаммад Хайдар отмечают, что в самом начале XV в. «территория между Китаем и Мавераннахром [т. е. Могулистан и Восточный Туркестан] мало заселена и неблагоустроенна». Скорее всего, это наблюдение фиксирует состояние разрухи, вызванной завоевательными походами Тимура, в результате которых значительно сократилась численность населения. Понятно, что это еще более усугубило тяжелое предшествующее состояние хозяйства монгольского периода.

Тем не менее о наличии земледелия в крае говорят некоторые прямые и косвенные данные. Тимур перед походом в Китай шлет могулистанскому хану Хизр-Ходже повеление «приложить усилия к [развитию] земледелия (зара'ат) и подготовить для [его] армии продовольствие» [53]. У местного населения должны были сохраняться и поддерживаться навыки в обработке земли, выращивании продовольственных и фуражных культур, иначе невозможно было бы выполнить это распоряжение, как и другие [54].

[52] **Бернштам А. Н.** Памятники старины Таласской долины. Алма-Ата, 1941, с. 65; **Ерзакович Л. Б.** О позднесредневековом городище Аспара, с. 96; **Он же.** Некоторые черты оседлой культуры..., с. 102, 103; **Сенигова Т. Н.** Средневековый Тараз. Алма-Ата, 1972, с. 169 и др.

[53] Та'рих-и Рашиди, л. 33б.

[54] **Шами.** Зафар-наме, с. 170 (разночтения по Хафиз-и Абру); **Ибн Арабшах.** Аджаиб ал-Макдур фи ахбар-и Тимур (в ст. С. Волина «Сведения арабских источников...», с. 91).

Сведения о культурах, которые выращивали в то время, очень скудны. Это касается не только Семиречья, но и оседло-земледельческих районов Туркестана (Присырдарьи) и Мавераннахра; чаще всего зерновые культуры называются в источниках одним словом — «зерно» (*галле*). Тем ценнее те немногочисленные данные, которые касаются непосредственно территории Юго-Восточного Казахстана. Во время похода 1389 г. Тимур где-то в районе Или выделил пяти своим эмирам владения (юрт) и повелел им заниматься там земледелием и благоустройством. «В соответствии с приказом они остались там и занялись благоустройством и земледелием (*амарат ва зара'ат*)» [55]. В «Зубдат ат-таварих» Хафиз-и Абру есть дополнительные сведения об этом факте, указываются конкретные причины предпринятых Тимуром шагов по развитию земледелия, названы и зерновые культуры: просо (*арзан*) и джугара (или кукуруза — *зоррат*) [56]. Далее сообщается, что эмиры, «оставленные для занятия земледелием», окончив свое дело, присоединились к Тимуру. Трудно предположить, что тимуридские наместники в Могулистане могли в короткие сроки решить столь сложную продовольственную и хозяйственную задачу, имея перед собой «чистых» кочевников. Этот факт интересен потому, что свидетельствует о сохранении многовековой местной традиции выращивания названных культур. Земледелием продолжало заниматься по традиции местное полукочевое и кочевое население, использовавшее для посевов зерновых культур места около зимовок, как это было и в других районах Казахстана. Как доказано советскими учеными, существования «чистых» кочевников-скотоводов, не связанных с земледелием, история не подтверждает. Население Семиречья издревле знало земледелие, выращивало необходимые для собственного потребления и сбыта продукты земледелия, о чем для предшествующего, домонгольского времени сведения многочисленны. В то время, когда земледельческие оазисы в Юго-Восточном Казахстане еще не

---

[55] **Шами.** Зафар-наме, с. 116.

[56] **Хафиз-и Абру.** Зубдат ат-таварих. Изд. Шами, т. II, с. 73.

пришли в запустение, долина р. Или, пишет В. В. Бартольд, основываясь на письменных и археологических источниках, славилась выращиванием пшеницы. Здесь возделывались «все пять родов хлеба» [57]. И хотя в рассматриваемый период из-за указанных выше социально-исторических факторов скотоводство стало в Юго-Восточном Казахстане преобладающим занятием населения, частично сохранилось и земледелие, в том числе выращивались и зерновые культуры. Описывая охоту, устроенную улусбеком эмиром Худайдадтом дугла, Мухаммад Хайдар сообщает, что всем участникам охоты эмир выдавал содержание в виде пшеничной муки (*ард*), мяса (*гушт*), а также фураж для коней — ячмень (*алик*). В охоте, продолжавшейся почти три месяца каждую зиму, у него участвовало до трех тысяч человек [58]. Вполне очевидно, что не вся мука и ячмень, необходимые улусбеку, поступали из оседлых районов Кашгарии — какая-то часть поставлялась и подвластным ему могулистанским населением.

Вместе с земледелием на юго-западе Семиречья первое время сохранялась в некоторой степени и городская жизнь. В этом сказались более древние и более устойчивые традиции оседло-земледельческой и городской жизни на этой территории Казахстана. В конце XIII — первой половине XIV в. еще оставался центром земледельческого округа гор. Тараз. Археологи отмечают некоторое оживление экономической жизни в юго-восточной части Таразского округа, где функционировало несколько небольших городов (Шельджи и др.) [59], что способствовало поддержанию и земледельческого хозяйства.

Несколько особняком стоит вопрос о крепостных и мемориальных сооружениях того времени, представляющий интерес как в плане изучения истории производительных сил и материальной культуры, так и с точки зрения военной истории и распространения ислама. По свидетельству письменных источников, с которыми

---

[57] **Бартольд В. В.** Отчет о поездке... Соч., т. IV, с. 84.

[58] Та'рих-и Рашиди, л. 44б.

[59] **Сенигова Т. Н.** Средневековый Тараз, с. 20, 191, 192, 201, 215.

вполне согласуются данные археологических исследований, в XIII—XIV вв. были осуществлены некоторые строительные работы в Таразе и его округе (в основном культовые здания в связи с утверждением ислама в этих районах). В конце XIV — начале XV в. Тимур возвел крепости в захваченных им Ашпаре, Йанги (Таразе), в гор. Иссык-Куле и в некоторых других местах [60]. Позднее, сообщает Мухаммад Хайдар, было начато строительство небольших крепостей в Алабуге, на Атбаши, в местности Кой-Суй на Иссык-Куле и в других местах могульской феодальной знатью, стремившейся в период усиления феодальной раздробленности в Могулистане укрепить свою самостоятельность различными мерами, в том числе и строительством крепостей.

Наиболее значительными архитектурными памятниками были мавзолей Тоглук-Тимур-хана, возведенный рядом с Алмалыком в 60-х гг. XIV в., мавзолей Тик-Турмас в Таласской долине, гумбез Манаса (XIV в.) и др.[61] В начале XV в. могулистанский хан Мухаммад соорудил на северном берегу озера Чатыркуль караван-сарай (*рабат*), от которого, по Мухаммад Хайдару, и получил свое название перевал Таш-рабат. Он служил, очевидно, убежищем для проходящих караванов [62]. Однако отдельные факты строительства в XV в. не дают основания говорить о стабилизации состояния городской жизни на рубеже XIII—XIV столетий в Западном Семиречье на время существования здесь государства Могулистан (во второй половине XIV — первой половине XV в.). Даже археологический материал крупнейшего в прошлом города юго-запада

---

[60] Там же, с. 191, 198, 200; **Ибн Арабшах.** Аджаиб ал-Макдур фи ахбар-и Тимур (**Волин С.** Указ. ст., с. 91); **Бартольд В. В.** Отчет о поездке.., с. 75, 76; **Ерзакович Л. Б.** О позднесредневековом городище Аспара, с. 92, 95, 96.

[61] **Бартольд В. В.** Отчет о поездке.., с. 80, 81; **Пантусов Н. И.** Город Алмалык и мазар Тоглук-Тимур-хана. Кауфманский сборник. М., 1910, с. 130; **Альхамова З. А., Давидович Е. А., Литвинский Б. А., Массон М. Е.** Историко-археологическое изучение мавзолея Юнус-хана в Ташкенте. — «Труды САГУ, Нов. серия, вып. 61; «Гуманитарные науки», кн. 6. Ташкент, 1953, с. 173—179.

[62] Та'рих-и Рашиди, л. 35б; **Бернштам А. Н.** Архитектурные памятники Киргизии. М., 1950, с. 100—103.

края, Тараза, для XV и XVI вв. крайне «незначителен и невыразителен» [63]. Некоторое оживление городской жизни и ремесленного производства второй половины XIII — первой половины XIV в. сменилось, таким образом, упадком в последующий период.

Переломные процессы в хозяйственной жизни района не могли не отразиться на характере и интенсивности торговых связей местного населения. С постепенным затуханием городской жизни, ремесла, сокращением земледельческого производства сошли на нет возможности для торговли внутри региона, изменился характер и направление внешней торговли. В предшествующий период, в домонгольское время, когда в Юго-Восточном Казахстане, особенно в юго-западной части края, была развита городская жизнь, население этого района поддерживало торговые отношения не только со Средней Азией и Китаем через знаменитый торговый «шелковый» путь, но и с другими районами самого Казахстана. Степные районы Казахстана получали из Семиречья, как и из Южного Казахстана, предметы ремесленного производства и продукцию земледелия. Археологические материалы Тараза, относящиеся к домонгольскому времени (и в меньшей степени к XIII — началу XIV в.), свидетельствуют о значительном развитии ремесленного производства [64], продукция которого шла на обмен в степные районы, окрестные Таразу, и на внутрирегионный обмен. Предметы гончарного производства, металлическая домашняя утварь, деревянные изделия, оружие, конская сбруя, украшения из бронзы, драгоценных металлов, зеркала, бусы и т. д.— все это находило спрос у кочевого населения и производилось местными ремесленниками. Можно сказать, что в то время существовала достаточно стабильная общеказахстанская торговля, основанная на разделении труда и обмене продуктами хозяйственной деятельности городских ремесленников и земледельцев Юга и Юго-Востока Казахстана с кочевым и полукочевым населением остальных районов (кип-

[63] **Сенигова Т. И.** Средневековый Тараз, с. 201.
[64] Там же, с. 192—197.

чакской степью). Поддерживались торговые связи и с соседними районами Средней Азии, откуда поступали ткани и готовые изделия (халаты, обувь, шали, медная посуда, украшения и т. д.).

Торговля со Средней Азией сохранилась и в период после монгольского завоевания, но она имела уже иной характер — в основном стала служить обслуживанию центров монгольских улусов. Для XIII—XIV вв. Рубрук, Плано Карпини отмечают важное значение торгового пути через Семиречье (Илийскую долину) в направлении к северо-востоку Семиречья и далее на Алтай и в Монголию. По этому пути шли торговые и дипломатические караваны к монгольским правителям и обратно, значительным был объем транзитной торговли через Семиречье. Вместе с тем в Семиречье постепенно, с упадком в нем городской жизни и земледельческого хозяйства, почти совершенно замирает внутренняя торговля, прерывается движение ремесленной продукции и зерна в сторону степных районов Казахстана. Собственные потребности населения Семиречья в ремесленных изделиях и зерне также все более перестают удовлетворяться за счет внутреннего производства.

Не втягивание завоеванных областей в международный культурный обмен, как это полагал В. В. Бартольд, а разрыв сложившихся связей принесло монгольское иго. Превращение Семиречья в район кочевого и полукочевого скотоводства в результате длительного монгольского господства ликвидировало торговые связи этого района со степными районами Казахстана и внутреннюю торговлю. Торговли скотом и продуктами животноводства между этими районами (и внутри региона Семиречья), естественно, быть не могло вследствие однотипности структуры скотоводческого хозяйства.

В то же время в результате подчинения при монголах экономики района специфическим запросам кочевого и полукочевого скотоводческого хозяйства возрастала необходимость расширения торгового обмена населения Семиречья с земледельческими и городскими оазисами Средней Азии и Юга Казахстана, включая присырдарьинские города, где в XIV—XV вв., в период Ак-Орды, наблюдалось заметное оживление поли-

тической и хозяйственной жизни. Несмотря на некоторое развитие земледелия и домашних промыслов, не все потребности кочевого и полукочевого населения могли быть удовлетворены в рамках натурального скотоводческого хозяйства. Имевшаяся потребность полукочевого и кочевого населения в дополнительных источниках хлеба и других земледельческих продуктов (в муке, фуражном зерне, сухофруктах и пр.), с одной стороны, и спрос оседло-земледельческого населения соседних оазисов на продукцию скотоводческого хозяйства — с другой, создавали объективные условия для развития торговых отношений. Феодальные усобицы в Могулистане, безусловно, затрудняли экономические связи, которые тем не менее развивались.

Таким образом, Семиречье, будучи в предшествующий период районом комплексного хозяйства, в котором кроме скотоводства были развиты земледелие и ремесло, в силу самого разноотраслевого характера комплексного хозяйства являлось районом, поставлявшим соседним скотоводческим племенам Казахстана какую-то часть продукции ремесленного и земледельческого производства. К концу XIV—XV в., превратившись в регион преимущественно кочевого и полукочевого скотоводства, Семиречье само стало районом ввоза изделий ремесла и продуктов земледелия и вывоза продукции скотоводческого хозяйства. Письменные источники не дают подробных данных, характеризующих торговые связи Юго-Восточного Казахстана в период существования государства Могулистан, хотя имеются упоминания о проезде купцов [65], но косвенные данные свидетельствуют о некотором их развитии. Междоусобные феодальные войны велись не только из политических, но и из экономических соображений: помимо захвата имущества, скота, пастбищ феодалы стремились завоевать территории, выгодные для торговых связей с соседними областями, установить контроль над торговыми путями, что обеспечивало экономические выгоды через взимание торговых пошлин с караванов. Феодалы

---

[65] Матла'ас-са'дайн, с. 391; Материалы по истории киргизов и Киргизии, с. 164.

стремились построить, как показано выше, опорные пункты на территориях, выгодных в торговом отношении, особенно лежащих близ границы со Средней Азией и Южным Казахстаном. Торговые интересы сыграли немаловажную роль в активизации политики ханов Могулистана в районе Ферганы и Туркестана (Присырдарьи). В середине XV в. и особенно в последней трети XV в. могульские ханы принимали самое активное участие в борьбе Тимуридов, шайбанидских правителей узбеков и казахских ханов за обладание присырдарьинскими городами и в некоторой степени преуспели в этой борьбе. В период, когда не было войн, междоусобных конфликтов, набегов со стороны феодальных правителей соседних территорий, поддерживались мирные торговые связи населения Семиречья с Южным Казахстаном, Средней Азией и Восточным Туркестаном.

Конечно, возможности для развития торговли были ограничены: в силу натурального характера кочевого и полукочевого хозяйства основные продукты его у рядового скотовода — мелкого собственника и производителя — после уплаты податей феодалу шли на удовлетворение своих нужд. Но крупное кочевое скотоводческое хозяйство феодалов имело возможность стать товарным, что позволило бы поставлять на рынки соседних городов и оседло-земледельческих районов большое количество скота. Это отмечают исследователи кочевых обществ различных народов [66]. Однако в конкретных условиях Юго-Восточного Казахстана времени вхождения его в Могулистан, особенно в конце XIV — начале XV в., скотоводческое хозяйство края понесло настолько большой урон в период тимуридских войн и калмакских набегов, что, надо полагать, сократились и возможности для торгового обмена на рынках соседних городов.

---

[66] Киселев С. В., Евтюхова Л. А., Кызласов Л. Р., Мерперт Н. Я., Левашова В. П. Древнемонгольские города. М., 1965; История Монгольской Народной Республики. М., 1967, с. 146, 147; Ромодин В. А. Материалы сессии «Итоги и задачи генезиса изучения феодализма у народов СССР». — В кн.: Проблемы возникновения феодализма у народов СССР. М., 1969, с. 284.

В целом же тенденция развития торгового обмена, контактов поддерживалась самими объективными условиями: разнотипность хозяйственной жизни требовала обмена произведенной продукцией между земледельцами, нуждавшимися в продуктах животноводческого хозяйства, и скотоводами, нуждавшимися в изделиях оседло-земледельческого производства и ремесла (для населения Юго-Восточного Казахстана — не только с жителями Средней Азии, Кашгарии, но и главным образом с населением Южного Казахстана, т. е. с населением, входившим в ту же социально-этническую общность — формирующуюся казахскую народность). Конечно, в условиях феодального общества эти контакты были не всегда мирными, нередко выливались в феодальные войны и набеги.

Кроме того, росла тенденция постепенного восстановления традиционного земледельческого хозяйства у местного населения Семиречья, а вместе с тем и возможность восстановления обмена внутри края и с близлежащими степными районами, т. е. между казахским населением.

Феодальные отношения: характер землевладения и классы

Семиречье наряду с Южным Казахстаном является районом, где, как отмечают многие исследователи истории Казахстана, феодальные отношения возникли раньше и развивались быстрее, чем в других областях Казахстана. Этому способствовал более высокий уровень развития производительных сил, оседло-земледельческой и городской культуры в этих регионах Казахстана [67]. Большое положительное влияние оказывали на развитие края по пути феодализма экономические и политические контакты с оседло-

[67] **Еренов А.** Очерки по истории феодальных земельных отношений у казахов. Алма-Ата, 1961, с. 22; **Аполлова Н. Г.** Материалы сессии «Итоги и задачи изучения генезиса феодализма у народов СССР». — В кн.: Проблемы возникновения феодализма у народов СССР. М., 1969, с. 297.

земледельческими районами соседней Средней Азии и Кашгарии с их развитыми феодальными отношениями.

Нашествие монголов и последующие войны нарушили нормальное социально-экономическое развитие этой части Казахстана, как и других завоеванных монголами стран. Исследователи проблем феодализма кочевых народов отмечают, что в условиях преобладания полукочевого и кочевого скотоводческого хозяйства феодальные отношения развивались медленнее [68]. Основные причины этого — низкий уровень производительных сил, натуральный, экстенсивный характер кочевого и полукочевого скотоводческого хозяйства, почти не дававший возможности для расширенного воспроизводства. Понятно, что в конкретных условиях средневекового Юго-Восточного Казахстана времени после монгольского завоевания, в условиях разрушения городской и земледельческой культуры, усиления сектора кочевого скотоводческого хозяйства эти причины застойности феодальных отношений, замедленной эволюции феодализма еще более усугубились.

Несмотря на то, что сведения, характеризующие социальные отношения в имеющихся источниках немногочисленны, они все же позволяют утверждать, что Юго-Восточный Казахстан в XIV—XV вв. продолжал развиваться по пути феодализма, ставшего господствующей системой общественных отношений еще задолго до монгольского нашествия, хотя и сохранялись элементы патриархально-родового и рабовладельческого укладов, получившие после утверждения в XIII в. политического и социально-экономического господства менее развитых монгольских племен более прочную основу для консервации. Но в целом характер взаимоотношений родо-племенной, феодально-кочевой знати и рядовых кочевников, полукочевников и земледельцев в

---

[68] Проблемы возникновения феодализма у народов СССР. М., 1969, с. 181, 230, 232, 237, 238 и др.; Качановский Ю. В. Рабовладение, феодализм..., или азиатский способ производства. М., 1971, с. 230, 257—263.

системе экономического производства и распределения полученного продукта был, как увидим ниже, феодальным, так как они противостояли друг другу как феодальные классы — собственники земли и скота, с одной стороны, и лишенные фактического права распоряжаться землей, а часто лишенные и скота рядовые члены племени, с другой.

Имеющиеся материалы источников позволяют также видеть в основе производства и развития феодальных отношений у населения Юго-Восточного Казахстана собственность на землю (особенно характерную и очевидную для этого района Казахстана, где в предшествующий период имело место значительное развитие оседлого земледелия, господствовала удельная система феодальных земельных пожалований и где в некоторой степени земледелие сохранилось и в последующее время) при большом значении и частной собственности на скот (особенно в условиях усиления кочевого скотоводческого сектора хозяйства в крае в XIII—XIV вв.).

Социальный состав населения Могулистана отражал классовую структуру феодального общества.

Эксплуататорскую верхушку составляли феодалы самых различных категорий. Кочевые и полукочевые племена Казахстана и Киргизстана второй половины XIV—XV в. возглавлялись феодальной знатью, состоявшей из Чингизидов и тюркской и тюркизированной верхушки. Ханы, считавшиеся верховными собственниками всей земли, как это было характерно для многих стран Востока [69], султаны и огланы (т. е. неханствующие члены правящей династии; таковыми были, например, Шир-Мухаммад-оглан, Вайс-оглан, Хизр-Ходжа-оглан, Ильяс-Ходжа-оглан и др., после получения или захвата верховной власти в государстве строго именующиеся в источниках ханами) — все они вели свое происхождение от Тоглук-Тимур-хана, мнимого или действительно-

---

[69] **Еренов А.** Очерки по истории феодальных земельных отношений..., с. 53. **Петрушевский И. П.** Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII—XIV веков. М. — Л., 1960, с. 236; **Качановский Ю. В.** Рабовладение, феодализм..., с. 121—132.

го потомка Чагатай-хана. Они опирались на феодальную верхушку тех или иных племен или групп племен. Племена или племенные группы возглавляла феодально-кочевая аристократия (по терминологии персоязычных источников: *акабир ва ашраф*—знать и вельможи; *аркан-и доулат* — столпы государства; *ашраф ва айан* — благородные и знать, *хасс* — знатные привилегированные лица; *воджух ва айан-и могул* — могульская знать и аристократия [70]). Во главе феодально-племенной знати стоял эмир (*амир*), как чаще по среднеазиатской традиции называют авторы персоязычных сочинений предводителей тюркских племен [71], т. е. беков (*бегов*). Иногда в источниках встречается и этот тюркский термин *бек* (*бег*), что более точно отражало тюркскую терминологию социального состава Могулистана (это как раз один из примеров неточного применения привычных авторам среднеазиатского и иранского происхождения терминов для характеристики сходных социальных явлений другого народа). О том, что именно термин *бек* (*бег*) бытовал в тюркской среде Юго-Восточного Казахстана, свидетельствует, например, название должности важнейшего лица в административной феодальной иерархии Могулистана — улусного бека (*улусбеги*) [72], которую занимали предводители племени дуглат. Иногда авторы называют улусбека улусным эмиром или великим эмиром (амир ал-омара) [73], что надо признать скорее книжным привнесением персоязычных авторов в картину жизни тюркской среды Семиречья. Наименования других должностей государственного аппарата Могулистана — *ордабеги, тугбеги, учбеги* [74] и др. также говорят о распространении у местного населения Могулистана тюркского термина

---

[70] Раузат ас-сафа. Приложение перс. текста, с. 185, 190 и др.; Та'рих-и Рашиди, л. 8а, 33б, 34а.

[71] **Бартольд В. В.** Улугбек и его время, с. 35.

[72] Та'рих-и Рашиди, л. 35б и др.

[73] **Абд ар-Раззак Самарканди.** Матла'ас-са'дайн, с. 547; Му'ин ад-Дин Натанзи. Мунтахаб ат-таварих-и Му'ини, л. 248а.

[74] **Юдин В. П.** О родоплеменном составе могулов..., с. 58.

бек (*бег*) для обозначения определенной категории класса феодалов — вождя, владетеля племени, рода. Составные части имен представителей местной могульской знати, указывающие на их место в социальной или должностной иерархии, также подтверждают употребление в самой тюркской среде Юго-Восточного Казахстана термина *бек*: Мухаммад-бек, правитель улуса, Хаджи-бек аргенут [75] и др. Очень редко встречается употребление равнозначного персидско-арабскому *амир* и тюркскому *бек* монгольского термина *нойон* (Шангум-нойон, глава правого крыла могульского войска в битве 1365 г. и др.), что подтверждает мнение исследователей о давнем исчезновении из употребления в языке населения Могулистана монгольских элементов.

Не встречались в источниках термины *бай* и *бий*, вероятно, также распространенные в Юго-Восточном Казахстане того времени. Термин *бий*, как и *бек*, широко был распространен в XV в. в соседнем государстве Абулхайр-хана, затем в Казахском ханстве [76] (также в составе имен в качестве титулов носителей этих имен у представителей феодальной знати, применявшихся для определения их социального лица и места в феодальной иерархии). Зато термин *бай* Фазлаллах бен Рузбеханом Исфахани отмечен в «Михман-наме-йи Бухара» специально как употребляющийся в языке узбеков и могулов в значении «богатый человек, владелец большого количества скота» [77]. Очевидно, употреблялся термин *бай* и в социальном смысле для обозначения представителей класса феодалов.

---

[75] Матла'ас-са'дайн, с. 480; **Шами.** Зафар-наме, с. 52; Йазди. Зафар-наме, л. 44б; Та'рих-и Рашиди, л. 15а.

[76] Таварих-и гузида-йи Нусрат-наме.— МИКХ, с. 16—20, 23—28 и др.; **Камал ад-Дин Али Бинаи.** Шайбани-наме.— МИКХ, с. 96, 97 и др.; **Мас'уд бен Осман Кухистани.** Та'рих-и Абу-л-Хайр-хани. — МИКХ, с. 137, 148, 149.

[77] **Фазллалах бен Рузбехан Исфагани.** Михман-наме-йи Бухара. Рук. ИВАН УзССР, № 1414, л. 74а; **Ибрагимов С. К.** «Михман-наме-йи Бухара» Рузбехана как источник по истории Казахстана XV—XVI вв. — «Труды ИИАЭ АН КазССР», 1960, т. 8, с. 146. **Юдин В. П.** О родоплеменном составе могулов..., с. 58.

Политическая власть феодальной знати Могулистана базировалась на ее значительной экономической мощи, основой которой было владение землей, как пастбищными территориями (*йурт*), на которых кочевали подвластные феодалам роды и племена, так и обрабатываемыми участками в местах зимовок и в оседло-земледельческих оазисах государства (в Западном Могулистане, в Восточном Туркестане).

Феодалы, возглавлявшие племена, распоряжались фактически всеми делами племени, вопросами перекочевок, борьбы с другими племенами, поддержки или оппозиции центральной ханской власти, располагали административно-политической властью в районе кочевания племени, а главное — распоряжались пастбищами как своей фактической собственностью, как это имело место в соседних районах Центрального Казахстана [78]. «Следует подчеркнуть, что места в кочевьях не были закреплены за каждым скотоводом. Неписаный закон был таков: кто первым занял место в степи, тому оно на время и принадлежало,— пишет Б. А. Ахмедов.— Но собственниками пастбищ и находящихся на них колодцев были ханы, члены их семей и предводители племен — бии, бахадуры, т. е. кочевые феодалы» [79].

В целом земли считались принадлежащими государству в лице хана как верховного правителя феодального государства, фактическими же владельцами земли, земельными собственниками была племенная знать. Вопрос о существовании государственной собственности на землю в странах Востока послужил одним из главных доводов сторонников «азиатского способа производства», хотя наличие государственной собственности на землю (в том числе и в лице хана) и условного земельного держания земли, как известно, не противоречит феодальному способу производственных отношений [80].

---

[78] **Иванов П. П.** Очерки по истории Средней Азии, с. 23 и др.

[79] **Ахмедов Б. А.** Государство кочевых узбеков, с. 90.

[80] **Качановский Ю. В.** Рабовладение, феодализм..., с. 121—132.

Ожесточенной борьбой за землю, за пастбища феодальной знати племен насыщены полтора столетия истории Могулистана. Таковы интересные факты из «Та'рих-и Рашиди» о захвате феодальной знатью племен отдельных районов, больших участков земли в свою собственность, закреплявшуюся строительством крепостей. Мирза Хайдар подчеркивает, что не племя захватывало ту или иную территорию, а феодальная верхушка племени, тот или иной ее представитель, превращавший захваченную землю в личную собственность.

Подтверждением феодальной зависимости определенной этно-территориальной группы (эля, улуса и т. д.) от того или иного феодала или члена правящей династии и соответственно феодального владения им юртом является, в частности, определение такого коллектива не только через его этническое название, но и через имя феодала, в зависимости от которого эта группа находилась. Как известно, *эль* (*иль*) — этно-политический, этно-административный термин, обозначающий коллектив людей и равнозначный племени или союзу племен, народу; *улус* — более крупная этно-политическая группировка (союз племен), составлявшая у кочевников удел представителей правящей династии, иногда термин *улус* равнозначен термину *государство* (например, улус Джучи). В письменных источниках наряду с употреблением таких определений, как *эль* и *улус булгачи, эль булгачи* [81], *эль барин* [82], *эль* и *улус джете* [83], *могульский эль и улус*, т. е. наряду с обозначением людей определенного племени (или всего государства) через его этническое имя, широко употребляются и определения эля и улуса по принадлежности его тому или иному представителю феодально-племенной аристократии: эль и улус Хизр-Ходжа-оглана или улус Хизр-Ходжа-оглана [84], эль и улус эмира Камар ад-Ди-

---

[81] **Йазди.** Зафар-наме, л. 118б; Раузат ас-сафа, с. 186; Зубдат ат-таварих. Изд. Тауэра, т. II, с. 73.

[82] **Шами.** Зафар-наме, с. 114; Зубдат ат-таварих, с. 71—74.

[83] **Мирхонд.** Раузат ас-сафа, с. 66.

[84] Раузат ас-сафа, с. 88.

на дуглата [85] или эль Камар ад-Дина [86], эль эмира Худайдада [87], эль ва хашам (т. е. люди, свита) Камар ад-Дина [88], эль Енге-тора, эль и улус эмира Джаханшаха дуглата [89], т. е. этнический коллектив, группа людей находились в феодальной зависимости от того или иного эмира (бека). Это же мы наблюдаем и в материалах по истории Дашт- и Кипчака: эль и улус Бурундук-хана, эль и улус Касим-хана [90], улус Хамза-султана и т. д.

Группа людей, называемая элем и улусом, подчиненная тому или иному беку (эмиру) и находившаяся под его административно-политической властью, кочевала на определенном участке земли — юрте (*йурт*),— который был практически в собственности этого вождя племени или предводителя племенного объединения (группы племен, одновременно поддерживавших названных выше представителей кочевой аристократии). Они владели этим юртом на правах собственности. Кочевая знать, владевшая огромными стадами овец и табунами лошадей, захватывала в свое личное пользование лучшие пастбища и земли для посевов. Есть и прямые свидетельства о принадлежности того или иного юрта феодальному владетелю: Каракол был йуртом Енге-тора [91]; земли около Иссык-Куля в районе Кочкара — Джумгала названы юртом эмира Джаханшаха дуглата [92]. Подчиненные им рядовые кочевники (как и земледельцы в оседло-земледельческих владениях дуглата Худайдада в Аксу, Куче и других городах Восточного Туркестана) были лишь временными держателями того или иного отрезка земли или участка пастбища. Между предводителями племен шла борьба за пастбища, лучшие кочевья, водные источники и пахот-

---

[85] Йазди. Зафар-наме, л. 68а; Мунтахаб ат-таварих-и Му'ини, л. 249б, 269а; Раузат ас-сафа, т. VI, с. 35—38.
[86] Йазди. Зафар-наме, л. 68а.
[87] Раузат ас-сафа. Приложение перс. текста, с. 88.
[88] Зубдат ат-таварих, с. 41.
[89] Раузат ас-сафа. Приложение перс. текста, с. 89.
[90] МИКХ, с. 101, 104 и др.
[91] Раузат ас-сафа, т. VI, с. 67.
[92] Там же, приложение перс. текста, с. 184.

ные земли, и они поддерживали тех представителей правящей династии, которые могли им помочь удержать земли или захватить новые. Рядовые члены племени, у которых было мало скота, пользовались «общими» пастбищами лишь в незначительной степени (не имеющие скота вообще исключались из пользования ими) [93]; зажиточные же скотовладельцы фактически всегда пользовались, как своей собственностью, лучшими пастбищными и посевными землями.

П. П. Иванов, исследовавший феодальные отношения у кочевников Дашт-и Кипчака [94], писал, что господствующая верхушка племен, «обладавшая огромным количеством скота, исчислявшимся иногда, по словам путешественников XIV в., несколькими десятками тысяч единиц», фактически распоряжалась пастбищами. Вспомним в связи с этим, какие огромные стада скота имел дуглатский эмир Сайид Али, конечно же, распоряжавшийся и пастбищами как своей собственностью. Хотя эти пастбища и пахотные земли авторы «Та'рих-и Рашиди», «Хафт иклим» и «Бахр ал-асрар» называют *икта* его деда Худайдада, т. е. земельным пожалованием, полученным за военную службу [95], по существу, они уже стали наследственной земельной собственностью.

Источники говорят о глубокой социальной и имущественной дифференциации, классовом неравенстве в кочевом и полукочевом обществе Могулистана в исследуемое время. В руках феодальной знати были сосредоточены огромные богатства, получаемые за счет эксплуатации податного населения. Например, в повиновении эмира Худайдада находилось до 64 тыс. семей (*ханавар*) — примерно около 300 тыс. человек [96], в основном подданные (*утба*), кочевали и жили в оседло-

---

[93] **Шунков В. И.** Генезис феодальных отношений..., с. 244.

[94] **Иванов П. П.** Очерки по истории Средней Азии..., с. 31.

[95] Та'рих-и Рашиди, л. 36а; Бахр ал-асрар, л. 195а; Хафт иклим, л. 457а.

[96] Та'рих-и Рашиди, л. 40б; В. В. Григорьев (Дополн. к Риттеру, Китайский или Восточный Туркестан, 1873, Спб., вып. 2, с. 315) переводит *ханвар* словом *кибитки*, т. е. имеет в виду кочевых подданных. Но часть подданных Худайдада была жителями оседлых районов Кашгарии.

земледельческих оазисах в Восточном Туркестане как феодально зависимые люди на земле собственника-феодала. Только в личной дружине дуглатского эмира Сайида Али состояло до трех тысяч человек, на содержание которых (*куналга*) шли доходы с его владения, поставлявшиеся в виде налогов подвластным ему населением [97].

В период усиления феодальной раздробленности и децентрализации политической власти в стране усиливается самостоятельность отдельных феодальных владетелей, обособляются племенные группы во главе с их феодально-кочевой знатью (феодальные владения Камар ад-Дина дуглата, Енге-Тора и др.). «Эта аристократия, возглавлявшая узбекские кочевые и полукочевые племена с их военно-племенной структурой, была носительницей центробежных стремлений, противилась политическому объединению страны и постоянно развязывала междоусобные войны» [98]. Аналогичную картину мы видим и в Могулистане. Во время феодальной междоусобицы в Семиречье в начале XV в., выразившейся в борьбе Шир-Мухаммад-хана и Вайс-хана за власть, члены посольства Шахруха отмечали несколько самостоятельных феодальных владетелей, распоряжавшихся своей землей как собственной и бывших совершенно независимыми в своих удельных владениях: некий Мухаммад-бек, который был хакимом (правителем) своей территории; Шир-Бахрам, владевший элем и обладавший полнотой власти, не признававший распоряжения правителей государства, в частности предписаний улусбека о свободном проезде посольства.

С дальнейшим усилением феодального гнета, развитием и углублением феодальных отношений все более нищали рядовые кочевники, попадавшие в еще большую зависимость к своему феодальному правителю — племенному вождю. Обнищание рядовых кочевников племени и рост богатства (главным образом, численности стада, недаром словом *мал* обозначает в

---

[97] Та'рих-и Рашиди, л. 44б.

[98] Абдураимов М. А. Очерки аграрных отношений в Бухарском ханстве, т. I. Ташкент, 1966, с. 218.

персидском языке и в заимствовавших его тюркских языках и богатство, и скот) кочевой знати приводили к еще более прочному закреплению пастбищ в руках верхушки племен. Собственность на скот непременно влекла за собой и фактическую собственность на земли, пастбища в первую очередь. С другой стороны, все более нищавшие рядовые члены кочевого племени с потерей скота теряли и права пользования пастбищами.

Политическая история Юго-Восточного Казахстана второй половины XIV—XV в. насыщена фактами постоянной междоусобицы, борьбы и ханов и отдельных феодалов за власть, за расширение территории. Целью завоевательной политики правителей Могулистана было и увеличение числа подданных, с которых можно было бы взимать налоги. На востоке они пытались занять Хами, Турфан, на западе — Туркестан и Фергану. В первом случае их устремления сталкивались с интересами ойратских феодалов, во втором — правителей Ак-Орды, Абулхайр-ханом, Шайбанидами и казахских владетелей.

Ханы Могулистана стремились найти поддержку среди могульской кочевой знати как активной завоевательной политикой, так и земельными пожалованиями. Старая родо-племенная знать могульских кочевых племен не всегда была опорой ханской власти, поэтому ханы стремились окружить себя людьми надежными, обязанными своим положением именно данному хану. Таким образом формировались новые слои феодальной знати, служившие верой и правдой хану, которым предоставлялось уже не только условное пожалование эля и его юрта, но и пожизненное владение земельной собственностью, переходившей по наследству. С такой целью было сформировано, например, окружение (*хвасс ва мокаррабан*) Хизр-Ходжа-хана. Мирза Хайдар дает свое объяснение этому: когда улугбек-дуглат эмир Худайдад прятал малолетнего сына Тоглук-Тимура от преследований поднявшего мятеж эмира Камар ад-Дина, он, по совету своей матери, отправил с ним «двенадцать человек из простолюдинов (*аз адани*)». Впоследствии Хизр-Ходжа-хан возвысил их, предоставив им высокие должности и уделы. «Каждый из них

стал эмиром и поныне живы их (потомки). В том числе один был из Джиграка, эмиры *итарджи* происходят из его рода. Другой был купец (*таджир*) из Хорезма, от которого ведут свой род эмиры *кончи*. Еще был охотник из Чалыша, его сыновья тоже стали эмирами, *кушчи* — их лакаб, но их зовут также *кукельдаш*. Все эти люди достигли ранга эмиров, остальные из [тех] двенадцати человек тоже стали должностными лицами» [99]. Термин *кукельташ, кукельдаш* имеет прямое значение «молочного брата», воспитывающегося вместе с ханскими сыновьями, но в административной лестнице феодальных государств он означал также высокую должность воспитателя, дядьки ханских отпрысков; лицо, носившее титул *кукельдаш*, было равно по социальному значению *атабеку* (или *аталыку*) [100]. Как и в соседнем государстве Абулхайра, в Казахском ханстве кукельдаш выполнял обязанности атабека, аталыка в качестве воспитателя наследника ханского трона, затем при необходимости — регента при несовершеннолетнем правителе и впоследствии оказывал большое влияние на своего воспитанника, когда тот становился уже самостоятельным правителем [101]. Так что упомянутые выше эмиры *кушчи*, наследственно исполнявшие функции кукельташа при ханском дворе Могулистана, имели большое значение в должностной феодальной иерархии. Эмиры *кончи* также упоминаются впоследствии в «Та'рих-и Рашиди» как предводители одного из самых крупных туманов (или объединения племен), с которыми вступали в родственные связи ханы Могулистана [102]. Очевидно, под именем *кончи* скрывались этнические группы, известные позднее под другими названиями; в те же времена, о которых идет речь, они были предоставлены упомянутому торговцу из Хорезма в удел вместе со званием эмира.

---

[99] Та'рих-и Рашиди, л. 33а.

[100] Ахмедов Б. А. Государство кочевых узбеков, с. 100; по А. А. Семенову, *кукельташ* — одна из близких к хану придворных должностей (Семенов А. А. Бухарский трактат о чинах и званиях и об обязанностях носителей их в средневековой Бухаре. — «Советское востоковедение», 1948, т. V, с. 148).

[101] МИКХ, с. 18, 22, 98, 312 и др.

[102] Та'рих-и Рашиди, л. 48а; МИКХ, с. 196.

Политике противопоставления старой феодальной кочевой верхушке новой служилой знати придерживались многие ханы и впоследствии, что вызывало недовольство феодалов из числа крупных родовичей. Так, например, был убит поднявшими мятеж крупными феодалами Тимур, который в качестве регента (наиба) захватил власть в свои руки при малолетнем Исан-Бугa-хане. Эмир Абд ал-Куддус-бек, родственник эмира Карим-Берды дуглата, освободивший в 1472 г. Юнус-хана из плена в Ташкенте и получивший большое признание при дворе хана и соответствующее материальное вознаграждение, позже вынужден был, не без давления со стороны знати, покинуть страну и уйти на службу к Тимуридам [103]. Стремление могулистанских ханов ослабить власть всесильной феодально-кочевой верхушки путем противопоставления ей новой знати, обязанной своим положением только хану и по этим причинам преданной ему, вызывали осуждение и у такого апологета старой феодальной аристократии, каким был Мухаммад Хайдар дуглат. Любопытны в этой связи его рассуждения о деятельности в этом направлении могульских ханов, в частности сына Юнус-хана Султан-Махмуд-хана: «После Йунус-хана у [Султан Махмуд-] хана остались достойные уважения эмиры. Однако у всех, кто наследует государственную власть, бывает в обычае недооценивать благородных, хороших людей и считать, что каждый, кому они покровительствуют, становится уже в силу этого благородным, достойным уважения человеком, что, конечно, абсурдно. Будучи, однако, убежден в обратном, хан оказал покровительство нескольким [лицам] из [числа] презренных подонков общества (*аз аразил-и ахад ан-нас*). И эти низкие, недостойные люди постоянно проявляли усердие в том, чтобы унизить старых великих эмиров. Дело дошло до того, что хан убил пять человек из наиболее великих эмиров, каждый из которых был главой дафтара, а их семьи (*ханидан*) уничтожил полностью. Вместо них он

---

[103] Та'рих-и Рашиди, л. 41б; **Азимджанова С. А.** К истории Ферганы второй половины XV в. Ташкент, 1957, с. 74, 75.

возвысил [на их должности] пять человек из тех подонков» [104].

Представители феодальной верхушки, поддерживавшие хана, получали различные государственные должности, как, например, упомянутые пять великих эмиров, стоявшие во главе дафтаров (т. е. государственных ведомств — финансового, налогового и пр.) и занимавшие эти посты при предшественнике Султан Мухаммад-хана. Вместе с должностями феодальная аристократия получала от верховного правителя и материальное обеспечение — земельные пожалования с кочевавшим или жившим оседло на этой земле населением.

Особой силой и полновластием среди крупных беков (эмиров) пользовались *улусбеки*, фактические правители при имевших иногда лишь номинальную власть ханах. Улусбек был непосредственным главой армии, вершителем многих сторон деятельности государства, на нем лежало руководство чиновничьим аппаратом, контроль за сбором налогов, податей, расходование финансов. Длительное время должность принадлежала дуглатам — эмиру Худайдаду и его потомкам, в числе которых Мухаммад Хайдар называет эмира Мухаммад-Шаха, эмира Сайида Али, своего деда Мухаммад Хайдара и отца Мухаммад Хусайн-мирзу [105]. По рассказу Мухаммад Хайдара, якобы еще при Чингиз-хане эмирам дуглатов была предоставлена часть Кашгарии (Манглай-Субе), а вместе с земельными владениями еще 7 «пожалований» (или «привилегий» — *мансаб*). При Тоглук-Тимур-хане и Хизр-Ходжа-хане число пожалований улусбеку было увеличено до 12 [106], а вместе с ними выросли и права улусбека: глава дуглатов являлся главным «эмиром всего могульского улуса» и в фирманах его имя писали как «сардар могульского

---

[104] Та'рих-и Рашиди, л. 66а; МИКХ, с. 207.
[105] Та'рих-и Рашиди, л. 35а.
[106] Там же, л. 34б. Перечень всех 12 «привилегий» приведен в работе: **Петров К. И.** Очерки феодальных отношений..., с. 115—117. Следует отметить, однако, неточный перевод, данный автором. Так, он пишет: «Семь пожалований, которые Чингиз-хан дал ему в ортобуз-эти» (с. 115), не поясняя, что значит это выражение.

улуса», т. е. главнокомандующий всеми войсками, который имел право «без того, чтобы докладывать об этом хану, отстранять от должности или определять на должность [любого] из эмиров кошунов», т. е. войсковых подразделений (в «Бахр ал-асрар» уточнено: улусбек мог назначать военачальников крупных войсковых единиц — эмиров «тысяч» (*умара-йи хазара*), т. е. эмиров, которые имели под своим началом тысячу воинов.) [107]. Все ханские указы скреплялись печатями и хана и улусбека (печать последнего ставилась ниже печати хана). Одна из «привилегий» (девятая) давала улусбеку тарханные права.

К. Маркс, говоря о зарождении феодальных отношений у монголов, особо отметил существовавший у

В данном переводе выходит, что так назывался какой-то вид пожалований. На самом деле это имя деда эмира Пуладчи — Уртубу:

چنگیز خان در ایام سلطنت خویش اورتوبورا که یکی از
اجداد امیر خدایداد است بهفت منصب سرافراز گردانیده
بود «В дни своего правления Чингиз-хан пожаловал семь привилегий Уртубу, который был одним из предков эмира Худайдада» (Та'рих-и Рашиди, л. 34а; **Махмуд бен Вали.** Бахр ал-асрар, л. 184б).

باورتوبرا که جد امیر بولاجی است منگلای سوبه را داد
«Он дал Манглай-Субе Уртубу, который является дедом эмира Буладжи» (**Мирза Хайдар.** Та'рих-и Рашиди, л. 6а), «Уртубу, который (вместо که у переписчика کی) является дедом эмира Буладжи» (там же, рук. 1430, л. 6а, так же на л. 34б). При переводе 10-го, 11-го и 12-го мансабов у К. И. Петрова нет подразделения между 10-м и 11-м мансабом, а перевод их тоже не совсем точен (с. 116). Нет этого и в переводе «Та'рих-и Рашиди» на англ. язык — The Tarikhi Rashidi of Mirza Muhammad Haidar Dughlat, ed. N. Elias, 1895, p. 54. Переводчик Д. Росс указывает, что 12-й мансаб не упомянут ни в одном тексте (p. 56). На самом же деле, очевидно, переписчики ряда списков «Та'рих-и Рашиди» пропустили цифровые обозначения мансабов и слили 10-й и 11-й в один. В списке 1430 сохранилось это подразделение, так же и в «Бахр ал-асрар» Махмуда бен Вали (л. 184б). «10 [мансаб] таков: в дни празднеств ряды [присутствующих] выравнивают верхом один ясаул (یساول) ханский и один ясаул эмира Худайдада; 11 [мансаб]: в собраниях, с одной стороны, держат пиалу хана; с другой стороны — пиалу эмира Худайдада; 12 [мансаб]: эмир Худайдад также ставит печать на приказах там, где кончается текст, а хан [ставит печать] над той самой строкой».

[107] **Махмуд бен Вали.** Бахр ал-асрар, л. 184б.

них «вид феодальных прав» высшего сословия кочевого феодального общества: «В Ясе есть упоминание о высшем сословии, тарханах, которые были освобождены от всяких налогов, не должны были делить свою добычу с другими, имели постоянный свободный доступ к великому хану, освобождались от наказания до десяти раз. (Этот вид *феодальных прав* возникает у всех полуцивилизованных народов в результате воинственного образа жизни)» [108].

Тарханные права улусбеков, в частности право о девяти преступлениях, подробно описаны Мухаммад Хайдаром: «Из поколения в поколение любого из потомков эмира Пуладчи пусть не наказывают до тех пор, пока он не совершит девять преступлений. Когда же он совершит девять преступлений, пусть его привозят в место суда верхом на белом коне-двухлетке, под ноги коня пусть бросят девять белых кошм для возвеличивания [всадника]. Его слова пусть передает хану [эмир] барлас, а слова хана доводит до него с возвышения [где сидит хан] другой эмир барлас. Когда таким образом будет произведен допрос и его преступление окажется заслуживающим смертной казни, то после подтверждения девяти преступлений пусть сделают кровопускание из вен...». Мирза Хайдар не называет эти права своих предков тарханными [109], но, по существу, они были таковыми, а во многом и шире. Земельные владения эмиров дуглатов также освобождались от уплаты налогов.

Должность улусбека была наследственной привилегией рода дуглатов, все 12 «пожалований» передавались вместе с нею из поколения в поколение главе дуглатов по прямой линии наследования [110].

В целом же в источниках нет достаточных сведений для определения административных обязанностей как

---

[108] К. Маркс. Хронологические выписки, ч. 1. Архив Маркса и Энгельса. М., 1938, т. V, с. 220.

[109] **Та'рих-и Рашиди**, л. 34б. Права тарханов на основе сведений из «Зафар-наме» Низам ад-Дина Шами исследовал Н. Махмудов (Земледелие и аграрные отношения в Средней Азии в XIV — XV вв. Душанбе, 1966, с. 41).

[110] Та'рих-и Рашиди, л. 35б; Бахр ал-асрар, л. 184б, 197а.

улусбеков — высших государственных чиновников, так и других, стоящих ниже на административной лестнице. Рассматривая политическую историю Могулистана второй половины XIV—XV в., мы видели, что в условиях роста феодальной раздробленности и усиления самостоятельности отдельных представителей военно-феодальной знати власть улусбека часто сходила на нет. Борьба за влияние на ханов велась не только между главами различных племен, отдельными группировками военно-феодальной знати, но и внутри самой племенной верхушки дуглатов.

О том, что в Могулистане, как и в Ак-Орде и ханстве Абулхайра, практиковались тарханные пожалования, говорят и другие примеры [111]. Тарханные права, как и вышеперечисленные права дуглатов, давались ханами феодально-племенной знати за военные и другие личные заслуги перед ханом. Имелись и другие формы условных земельных и должностных пожалований. В «Та'рих-и Рашиди» содержится, например, такой примечательный факт земельных пожалований за военную службу и личные услуги хану. Во время битвы с калмаками (ойратами) могульский хан Вайс чуть было не попал в плен, так как под ним был убит конь. Служивший у него дуглат эмир Сайид Али дал ему своего коня, переправил через Или и оказал другую помощь. «За эти пять поступков хан пожаловал ему (*джолду даде аст*) 5 аймаков: один *туркат*, второй *хибат-ширасут*, третий — *узбек* — один из аймаков, что находятся в Хотане, четвертый — *даруга*, тоже из аймаков Хотана, пятый — *кука-аймак*, который тоже находится в Хотане» [112]. Сохранилось известие о том, что население области Кашгара и Яркенда делилось в то время на четыре социальные группы: «Первая — *туман*, к ней относятся ра'ийаты (т. е. податное оседло-земледельческое население); вторая — *кучин*, которая состоит из воинов; третья — *аймак* (т. е. кочевые роды и племена); четвертая — *арбаб* (т. е. собственники земли, феодалы)» [113]. Хотя в указанном выше факте

[111] Зубдат ат-таварих. Изд. Тауэра. Шами, т. II, с. 73.
[112] Та'рих-и Рашиди, 39а.
[113] Хафт-иклим, л. 455б.

пожалования кочевых аймаков в управление Сайиду Али сведения об аймаках, три из которых находятся в области Хотана, относятся в основном к Восточному Туркестану (где находились два других — неизвестно), он интересен и для исследователей казахстанского средневековья тем, что, во-первых, и Восточный Туркестан и собственно Могулистан (Семиречье) входили в это время в одно государтсво могульских ханов и, следовательно, такого же рода пожалования, безусловно, имели место и на территории Юго-Восточного Казахстана и Киргизии. Во-вторых, оно интересно тем, что пожалование аймаков, т. е. кочевых родов, упомянуто вместе с районом их обитания, и это подтверждает, что кочевые роды и племена были привязаны к вполне определенной территории и что в феодальное условное пожалование входила земля вместе с кочевым и полукочевым населением, на ней обитавшим, пользовавшимся пастбищными и пахотными угодьями этой территории. В «Та'рих-и Рашиди», «Бахр ал-асрар» и других источниках также приводятся факты пожалования городов и их земледельческой округи ханами Могулистана в удельное владение членам ханского рода и представителям военно-феодальной родо-племенной аристократии за службу или услугу (военную помощь, например) на завоеванных территориях в Присырдарье (Туркестане), в районе Ташкента, Ферганы и в Восточном Туркестане (города Аксу, Бай, Куча и др.) [114]. Верхушка кочевых племен получала в пожалование районы, населенные оседлыми земледельцами (ра'айа), а нетолько имела в своем владении кочевые районы Могулистана, т. е. северо-восточного Семиречья и Тянь-Шаня.

Факты феодального условного владения территорией, населенной кочевыми и полукочевыми родами и племенами, как и оседло-земледельческими, характеризуют в основном общественное положение феодально-племенной верхушки дуглатов, поскольку они из-

---

[114] Та'рих-и Рашиди, л. 45а, 50б и др; Бахр ал-асрар. Рук. ИВ АН СССР, № 7418 (рук. Джурабека), л. 173а, 176а, 226а, б, 227б, 228б, 230б, 231а, б, 235а и др.

влечены в основном из труда Мухаммад Хайдара дуглата (или зависящих от него сочинений), лучше знавшего историю своего племени и, конечно, старавшегося подчеркнуть ее роль в истории Могулистана. Но такого же рода пожалования, безусловно, предоставлялись и военно-феодальной знати других племен, высшим служилым и военным чинам. Недостаток таких фактов говорит лишь об односторонности Мухаммад Хайдара в освещении общественно-политической жизни Могулистана, а не об ограниченности бытования здесь такого явления, как условное феодальное пожалование. Косвенный материал, не всегда конкретный (чаще типа: «хан управление различными территориями [худуд] этой области возложил на великих эмиров»), есть и в других источниках. Особенно многочисленны факты передачи в уделы городов, селений с их земельной округой, касающиеся южного региона владений могульских ханов Восточного Туркестана, но здесь характеристика данного материала может быть опущена как не относящаяся к Юго-Восточному Казахстану.

К сожалению, авторы сочинений почти не называют упоминаемые пожалования тарханными, сойургальными, не применяют каких-либо иных терминов[115], обозначающих условное или безусловное земельное пожалование, хотя по аналогии с характером общественных отношений этой эпохи в соседних государствах Дашт- и Кипчака (Золотой Орде, Ак-Орде, ханстве Абулхайр-хана), тимуридской Средней Азии (исследованных в трудах советских востоковедов А. Ю. Якубовского, И. П. Иванова, Б. Г. Гафурова, Б. А. Ахмедова, Г. А. Федорова-Давыдова) эти термины могли бытовать и в Юго-Восточном Казахстане, поскольку име-

---

[115] Изредка употребляемый термин *икта*, например, в отношении владения дуглатов Манглай-Субе, является скорее данью литературной традиции, так как права феодальной знати дуглатов были гораздо шире, чем то могло обеспечить икта в его классической форме (условное земельное пожалование, дававшее право на взимание налогов, т. е. налоговый иммунитет. Петрушевский И. П. Земледелие и аграрные отношения..., с. 257).

лись здесь и сами формы, категории земельного пожалования.

Пожалованные территории были феодальными уделами в составе могульского государства (нередко весьма крупными), владельцы которых добивались почти полной независимости от центрального правительства. Таковыми были: удел феодальных правителей племени дуглат в Могулистане и части Кашгарии, удел Ильяс-Ходжи-султана в Мавераннахре в 60-х гг. XIV в., предоставленный ему Тоглук-Тимур-ханом; удел Ахмад-султана в восточном Могулистане, которым он правил сначала при отце Йунус-хане, затем брате Махмуд-хане [116]; удел Абд ар-Рашид-султана в Могулистане, предоставленный ему в управление Са'ид-ханом в начале XVI в.[117], и др. Жалованные территории (город, земледельческий округ или йурт кочевого племени) считались переданными в управление, т. е. земельное пожалование сочеталось с административными правами наместничества, хакимства. Владелец области, города или территории кочевого племени (*йурта*) должен был отдавать хану часть налоговых поступлений с его трудового населения, а часть оставлять на свои личные расходы, на аппарат управления, на содержание войска, с которым жалованное лицо должно было явиться по требованию хана во время военных действий или походов. Многочисленные примеры такого рода обязательств вассалов по отношению к могульскому хану приведены Мухаммад Хайдаром при описании феодальных войн и междоусобиц в Кашгарии в 60—70-х гг. XV — начале XVI в. [118].

В Могулистане со времен Чагатаидского государства сохранялась господствовавшая в монгольских государствах (Золотой Орде, в государствах Чагатаидов, Хулагуидов и т. д.) тюрко-монгольская военно-ленная система с ее иерархией должностей военно-кочевой знати: эмир тумана, эмир тысячи, эмир сотни, десятка — т. е. эмир, стоящий во главе 10 тыс. войска (*ту-*

[116] Та'рих-и Рашиди, л. 62б, 67а—68б; МИКХ, с. 203. 208—210.

[117] Там же, л. 78б—80б; МИКХ, с. 214, 215.

[118] Там же, л. 50а, б, 246б и др.

ман), одной тысячи, сотни, десятка и соответственно владеющий условным земельным пожалованием, доходы с которого достаточны для обеспечения соответствующей войсковой единицы (или управляющий кочевым племенем, родом, подродом, могущим обеспечить содержание соответствующего числа воинов). Эта система, о наличии которой в Могулистане имеется достаточно много свидетельств письменных источников [119], помогала классу феодалов эксплуатировать рядовых кочевников-скотоводов, а также зависимого оседлого крестьянина в земледельческих оазисах. Она гарантировала «выделение определенной части» полученного от эксплуатации трудящихся масс «прибавочного продукта для материального обеспечения вооруженной силы» [120] феодального государства, а также на обеспечение действий административного аппарата феодального государства по дальнейшему выжиманию из труда эксплуатируемых масс феодально-зависимых земледельцев и скотоводов не только прибавочного, но и необходимого продукта.

Условные земельные владения, дававшиеся за службу (военную, административную) часто превращались в наследственные земельные владения. Выше говорилось о передаче по наследству должности улусбека и соответствовавшего ей обширного земельного владения рода дуглатов, составлявшего крупный, нередко становившийся совершенно самостоятельным в политическом отношении, феодальный удел. Могулистанские ханы пытались, но часто безуспешно, изменить порядок наследования в случае открытого неповиновения улусбека. Пример тому — конфликт с эмиром Камар ад-Дин дуглатом. Факт превращения жалованных владений в наследственные сливал их с наследственными владениями, основанными на праве захвата, узурпации или хозяйственного освоения не занятых ранее территорий. Примеров такого рода наследственных владений в источниках довольно много. Власть над частью дуглатов, имевших кочевья на тер-

[119] **Та'рих-и Рашиди**, л. 12а; **Йазди. Зафар-наме**, л. 21б; **Мунтахаб ат-таварих-и Му'ини**, л. 249б и др.

[120] **Качановский Ю. В.** Рабовладение, феодализм..., с. 49.

ритории Семиречья, в долинах Чу и Таласса, наследовал эмиру Камар ад-Дину его сын Джаханшах. Эмиру Хакк-Берды бекчику, владевшему землями на берегах Иссык-Куля и построившему там укрепления, наследовал его племянник Мир Ибрахим бекчик и т. д.

В целом же имеющиеся сведения о формах условного землевладения в Могулистане недостаточны для тщательного социально-экономического анализа и конкретной атрибутации их (пока материалы подтверждают, что можно только констатировать наличие такого рода феодального землевладения). Часть упоминавшихся выше земельных и других пожалований можно отнести к широко распространившемуся с середины XIV в. в Средней Азии и Южном Казахстане суйургалу (условная форма земельного пожалования с полным налоговым и судебно-административным иммунитетом [121]). Несмотря на наличие достаточно обширной литературы по вопросу о феодальных земельных пожалованиях в соседних областях Средней Азии, в целом, как отмечает Б. Г. Гафуров [122], этот вопрос разработан еще недостаточно, особенно в отношении кочевых районов. Тем более этот вывод относится к районам Казахстана, в том числе и к Семиречью.

Недостаток фактического материала не позволяет четко выделить и другие категории феодального землевладения — безусловную феодальную земельную собственность (*мильк*), государственные земли, собственно ханские (*инджу*), вакуфные, общинные (земли кочевых родов и племен). Можно лишь наметить эти категории по немногим данным из истории общественной жизни Могулистана XIV—XV вв., а также по аналогии с социальной жизнью населения соседних

---

[121] **Беленицкий А. М.** К истории феодального землевладения в Средней Азии и Иране в тимуридскую эпоху (образование института суюргал). — «Историк-марксист», 1941, № 4; **Петрушевский И. П.** Земледелие и аграрные отношения..., с. 272—274. **Гафуров Б. Г.** Таджики. М., 1972; **Ахмедов Б. А.** Государство кочевых узбеков, с. 93; **Махмудов Н.** Земледелие и аграрные отношения в Средней Азии в XIV—XV вв. Душанбе, 1966, с. 39—41; **Абдурахманов М. А.** Очерки аграрных отношений..., с. 190; **Пищулина К. А.** Присырдарьинские города..., с. 32—34.

[122] **Гафуров Б. Г.** Таджики, с. 466.

областей Южного и Центрального Казахстана, Средней Азии и Восточного Туркестана, входившего сначала в государства Джучидов и Чагатаидов, а затем, по мере освобождения на рубеже XIV—XV вв. из-под монгольского ига, так же, как и население Могулистана, строившего самостоятельную государственность, но во многом сохранившего формы, элементы социальных отношений феодального характера периода монгольского господства.

Можно говорить о категории государственных земель (*амлак-и дивани*), в которые входили кроме территории собственно Могулистана еще и присоединенные вассальные области земледельческих оазисов. Именно государственные земли должны были быть основным источником феодальных условных земельных пожалований, хотя было, конечно, и перераспределение земель от одного условного держателя, вождя племени к другому в условиях постоянных феодальных усобиц, миграций, откочевок племен. Под государственными землями на востоке исследователи подразумевают земли всей территории страны, так как с государством персонифицировалась власть хана как номинального верховного собственника земли, а не только ее распорядителя. Однако это не меняет феодально-эксплуататорской сущности земельной собственности, поскольку получаемые от эксплуатации населения, жившего на этих землях, доходы в виде феодальной ренты (налога) шли на содержание ханского двора, должностной верхушки феодального государства, владетелей уделов, войска, т. е. фактически всего господствующего феодального класса.

Помимо государственных земель, постепенно обращавшихся в удельные феодальные владения членов правящей династии и крупной феодально-племенной аристократии, имелись земли, находившиеся в безусловной наследственной собственности (*мильк*). В мильковые земли феодальная аристократия превращала условные земельные владения, которые можно было передавать по наследству, а также земли, захваченные во время феодальных войн, в том числе и кочевья с обитавшими на них скотоводами других, более мелких

и слабых родо-племенных подразделений. Собственность на землю закреплялась, как уже говорилось, строительством укреплений, небольших населенных пунктов, в том числе и в кочевых скотоводческих районах. Частновладельческие земли получали иногда тарханные права, т. е. полностью освобождались от налогов. Таковы владения феодальной верхушки дуглатов, превратившиеся в наследственную собственность с тарханным иммунитетом.

Характер мильковых (частнособственнических) земель имели земли *инджу*, т. е. земли и обитавшие на них люди, находившиеся в непосредственной собственности хана и членов его семьи, также полностью освобожденные от налогов. О наличии земель инджу в Могулистане при Тоглук-Тимур-хане сохранились известия в уйгурских документах, введенных в научный оборот В. В. Радловым [123], по которым земли хана и его семьи как частнособственнические владения сохранялись еще с монгольского времени и позже (например, упоминавшиеся земли Хизр-Ходжа-хана). Об инджу Орда-Ичена в районе северо-восточного Семиречья, входившем в Ак-Орду, есть сведения в источниках, отмечающих, что он был независим в своем улусе [124]. Однако удельный вес земель инджу в XIV—XV вв. неизвестен.

В оседло-земледельческих оазисах и городах Юго-Западного Семиречья (например, в районе Тараза при мечетях и мавзолеях) и Кашгарии, в присоединенных к Могулистану в конце XV в. Ташкенте, Сайраме, т. е. в тех районах, постоянно или временно входивших в состав Могулистана, где было сильно влияние мусульманского духовенства и где находились материальные атрибуты его власти в виде мечетей, мавзолеев, разных «святых мест», безусловно, были вакуфные земли, однако сведений о них в источниках нет.

---

[123] **Бартольд В. В.** Персидская надпись на стене Анийской мечети Мануче. Соч., т. IV, с. 330.

[124] **Бартольд В. В.** Туркестан..., т. I, с. 459; **Он же.** Двенадцать лекций..., т. V, с. 145; **Рашид ад-Дин.** Сборник летописей, т. II, с. 66, 67.

Для условий феодального Семиречья, т. е. собственно Юго-Восточного Казахстана XIV—XV вв., не характерно разнообразие различных видов (категорий) феодального землевладения. Но вполне определенно можно отметить сочетание государственной феодальной собственности на земли, номинально принадлежавшие верховному владельцу — хану, с довольно развитой системой условного землевладения феодальной знати, при общинном землепользовании с сохранением многих патриархально-родовых традиций в кочевых районах.

Феодальные отношения в изучаемом регионе, как и в других странах Востока, существовали не в чистом виде. Складывавшиеся общественно-экономические отношения феодального типа были опутаны с самого начала пережитками патриархальных и общинно-родовых связей. Родо-племенная и военная организация древних кочевников использовалась подымающимся классом феодалов для экономической эксплуатации и политического подчинения рядовых кочевников-скотоводов, для защиты своих интересов в условиях растущего социального неравенства и классового протеста трудовых масс. С разложением первобытных отношений у кочевников и формированием феодальных на общинную собственность на землю «была наложена феодальная собственность верхушки кочевого общества при сохранении общины в той или иной ее форме... Коллективная, общинная форма собственности на землю у кочевников после образования классов и государства сохранилась, но рядом с ней возникла другая, монопольная собственность феодализирующейся верхушки» [125]. Общинный характер землепользования, сохранявшаяся родо-племенная структура кочевого и полукочевого населения и патриархальные отношения, которыми умело прикрывала свою эксплуататорскую сущность феодальная родо-племенная верхушка (о них есть данные в материалах соседних районов Казахстана более позд-

[125] **Федоров-Давыдов Г. А.** Общественный строй кочевников в средневековую эпоху. — «Вопросы истории», 1976, № 8, с. 42, 43.

него времени [126]), — все это было характерно для общественных отношений Могулистана и для средневекового Казахстана в целом. Роды и племена внешне выступали владельцами пастбищной земли, пахотных участков; члены рода использовали эту землю на общинных началах. Но фактическое право собственности на все земли было в руках феодального класса в лице хана (верховного владельца всей земли), султанов (правителей уделов), баев, эмиров, беков (феодальных глав родов и племен). Отсутствие документальных (актовых) материалов, подтверждающих феодальное землевладение или частную феодальную собственность на пастбищные земли, компенсируется рассмотренным выше материалом из нарративных источников, доказывающим фактическое наличие весьма устойчивого права феодально-кочевой знати распоряжаться землей, принадлежащей формально племени, роду, общине.

При этом (выше приводились примеры) феодальная аристократия, родо-племенная знать распоряжались не только землями своих соплеменников, но нередко владели и землями других этногрупп. За внешними правовыми формами в виде общинного, родо-племенного землепользования, особенно в кочевых скотоводческих районах, скрывается феодальная собственность на землю — либо государственная, либо принадлежащая отдельному феодалу, представителю родо-племенной кочевой аристократии, внешне выступающему как будто лишь в роли влиятельного старшего сородича, главы рода, племени, который только распоряжался общинными земельными угодьями и пастбищами, но не владел ими на правах собственности. По существу же такой глава являлся типичным собственником-феодалом, владеющим не только огромными стадами, но и землей — пастбищами для этих стад.

Удельная система управления, система феодальных земельных пожалований, имевших место в Могу-

---

[126] Материалы по казахскому общинному праву. Алма-Ата, 1948; **Левшин А. И.** Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей, ч. 2—3. Спб., 1832.

листане, как и в других государствах, возглавлявшихся тюрко-монгольской кочевой феодальной знатью, были весьма удобны для реализации ее власти не только над подчиненными ей родами и племенами кочевников и полукочевников, но и над населением оседло-земледельческих районов, входящих в удел. В то же время эта система ослабляла центральную власть, приводила к феодальным войнам и усобицам, которыми наполнена внутриполитическая жизнь Могулистана и которые наносили большой ущерб экономическому и культурному развитию страны, этническому сплочению населения, усугубляли и без того тяжелое положение эксплуатируемых масс. Междоусобная борьба, феодальные войны и набеги в конечном счете имели под собой вполне материальную основу, хотя внешне прикрывались они династийной, политической, религиозной оболочкой, межплеменной и межродовой рознью. Это была борьба за пастбища, земельные угодия, за подчинение своей власти нового контингента подданных, увеличивающих поступления налогов феодальному правителю и расширявших его возможности по комплектованию боеспособного войска. То есть феодальные войны, набеги являлись прямым результатом классовой политики феодальной верхушки, ее стремления к обогащению, к захвату земель, а не мнимой «агрессивности» кочевников, их «неприязни» к оседло-земледельческому населению.

Каковы же были характер и формы эксплуатации трудящихся масс оседлого и кочевого населения Могулистана со стороны класса феодалов? Материала по этому вопросу, характеризующему степень развития феодального строя, в руках исследователя казахстанского средневековья также очень мало.

В изученных нарративных сочинениях, написанных выходцами из феодальной правящей верхушки и, естественно, не интересовавшимися жизнью эксплуатируемых низов своего общества, трудно найти сведения об экономическом и социальном положении рядовых масс кочевого и полукочевого населения Юго-Восточного Казахстана и всего Могулистана. Почти невозможно дифференцировать термины, обозначавшие за-

висимое сословие. И все-таки некоторые данные есть. Для обозначения массы рядовых кочевников в источниках по истории тюрко-монгольских государств применялся монгольский термин *карачу* (простолюдин, чернь) [127], имевший также и более широкое значение — так назывались все лица, не относящиеся к Чингизидам («Когда это [карачу смел] спорить с [кем-нибудь] из дома Чингиз-хана» [128]). В этом значении применен термин в источнике, характеризующем внутриполитическую ситуацию в Могулистане в конце XIV в. Сообщается, что после убийства Камар ад-Дином Ильяс-Ходжа-хана эмиры захватили власть, но «никто не хотел подчиняться карачу», т. е. не Чингизиду, а просто вождю племени [129]. Очевидно, бытовал в Могулистане этот термин и для обозначения простого народа. Презрительно называет улусбек эмир Худайдад могульский народ *аразил* (низкие, недостойные люди, подонки). Впрочем, и сам автор «Та'рих-и Рашиди» также уничижительно говорит о тех, кто противостоит феодально-племенной аристократии [130]. Зависимое от феодала крестьянство, как оседлое, так и кочевое, называли *утба* в значении подданные, паства. Так называлось зависимое податное население и в Средней Азии, на Ближнем и Среднем Востоке [131]. Это оно составляло эль и улус феодала — главы племени, держателя удела.

О характере эксплуатации трудящихся в источниках сведений почти нет, о них можно судить в основном по аналогии с соседними кочевыми и оседлыми областями, стоявшими на таком же уровне общественного

---

[127] СМИЗО, т. II, с. 302, прим.; **Викторова Л. Л.** Становление классового общества у древнемонгольских кочевников. Проблемы истории докапиталистических обществ. М., 1968, с. 573.

[128] **Рашид ад-Дин.** Сборник летописей, т. II. с. 99.

[129] Му'ин ад-Дин Натанзи, л. 248а.

[130] Раузат ас-сафа, с. 187; Та'рих-и Рашиди, л. 66а; МИКХ, с. 207.

[131] **Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В.** Пути развития феодализма. Закавказье, Средняя Азия, Русь, Прибалтика. М., 1972, с. 95.

развития. Монголы, подчинившие своей власти многие страны, распространили в XIII—XIV вв. (или приспособили ранее существовавшие здесь социальные институты) более или менее одинаковые нормы феодальной эксплуатации и применяли термины, их выражающие, как собственно монгольские, так и заимствованные из языка завоеванных стран [132], хотя может быть и с небольшими отклонениями по существу обозначаемых явлений. Как правило, налоги и налоговая терминология сохранялись и позже, после распада монгольской империи на самостоятельные государства, в том числе и в Могулистане после выделения его из состава Чагатаидского государства. О налогах и повинностях трудовых масс кочевников в соседнем кочевом государстве Абулхайр-хана, существовавшем на территории Казахстана одновременно с Могулистаном в 30—60-х гг. XV в., пишет довольно подробно Б. А. Ахмедов (хотя его данные основываются тоже в основном не на материале этого времени и данного государственного образования, а на аналогиях с социальными явлениями в соседних государствах и на материале источников более ранних и более поздних веков, а не синхронных изучаемому периоду [133]). По этой причине остановимся на вопросе кратко: отметим лишь те налоги, упоминания о которых встретились в источниках.

Упоминается *тагар* — натуральный сбор с ра'ийатов (подданных) для снабжения войск продовольствием [134]. Его взимал Улугбек со своих владений, в том числе и с Саурана, Сайрама, Отрара и Йанги-Тараза, т. е. с тех областей Южного Казахстана и Семиречья, откуда были сняты находившиеся в них временно войска Улугбека [135]. Очевидно, тагар взимали со своих

---

[132] **Тихонов Д. И.** Налоги и налоговые термины в Уйгурском государстве (Центральная Азия IX—XIV вв.). — «Учен. зап. ИВ АН СССР», 1958, т. XVI, с. 55; **Петрушевский И. П.** Земледелие и аграрные отношения..., с. 360; **Федоров-Давыдов Г. А.** Общественный строй Золотой Орды. М., 1973, с. 34, 127—134.

[133] **Ахмедов Б. А.** Государство кочевых узбеков, с. 94—98.

[134] **Петрушевский И. П.** Земледелие и аграрные отношения..., с. 383.

[135] Раузат ас-сафа, т. VI, с. 132.

подданных в Семиречье и Кашгарии и могулистанские ханы. Сохранилось в уйгурских документах, собранных В. В. Радловым, упоминание налога *калан*, о котором И. П. Петрушевский пишет, что «характер этого сбора остается неясным» [136] и что, возможно, он был синонимом *хараджа* и означал поземельную подать в отличие от подушной подати (*купчур*) [137]. Термином *калан* обозначалась также вообще дань, подать, т. е. за ним можно видеть целую группу дифференцированных налогов и податей. О калане говорится в жалобе хану Могулистана Тоглук-Тимуру, поданной ему жителями оседло-земледельческой части Кашгарии: «При всех прежних ханах, начиная с домонгольской эпохи, при распределении калана с жалобщиков-садовников (или садовладельцев) [сидящих на землях] инджу — калана не взимали, а теперь, в тяжелые для них времена требуют от них уплаты двойной дани» [138]. Это конкретное известие источника, привлеченное В. В. Бартольдом для характеристики налогов монгольского времени вообще, касается самого раннего периода существования Могулистана как самостоятельного государства и относится к входящим в него оседлым областям. Тем не менее оно весьма ценно и для данной проблемы, так как говорит об усилении налогового гнета (и это, конечно, касалось не только оседло-земледельческих областей, но и кочевых и полукочевых районов Семиречья), особенно в связи с осуществлением Тоглук-Тимуром завоевательных планов, требовавших больших расходов на содержание войска, и с дальнейшим развитием феодальных отношений. Кроме того, оно подтверждает высказанное выше предпо-

---

[136] Петрушевский И. П. Земледелие и аграрные отношения..., с. 384.

[137] Там же, с. 360—164; Ахмедов Б. А. Государство кочевых узбеков. О налоге *купчур* (*копчур, кубджур*, бук. *монг.*: пастбище) много литературы. Помимо указан. работ И. П. Петрушевского, Б. А. Ахмедова характеристика этого налога дана в работах А. Ю. Якубовского, В. В. Бартольда, А. А. Али-Заде, Д. И. Тихонова и др.

[138] Бартольд В. В. Персидская надпись на стене Анийской мечети Мануче, с. 330.

ложение о существовании в Могулистане примерно тех же налогов и повинностей, какие несли трудовые массы в подчиненных монголам странах. В XIII—XI вв. купчур был распространен во всех монгольских государствах, в том числе в Золотой Орде и в Чагатайском улусе. Обозначал термин *купчур* в сущности два прямых налога, взимавшихся и с кочевников-скотоводов (в размере 1% от поголовья скота), и с оседло-земледельческого населения городов и селений в виде подушной или поголовной подати; он предназначался на содержание войск, почты, чиновничьего аппарата. В Казахстане, в том числе в Семиречье, купчур взимался с кочевого населения и в XV—XVI вв. Трудовая масса кочевников и полукочевников Могулистана обязана была нести воинскую повинность — службу в войсках племенного предводителя, который должен был являться к хану с военным отрядом (эмир тысячи — *амир-и хазара* — должен был являться с воинским отрядом в тысячу человек и т. д.). Эта повинность ложилась тяжелым бременем на рядовых членов племени, так как была связана с большими расходами, а главное — отрывала рядовых тружеников от производительного труда.

С развитием феодальных отношений росло социальное неравенство, росла эксплуатация крестьян-земледельцев и рядовых кочевников-скотоводов, носившая феодальный характер: эксплуатируемые массы выплачивали все более возраставшие налоги и подати, несли повинности и отработки в пользу феодального класса (главы племени, владельца удела или хана), которому фактически принадлежала вся земля. Однако для более подробной характеристики налоговой системы в конкретных условиях Семиречья XIV—XV вв. мы не располагаем достаточным материалом.

Тяжелый социальный гнет, тяготевший над оседло-земледельческим и кочевым скотоводческим населением Могулистана, особенно жестокий в условиях постоянных феодальных войн и усобиц, несомненно, вызывал стихийное сопротивление народных масс. В источниках часто упоминаются откочевки того или

иного рода или племени или части племени из-под власти главы государства или правителя удельного владения. И не всегда в этих откочевках нужно видеть только неповиновение представителя феодальной верхушки племени своему сюзерену (хану, султану), уходившему от него и увлекавшему с собой подчиненных соплеменников. Иногда откочевывало племя, род и под воздействием рядовых членов, выражавших протест против незаконного захвата пастбищ, налогового гнета, тяжести разрухи, разорения в результате феодальных войн и т. д. В движении феодальной знати против ханской власти в Могулистане порой можно видеть и элементы протеста народных масс против социального угнетения. Недовольством соплеменников, безусловно, пользовалась в своих интересах феодальная верхушка и уходила из-под власти хана. Борьбу народных масс против дальнейшего социального порабощения можно видеть и в упоминавшемся выше факте сопротивления принятию ислама — этого орудия феодально-эксплуататорского класса для еще большего закабаления трудовых масс, — который жестокими методами насаждал Мухаммад-хан в начале XV в.

Нередко народные массы различного этнического происхождения, например казахских и киргизских родов и племен Семиречья и Тянь-Шаня, выступали вместе против захватнических действий среднеазиатских феодалов, возглавлявшихся Тимуром и Тимуридами, калмакских (ойратских) феодалов, а позже (в начале XVI в.) — против могульских правителей Восточного Туркестана (Могулии), против собственных феодалов. Безусловно, классовая борьба возникала и при постепенном захвате общинных земель (пастбищ, посевных площадей) феодальной знатью. Конкретные факты классового сопротивления рядовых кочевников и земледельцев феодальной эксплуатации, конечно, в источниках найти трудно, однако приведенные в других главах материалы говорят о неустойчивом положении феодального государства и объяснение этому мы видим не только в междоусобной борьбе феодальной знати, росте ее экономического могущества и в стрем-

лении к независимости, неподчинении центральной власти, но и в классовой борьбе против социально-экономического гнета, которую вели феодально-эксплуатируемые массы трудового населения.

Вопрос об эксплуатации народных масс при феодализме путем взимания налогов и феодальной ренты господствующим классом (в лице государства или отдельного собственника-феодала, а равно и держателя условного земельного пожалования) представляет интерес не только сам по себе, но является еще и важнейшим критерием при установлении наличия феодальной собственности на землю как на главное средство производства, так как только право собственности на землю в любых ее формах (в том числе и условного землевладения) является экономическим и правовым условием, обеспечивающим возможность взимания с крестьян-земледельцев и скотоводов феодальной ренты-налога. Исследователи социальной истории, в частности аграрных отношений стран древнего и средневекового Востока, в том числе и Средней Азии и Казахстана, отмечают огромную сложность проблемы земельной собственности на Востоке, поскольку «конкретный материал по истории этих стран буквально насыщен всевозможными родо-племенными и общинными институтами» [139]. Однако, основываясь на известном положении К. Маркса о неразрывном единстве эксплуатации и монополии (т. е. собственности) эксплуататоров на средства производства, советские историки [140] убедительно доказывают в своих исследованиях, что под различными внешними фор-

[139] **Качановский Ю. В.** Рабовладение, феодализм..., с. 120.

[140] **Петрушевский И. П.** Земледелие и аграрные отношения...; **Ашрафян К. З.** Делийский султанат. М., 1960; **Она же.** Аграрный строй северной Индии (XIII — сер. XVIII в.). М., 1965; **Алаев Л. Б.** Южная Индия. Социально-экономическая история XIV—XVIII вв. М., 1964; **Рейснер И. М.** Развитие феодализма у афганцев. М., 1957; **Чичеров А. И.** Экономическое развитие Индии перед английским завоеванием. Ремесло и торговля в XVI—XVIII вв. М., 1965; **Златкин И. Я.** История Джунгарского ханства (1635—1758). М., 1964; **Ефимов Г. Ф.** Очерки по новой и новейшей истории Китая. М., 1951; **Гафуров Б. Г.** Таджики. М., 1972; **Ахмедов Б. А.** Государство кочевых узбеков. М., 1965; **Абдураимов М. А.** Очерки аграрных отношений...; **Махмудов Н. И.** Земледелие и аграрные отношения в Средней Азии...

мами общинного, родо-племенного и другого землевладения скрываются классовые отношения, основанные на собственности на землю. Крупнейший исследователь эпохи феодализма Б. Ф. Поршнев указывает на определяющий характер земельной собственности: «Эта собственность господствующего класса на главное средство производства и была постоянной, неизменной основой феодального строя». «...Историческая действительность показывает, что при любом видоизменении феодального строя в разных странах и в разные эпохи главное средство сельскохозяйственного производства — земля неизбежно оставалась в монопольной собственности господствующего класса» [141].

Обладатели земельных условных пожалований в Могулистане, в том числе в Юго-Восточном Казахстане, владетели уделов, предводители племен и родов, имели пожалованные земли, юрты кочевых племен на условных, ограниченных службой хану правах (хотя постепенно добивались и безусловных прав) или под внешним прикрытием права родо-племенного землепользования, но тем не менее их можно считать собственниками земли, так как налицо было основное, что давало им владение землей — это получение в виде налогов и повинностей прибавочного (а нередко и необходимого) продукта, создаваемого на пахотной и пастбищной земле земледельцами и скотоводами.

Советские исследователи убедительно доказали несостоятельность точки зрения буржуазных историков, приписывающих кочевым народам внеклассовый путь развития. Доказано, что не было особого «кочевнического способа производства» и соответствовавших якобы ему «особых», бесклассовых общественных отношений. Кочевые народы (а точнее, полукочевые, так как «чистых» кочевников было фактически очень мало) развивались по общему пути, в соответствии с объективными социально-экономическими законами, определяющими развитие всего человеческого общест-

---

[141] **Поршнев Б. Ф.** Феодализм и народные массы. М., 1964, с. 49.

ва. Классовое неравенство, феодальные общественно-экономические отношения были такой же закономерностью у кочевников-скотоводов на определенном этапе социального и экономического развития, как и у оседло-земледельческих народов [142].

Уже одно то, что в Могулистане очень тесно переплетались различные формы феодального землевладения в оседло-земледельческих районах и районах с кочевым и полукочевым населением (земли инджу, мильки, особенно земли, находившиеся в руках кочевых феодалов на правах условно-феодального землевладения, часто включали в себя одновременно и кочевые скотоводческие, и оседло-земледельческие районы), а формы эксплуатации кочевых и оседлых трудящихся масс имели много общего,— уже это говорит о единстве феодального способа производства, феодальных общественно-экономических отношений у кочевых и оседлых народов. Феодальные отношения, определявшиеся характером землевладения и эксплуатации трудящихся масс, были господствующими в Могулистане (и Юго-Восточном Казахстане в том числе) изучаемого времени. Соответственно классовый, феодальный характер носила государственная организация правившего в Могулистане, как и в Ак-Орде и ханстве Абулхайра, феодального класса со всеми его государственными атрибутами по организации эксплуатации податной массы населения феодального общества.

Государственный строй

Как и многие другие стороны социальной жизни Могулистана, государственно-административное устройство его относится до сих пор к числу неразработанных вопросов казахстанского средневековья. В целом имеющиеся источники говорят о феодально-эксплуататорском характере государства, су-

---

[142] **Лашук Л. П.** О характере классообразования в обществе ранних кочевников. — «Вопросы истории», 1967, № 7; **Федоров-Давыдов Г. А.** Общественный строй кочевников, с. 39—48.

ществовавшего в Юго-Восточном Казахстане и Киргизстане во второй половине XIV—XV в.

Трудность начинается уже с наименования этого государства. Наиболее распространенным в первоисточниках и утвердившимся затем в исторических исследованиях названием государства ханов-чагатаидов, в середине XIV в. объединившего в одно политически целое районы Юго-Восточного Казахстана и Киргизии, является название Могулистан, т. е. страна могулов[143]. Так именует его Мухаммад Хайдар-мирза, наиболее последовательно придерживавшийся этого названия и вкладывавший в понятие *Могулистан* как историко-географическое, так и государственно-этническое содержание. Писавшие до него Низам ад-Дин Шами, Шараф ад-Дин Али-Йазди, Му'ин ад-Дин Натанзи и другие авторы тоже знали название *Могулистан*, но чаще использовали описательные наименования, образованные с помощью этнического термина. Мухаммад Хайдару следуют Махмуд бен Вали, Амин Ахмад Рази, Мирхонд[144] и другие авторы. Разнообразны наименования, образованные как через общее этно-политическое название населения (مغول), так и через собственное имя того или иного хана, то и другое в сочетании с принятыми тогда в исторических персо-, арабо-, тюркоязычных сочинениях терминами: *вилайат, билад, мамлакат, йурт, улус* и др. Чаще других применялись два последних термина. Низам ад-Дин Шами пишет: «Вилайат-и могул» (Могульский вилайат, страна, область могулов), «Вилайат-и Тоглук-Тимур-хан»[145].

---

[143] Выше было показано, что этническое название *могулы* ко времени распада Чагатаидского государства (именовавшегося также *Могульским улусом.* — Та'рих-и Рашиди, л. 85б; МИКХ, с. 216) в связи с постепенным отюречиванием пришлых монгольских родов уже давно утратило свой первоначальный смысл (монголы), но закрепилось по традиции за восточной частью владений потомков Чагатай-хана в основном в связи с сохранением здесь правящей верхушки из этой династии и ее окружения из бывшей монгольской кочевой знати.

[144] Бахр-ал-асрар, л. 173а, 184а и др.; Зубдат ат-таварих. Изд. Тауэра, т. II, с. 38, 39, 41 и др.; Раузат ас-сафа, т. VI, с. 31.

[145] **Шами.** Зафар-наме, с. 15, 17, 64 и др.

Как известно, термином *вилайат* называли тимуридский Мавераннахр кочевники соседних областей в смысле *оседло-земледельческая, культурная, благоустроенная область*. Это подтверждает применение термина вилайат не только в значении область, но и страна, государство [146].

Мухаммад бен Хавендшах Мирхонд определил Могулистан как коренной, основной юрт (يورت اصلى) Тоглук-Тимур-хана [147].

Шараф ад-Дин Али Йазди для названия этого государства почти везде употребляет термин *Джете* [148], имеющий несколько пренебрежительный оттенок, так же назвал он народ этого государства (*коум-и джете*) [149]. Это вызвало необходимость для Мирзы Хайдара везде, где он, цитируя текст сочинения Йазди, встре-

---

[146] **Кармышева Б. Х.** О термине вилайат. — В кн.: Этнография имен. М., 1972, с. 147; МИКХ, с. 200, 525.

[147] Раузат ас-сафа, т. VI, с. 31.

[148] Зафар-наме, л. 22б, 24а и др.

[149] Мухаммад Хайдар так поясняет происхождение этого названия.

После распада Чагатаидского государства на две части — владения могулов и чагатаев — «эти два подразделения по причине взаимной враждебности друг друга называют пренебрежительными именами: чагатаи называют могулов *джете,* а могулы чагатаев именуют *караунас*». Значение этих наименований (*джете* جتە، چتە — *тюрк.* разбойники, скитальцы, бродяги; *караунас* قراوناس — *араб.* метис, смешанный, рожденный в смешанном браке) отражало сохранение кочевого («варварского», «разбойничьего») образа жизни могулами восточной части бывшего Чагатаидского государства и принятие традиций культурно-экономической жизни населения Мавераннахра «чагатаидскими» племенами, утратившими чистоту кочевнических традиций, смешавшимися с местным оседлым населением, ставшими «метисами». См.: **Бартольд В. В.** История культурной жизни Туркестана. Соч., т. II., ч. 1. М., 1963, с. 256; МИКХ, с. 216, 530; История Узбекской ССР, т. I. Ташкент, 1967, с. 307.

Термин *джете*, таким образом, не был названием местного населения Могулистана (Юго-Восточного Казахстана в том числе), как об этом говорится в «Истории Киргизской ССР» (Фрунзе, 1968, с. 207).

чается с термином *Джете,* давать пояснения: «Джете, что значит Могулистан» [150].

Встречается у Шараф ад-Дина Али Йазди и наименование *Могулистан,* в сочетании с *улусом* [151]. Термин *улус* был наиболее употребительным у авторов, писавших о Могулистане. Он, как известно, широко применялся в названиях владений сыновей Чингиз-хана, входивших в состав единой монгольской империи: *Улус Джучи, Улус Чагатая.* Термином *улус* обозначали вассальные удельные владения представителей правящей династии, составлявшие обособленные этно-политические единицы в системе кочевого государства. Таковыми были, например, в более позднее время улусы сыновей Джанибек-хана и Гирей-хана в составе Казахского ханства.

Постепенно термин улус приобрел более емкое понятие государства. Самостоятельными государствами стали владения Джучи, Чагатая, сохранив наименование *улус*: Улус Бату, Улус Берке, Улус Узбека [152] — так именовались владения джучидов в XIII—XIV вв. в Дашт-и Кипчаке. Государство Абулхайр-хана, существовавшее в XV в. в степях Казахстана, по традиции также именовалось Узбекским улусом [153]. Улусами назывались и государства в Юго-Восточном Казахстане и Киргизии в сочетании с именем хана: Улус Тоглук-Тимур-хана, Улус Хизр-Ходжа-хана [154] и т. д., а равно и в сочетании с этно-политическим именем населения этого государства Улус-и могул [155].

Наряду с термином *улус* применялся и термин *эль* (иль, ил — ايل) самостоятельно или в парной связ-

---

[150] Та'рих-и Рашиди, л. 10б, 25а, 26б и др.

[151] **Йазди.** Зафар-наме, л. 22б.

[152] **Егоров В. Л.** Государственное и административное устройство Золотой Орды. — «Вопросы истории», 1972, № 2, с. 32.

[153] **Ахмедов Б. А.** Государство кочевых узбеков, с. 13, 38.

[154] **Шами.** Зафар-наме, с. 17; Зубдат ат-таварих. Изд. Шами, т. II, с. 77.

[155] Та'рих-и Рашиди, л. 25а.

ке со словом *улус*: ил-и могул, ил ва улус-и могул [156], что более поздние исследователи правильно понимали в значении страна могулов, государство могулов (ايل و مغول)[157]. Термин *эль*, так же как и *улус*, применялся в персо- и тюркоязычных источниках средневековья в широком значении для обозначения государства, страны, населения всего государства, но чаще для названия племени как главного подразделения кочевых народов [158]. В том и другом значении мы находим термины *эль* и *улус* у авторов средневековых сочинений при обозначении государства и его населения в Юго-Восточном Казахстане и Киргизии: Ил ва улус-и Могулистан, Ил ва улус-и могул [159]. Под этими названиями можно понимать как само государство Могулистан, так и все его население или какую-либо часть его без уточнения племенной принадлежности. Синонимами терминов *эль* и *улус* для наименования кочевого населения выступают и другие термины, обозначающие понятие народ: *мардом, коум* (*коум-и джете, коум-и могул, аквам-и могул, мардом-и джете* [160]), а также специальный термин для обозначения кочевых племен *ахшам* (*ахшам-и могул*) [161].

Из всего этого многообразия наименований наиболее приемлемым для истории оказалось название Могулистан. Под этим именем государство вошло в историческую литературу (работы В. В. Бартольда, А. Ю. Якубовского, П. П. Иванова, Б. Г. Гафурова, И. Я. Златкина, Б. А. Ахмедова, В. П. Юдина, К. И. Петрова и др.).

---

156 Та'рих-и Рашиди, л. 25а,б и др.

157 **Yule H.** Cathay and the way thither, being a collection of mediaeval notices of China..., v. II, p. 525.

158 **Бартольд В. В.** Улугбек и его время. Соч., т. II, ч. 2, с. 49—51; **Он же.** Церемониал при дворе узбекских ханов. Соч., т. II, ч. 2, с. 394, прим. 21; **Он же.** Чингиз-хан, т. V, с. 627; МИКХ, с. 494, прим. 13, 17; **Абдураимов М. А.** (указ. соч., с. 149) переводит сочетание *иль ва улус* как племена и улусы.

159 Мунтахаб ат-таварих-и Му'ини, л. 249б.

160 Раузат ас-сафа, т. VI, с. 65, 66; Приложение перс. текста, с. 179, 187.

161 Зубдат ат-таварих. Изд. Тауэра, т. II, с. 38.

Все население государства Могулистан подразделялось на несколько больших племен и племенных объединений, имевших отчетливый характер социально-административной, политической единицы, феодального владения. В источниках нет достаточно подробного перечня родо-племенного состава населения Могулистана, но в целом можно насчитать до полутора десятков крупных этнических групп. Разумеется, упомянуты в источниках только те родовые и племенные группы, представители которых принимали участие в политических событиях, отразившихся на страницах исторических хроник и нарративных сочинений: дуглаты, кераиты, джурасы (чорасы), курлауты, барласы, барины (ба'арины, бахрины), канглы (бекчики), калучи, булгачи, арлаты, кушчи, аргинут (аркенут), кончи, итарчи, мекрит (меркит) и др. В последующее время часть этих племен вошла в состав казахского народа, другая — в состав киргизов и узбеков [162].

Для обозначения перечисленных выше этнических групп — племен и родо-племенных объединений — в источниках применяются несколько различных терминов, причем часто одну и ту же этническую группу авторы исторических сочинений (а нередко и один автор на страницах одного сочинения) называют различными терминами.

Кераитов называли: *коум* (мн. ч. — *аквам* [163] — племя, народ), *кабила* [164], *иль, иль ва улус* [165], *омак* [166], *мардом* (*мардом-и кераит* [167] — люди кераит); аргену-

---

[162] **Абрамзон С. М.** Этнический состав населения Северной Киргизии. — «Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции», 1960, т. IV, с. 3—137; **Петров К. И.** Очерки феодальных отношений у киргизов; Он же. Очерк происхождения киргизского народа. Фрунзе, 1963; **Юдин В. П.** О родо-племенном составе могулов..., с. 52—61.

[163] Раузат ас-сафа, с. 5, 182.

[164] **Шами.** Зафар-наме, с. 15.

[165] Матла' ас-са' дайн, с. 185.

[166] **Йазди.** Зафар-наме, л. 11б.

[167] Та'рих-и Рашиди, л. 23а.

тов (арканут) — *коум* [168], *кабила* [169], *омак* [170]; канглы (бекчиков) — *омак* [171], *коум* [172]; дуглатов — *омак* [173], *коум*, *та'ифа*; баринов — *коум* [174], *та'ифа* [175], *кабила* [176] и *иль* [177]; булгачи — *иль* [178], *улус* и *коум* [179], *иль ва вилайат* [180], кончи — *туман*, а арлатов — *табака* [181] и т. д.

Более мелкие подразделения могулов обозначались как некоторыми из упомянутых выше терминов — *омак*, *аймак*, *коум* (например, по Мирхонду, коум меньше эля в значении племя: قومی از ایل باریں — коуми аз ил-и барин), так и специальными терминами для обозначения мелких этнических единиц (*шо'ба* — ветвь, отделение племени, *урук* — род) [182].

Выше говорилось о существовании в Могулистане административно-военной системы, в источниках упомянуты ее некоторые составные единицы: «тысячи, которые составляли (могульский) иль» [183]; «тысячи джете, проживавшие в районе Уч-Фирмана» [184], «тысяча Мубарак-шаха мекрита в местности Арпа-Йази (на р. Арпа)» [185]. Однако термин «тысяча» (хазара), как и «десять тысяч» (туман) носит иногда смысл этнического термина и упоминается наряду с такими словами, как племя (кабила, та'ифа и др.): بعضی از قبایل وهزاره های مغول — некоторые из племен и тысяч могулов [186].

---

[168] Раузат ас-сафа, с. 5.
[169] **Шами.** Зафар-наме, с. 15.
[170] **Йазди.** Зафар-наме, л. 11б.
[171] Там же.
[172] Раузат ас-сафа, с. 5.
[173] Та'рих-и Рашиди, л. 24б; **Йазди.** Зафар-наме, л. 44б, 63б.
[174] Раузат ас-сафа, с. 5.
[175] **Йазди.** Зафар-наме, л. 88а.
[176] **Шами.** Зафар-наме, с. 114; **Йазди.** Зафар-наме, л. 116б.
[177] Зубдат ат-таварих, с. 71; **Шами.** Зафар-наме, с. 114.
[178] Зубдат ат-таварих, с. 73.
[179] **Йазди.** Зафар-наме, л. 118б; Раузат ас-сафа, с. 66.
[180] **Шами.** Зафар-наме, с. 116.
[181] Та'рих-и Рашиди, л. 48а, 67а; МИКХ, с. 196, 209.
[182] Раузат ас-сафа, с. 186.
[183] **Йазди.** Зафар-наме, л. 63б; Та'рих-и Рашиди, л. 25а.
[184] Там же; Раузат ас-сафа, с. 35.
[185] **Йазди.** Зафар-наме, л. 63; **Шами.** Зафар-наме, с. 70; Та'рих-и Рашиди, л. 25б.
[186] Матла' ас-са'дайн, с. 544.

Это свидетельствует о совпадении административно-военного деления государства с территориально-этническим. Военно-ленная система базировалась на территориально-этнической основе государства.

Аналогичная терминология для обозначения крупных и мелких этнических единиц, родо-племенных подразделений — *улус*, *эль* (*иль*), *аймак* (*омак*), *та'ифа*, *коум*, *табака*, *уруг* (*урук*) и др. — встречается в обилии в персо- и тюркоязычных источниках и для других регионов Казахстана, входивших в улусы Джучидов, например в государство Абулхайр-хана, затем в Казахское ханство [187]. Некоторые из них — *иль* (*ел*), *та'ифа* (*тайпа*), *урук* (*ру*, *уру*) — сохранились у казахов довольно позднего времени [188].

В целом же можно отметить большую неопределенность, неустойчивость в употреблении различных терминов для обозначения этнических групп. Это объясняется неточным знанием конкретной этнической, политической, социальной, экономической обстановки в Юго-Восточном Казахстане авторами среднеазиатских и иранских сочинений, за исключением Мухаммад Хайдара. Но, с другой стороны, — и это главное — такая неопределенность терминов объясняется неустойчивостью и самого родо-племенного состава населения. Постепенная ассимиляция переместившихся на территорию Юго-Восточного Казахстана монгольских племен тюркским населением, дробление и перемещение осколков племен и целых родо-племенных единиц из-за постоянных феодальных войн и частых иноземн-

---

[187] МИКХ, с. 11, 17, 19, 20, 22, 33, 98, 101, 113, 143, 145, 149, 258, 261, 276, 318 и др.

[188] Надо отметить, что некоторые исследователи (напр.: **Аристов Н. А.** Опыт выяснения этнического состава киргиз-казаков Большой Орды и каракиргизов. Спб., 1895, с. 58), считают, что термин *та'ифа*, *тайпа* употребляется для обозначения самой малой ступени этнического подразделения (подрода). Однако в средневековых восточных источниках, в том числе и по Казахстану, арабский термин та'ифа обозначает крупное этническое объединение — племя (см., напр.: **Васильева Е. И.** Термины *тайфа*, *ашират* и *кабиле* в сочинении Шараф-хана Бидлиси «Шараф-наме», Письменные памятники..., с. 6—8.

ных вторжений, политическая неустойчивость внутреннего положения в государстве, выражавшаяся в междоусобной борьбе, внутриплеменные и внутриродовые противоречия, естественный рост численности племен и отпадение от основного состава каких-то частей в поисках новых территорий, борьба за лучшие пастбища и пахотные земли — все эти политические и экономические причины приводили к ослаблению и измельчанию (а иногда и наоборот — к укреплению, увеличению) старых и появлению новых племен и племенных соединений, рамки которых не всегда совпадали с феодальными уделами. Так, дуглаты одновременно входили в ряд политических группировок, объединившихся вокруг эмира Худайдада и эмира Камар ад-Дина — в 70—80-х гг. XIV в., эмира Сайида Али и Мир Карима-Берды — в 30—40-х гг. XV в. Со времен Хизр-Ходжа-хана известны новые этнические группы — итарчи, кончи, кушчи, которые появились, разумеется, не на пустом месте, а образовались из частей других племен, пожалованных за услугу Хизр-Ходжой лицам, возведенным им в звание беков (эмиров). Естественно, о многих новых, равно как и о древних этнических объединениях, мы просто не имеем сведений, так как ни один из имеющихся источников не отразил этнического состава населения региона в целом. Претерпевшие большие изменения старые и вновь возникавшие коллективы были уже в основном не кровнородственными этническими группами, а этно-политическими, этно-территориальными объединениями уже в XIV в., формировавшимися в более развитую этническую общность — народность.

Родо-племенная этническая структура организации населения изучаемого региона XIV—XV столетий была подчас затушевана военно-феодальной системой организации государства. Рассмотренные выше формы феодальных земельных владений крупной кочевой аристократии скрывали в себе племенные деления, хотя, как отмечено выше, не всегда совпадали. Удельные держания были иногда шире племенных объединений. Но часто улусы, эли и другие этнические единицы выступали как феодальные владения; земель-

ные владения, с одной стороны, являлись экономической основой власти класса феодалов во главе с ханом, с другой — основой системы организации административного управления государством.

Административное устройство Могулистана, социальная структура во многом были такими же, что и в государстве Абулхайр-хана и Казахском ханстве. Социальной базой государства являлись феодальные классы. Главой государства был хан, власть которого формально была наследственной по прямой линии или передавалась старшему в роду. Однако, несмотря на это, по традиции осуществлялся акт провозглашения, избрания хана предводителями племен во главе с улусбеком, и от их воли зависело, будет ли поднят ханом прямой наследник, старший в роду или какой-то другой претендент. Так, в «Та'рих-и Рашиди» сообщается, что улусбек Худайдад организовал избрание, поднятие на ханство шести ханов. Абд ар-Раззак Самарканди говорит, что «эмиры посадили на ханский трон Шир-Мухаммад-хана»[189]. Дальнейшее правление хана также почти всегда зависело от воли феодально-племенной верхушки. Авторы сочинений неоднократно говорят о совещаниях ханов со своим окружением (با خواص ومقربان — со знатью и приближенными[190]) по поводу различных государственных дел. В частности, упомянуты советы, на которых обсуждались планы походов Тоглук-Тимура на Мавераннахр, меры по отражению войск Тимуридов; в «Та'рих-и Рашиди» подробно и красочно описан совет Хизр-Ходжа-хана со знатью о политических и экономических притязаниях Тимура, предъявленных завоевателем могулистанскому правителю перед походом в Китай. Власть хана была в значительной степени ограничена могуществом феодальной племенной знати. Формально правители крупных племен, улусов, племенных объединений находились в вассальном подчинении по отношению к хану — главе государства. Как уже говорилось, они возглавляли или получали

---

[189] Матла' ас-са'дайн, с. 344.
[190] Раузат ас-сафа, с. 5, 208 и др.

в удел, в управление от хана племя или часть племени, или несколько племен вместе с их кочевьями, за что должны были участвовать в военных предприятиях хана, являться к нему с соответствующим войском, поставлять хану часть взимавшихся с подвластного населения налогов. Хан, имевший только личную дружину нукеров, не располагал иной военной силой, кроме этих ополчений [191].

По отношению к своему племени представитель кочевой феодальной знати был полновластным правителем: одновременно и наследственным главой племени, и военачальником, и сборщиком налогов, и судьей, и фактическим собственником земли, т. е. в своем лице он совмещал политические, судебно-административные функции и экономическую власть над родовыми членами племени. Как уже говорилось, удельная система ослабляла государство. Феодальная кочевая знать, а также султаны, члены ханского рода в своих удельных владениях пользовались большой самостоятельностью и почти не зависели от хана. Имея значительные военные силы в виде племенного ополчения, феодально-племенная аристократия часто проявляла свою независимость, не подчинялась хану, а крупнейшие ее представители и сами стремились к захвату государственной власти, разжигали борьбу претендентов на ханский трон. После смерти каждого более или менее крупного хана, путем долгой борьбы добивавшегося некоторой централизации, упрочения власти, вновь вспыхивали усобицы между его наследниками, которых поддерживали различные группировки феодальной знати.

Ввиду крайней недостаточности материала трудно охарактеризовать в деталях органы государственной власти, государственный аппарат, его структуру, степень политической организации эксплуататорского класса феодалов для угнетения трудящихся кочевых и полукочевых масс населения Юго-Восточного Казахстана и других областей, входивших в Могулистан. Имеющиеся по этому вопросу материалы принадле-

---

[191] **Иванов П. П.** Очерки по истории Средней Азии..., с. 35.

жат в основном Мухаммад Хайдару, некоторые данные есть в тимуридских сочинениях, все они отрывочны и неопределенны, но в целом как будто не говорят об отсутствии прочного, хорошо организованного государственного аппарата. Некоторые элементы госаппарата можно отметить.

Существовал ханский совет из приближенных и знати. У Мирзы Хайдара он назван *маджлисом*. Описывая упомянутые выше «привилегии» улусбека, он пишет: «[Улусбеги] пусть держит воинские доспехи [хана] в ханском маджлисе, и обычай могульский таков, что никому другому не дозволяется брать в руки его [хана] колчан» [192]. Есть упоминание о существовании дивана как главной государственной канцелярии. О нем сказано в 7-м мансабе улусбека: «В диване пусть сидят от него [улусбеги] по обе стороны на расстоянии одного лука» [193]. О существовании *дивана* в могульском государстве говорится у Му'ин ад-Дина Натанзи и в сочинении, приписываемом Тимуру («Тузукат-и Тимур») [194]. Рассказывая о неповиновении Тоглук-Тимур-хану военачальников могульских войск Бекчика канглы, Ходжи-бека аркенута и Улуг-Тук-Тимура кераита, автор «Уложения» пишет, что эти эмиры «удаляются и поднимают затем восстание; в то же время они встречают Оглан-Ходжу, начальника дивана и первого советника [могульского] хана; привлекши его на свою сторону, они вместе направляются к Джете» (т. е. в Могулистан). Интересно упоминание о существовании в составе государственного аппарата Могулистана *дафтаров* (финансовых ведомств, налоговых управлений, канцелярий): «[Султан Махмуд-] хан убил пять человек из наиболее великих эмиров, каждый из которых был главой дафтара» [195].

О высшей государственной должности, фактически втором государственном лице после хана — *улусбеке*

---

[192] Та'рих-и Рашиди, л. 34а.

[193] Там же.

[194] Мунтахаб ат-таварих-и Му'ини, с. 249б; Уложение Тимура. Ташкент, 1968, с. 97.

[195] Та'рих-и Рашиди, л. 66; МИКХ, с. 207.

и его полномочиях сказано выше. Здесь следует подчеркнуть, что улусбек имел прямое отношение к престолонаследованию, к командованию армией, к дипломатическим сношениям с соседними государствами, о чем есть свидетельства в «Та'рих-и Рашиди». Разумеется, автор его — потомок улусбеков — нередко преувеличивал полномочия своих предков.

Упоминаются и некоторые другие высшие должностные лица, в частности *атабеки*. Му'ин ад-Дин Натанзи пишет, что атабек Хизр-Ходжа-хана Мирак-Ага обладал большими полномочиями при хане, «неограниченное право управления, надзора и порядок [ведения] дел по-прежнему держал в своих руках» [196]. Автор приводит еще такой факт: атабек приказал чеканить вместо золотых и серебряных денег монеты на коже, дабы пресечь усилившуюся деятельность фальшивомонетчиков, но долго это мероприятие не продержалось. Этот любопытный факт, видимо, касается Кашгарии, но он мог иметь отношение и к остальным областям, входившим в единое государство. В высшей служебной иерархии Могулистана можно отметить еще должность *на'иба* (заместителя, наместника). По «Та'рих-и Рашиди», на'иб выполнял роль регента при малолетнем Исан-Буга-хане [197].

Некоторые элементы структуры государственного управления повторялись в наиболее крупных уделах, например в Манглай-Субе. Эмир Худайдад, владетель этого удела, сам имел право выделять пожалования своим вассалам (сведений об этом много в «Та'рих-и Рашиди»), назначать *хакимов, даруга* и прочих должностных лиц — как от имени хана, так и от своего лично. При нем были лица, исполнявшие те же функции, что и при хане. Например, упомянут *кукельдаш* эмира Худайдада дуглата Шайх дарвиш, названный одним из его вельмож (از خواص)[198]. О кукельдашах хана из племени кушчи упомянуто выше [199].

---

[196] Мунтахаб ат-таварих-и Му'ини, л. 249б.

[197] Там же, л. 45а; МИКХ, с. 194.

[198] Раузат ас-сафа, т. VI, с. 190.

[199] Та'рих-и Рашиди, л. 33а.

Есть известия о *ясавулах* (*йасавулан*), в частности, упомянуто, что ясавул был значительным должностным лицом, обеспечивавшим соблюдение порядка и принятых церемоний на ханских торжествах, собраниях, празднествах. Об этом говорит, например, 9-й мансаб улусбека: «В день праздника (тоя) ряды [присутствующих] пусть выравнивают, сидя верхом [на конях] ясавул хана и ясавул эмира Худайдада» [200]. Кстати, церемониал при ханском дворе соблюдался строго («люди сидели, каждый в отведенном ему месте» [201]), но подробных сведений, к сожалению, о нем нет. Важным административным лицом был *даруга* (правитель, ханский наместник в городе, области, управляющий делами города, в обязанность которого входило собирать дань и прочие налоги, следить за порядком). Упомянуты даруга, назначавшиеся в завоеванные Тоглук-Тимуром города в Мавераннахре [202], лица на должности даруга в городах Восточного Туркестана, находившихся в вассальной зависимости от хана, а также в населенных пунктах западных областей Могулистана. Мирза Хайдар называет еще такое должностное лицо, как *миршикар* — главный распорядитель охоты [203] (при описании охоты, организованной эмиром Сайидом Али). О некоторых из упомянутых должностей, существовавших в это же время в государстве Абулхайр-хана на территории Центрального и Южного Казахстана, пишет Б. А. Ахмедов (диван, кукельташ, наиб, миршикар, ясавулы) [204], поэтому здесь подробная характеристика их была бы излишней. К тому же источники совершенно недостаточно освещают обязанности всех этих высших и средних чиновников. Важно отметить еще такой существенный элемент организации государственного дела, как ведение письменной документации, скреплявшейся печатями (например, упомянуты фирманы, выданные дуглатам, разные указы), проводился учет войск.

---

[200] Там же, л. 33б, 34а.
[201] Там же, л. 33б.
[202] Там же, л. 13б.
[203] Там же, л. 44б.
[204] **Ахмедов Б. А.** Государство кочевых узбеков, с. 100—102.

Перечень должностных лиц, входивших в государственный аппарат управления Могулистана, сведения о которых содержатся в исторических сочинениях и хрониках, дает основание считать его вполне сложившимся и обеспечивавшим классу феодалов господство над зависимыми слоями населения. Центральный государственный аппарат, некоторые звенья которого отмечены выше (хан, улусбеки, ханский совет из феодально-племенной знати и членов правящей династии — султанов, огланов и др., диваны, дафтары и т. д.), как и господствующая власть внутри отдельных феодальных владений (совмещенная в лице племенного вождя и владетеля удела), состоял из той же самой феодально-кочевой аристократии, которая являлась экономически господствующей верхушкой Могулистана. Совмещение в руках одного и того же феодального класса, особенно его правящей верхушки, административных функций по обеспечению социально-экономического и военно-политического господства этого класса характерно не только для феодальных стран средневекового Востока, но и для феодального общества в целом [205].

Как и государственно-административный, военный аппарат в Могулистане был также неотделим от феодальной знати. Основная часть могульских войск, как это было принято в монгольских улусах, в Золотой Орде, а также в Ак-Орде, государстве Абулхайра [206], комплектовалась на основе воинских контингентов вассалов хана — кочевых феодалов, являвшихся к хану в случае возникновения военной ситуации с ополчением, полностью экипированным. Эти войска были крайне ненадежны, так как их военачальники-феодалы в любое время могли увести подчиненные им отряды. Примеров тому достаточно в исторических хрониках. Сохранившаяся в Могулистане тюрко-монгольская военно-ленная система с ее иерархией должностей военно-

---

[205] **Данилова Л. В.** Дискуссионные проблемы теории докапиталистических обществ. — В кн.: Проблемы истории докапиталистических обществ, кн. 1. М., 1968, с. 62—64.

[206] **Греков Б. Д., Якубовский А. Ю.** Золотая Орда и ее падение. М., 1950; **Ахмедов Б. А.** Государство кочевых узбеков, с. 103, 104.

кочевой знати обеспечивала классу феодалов эксплуатацию рядового кочевника-скотовода, а равно и зависимого оседлого крестьянина в земледельческих оазисах, обеспечивала выжимание из него средств для содержания вооруженной силы феодального государства и его административного аппарата.

Войска у могулов были исключительно конными, за войском следовала и остальная часть племени с обозами и семьями. Это обстоятельство обременяло войско, делало его небоеспособным, лишало маневренности [207].

Интересные сведения о составе могульского войска и численности населения имеются у Му'ин ад-Дина Натанзи. Шам'-и Джахан, сообщает он, став ханом Могулистана, подсчитал свои войска, туманы и тысячи (*туманат ва хазараджат*): «Он затребовал от производящих досмотр и учет [или: войсковых писарей — 'аризан] туманов и тысяч [сведения] о численности (сан) армии (лашкар)» [208]. Исходя из значения этих слов, означающих не только войсковые единицы и отряды численностью в десять тысяч (туман) и тысячу (хазара) человек, но и район, область или этническую группу кочевого населения, которые могли соответственно выставить (или содержать) десять тысяч воинов или одну тысячу (хотя на деле они не совпадали), можно понять также, что этот могульский хан попытался определить не только число своих войск, но и подданных. Оказалось у него 90 туманов, т. е. 900 тыс. войска («От множества войск у него помутился разум» [209]).

Конечно, надо с осторожностью относиться к подобного рода сведениям, так как устанавливать количественные характеристики средневекового общества (его экономики, народонаселения) по нарративным со-

---

[207] Та'рих-и Рашиди, л. 21б—22а; Матла' ас-са'дайн, с. 202, 203.

[208] Мунтахаб ат-таварих-и Му'ини, л. 250а.

[209] Там же. См. также: Аноним Искандера. Перев. с перс. О. Ф. Акимушкина. — В кн.: Материалы по истории киргизов и Киргизии. М., 1973, с. 121.

чинениям было бы неправомерно [210], но все же это сообщение любопытно. Каждый взрослый мужчина, как известно, считался у кочевников воином. Если считать семью, как это принято в исторической литературе, за 4—5 человек [211], то общая численность населения Могулистана вместе с кашгарскими городами, подчиненными дуглатам-улусбекам, составляла бы 3—4 млн. человек. Эта цифра, конечно, слишком преувеличена, может быть, ее надо уменьшить вдвое (1,5—2 млн.), но, пожалуй, не меньше, ведь она должна была охватывать все племена Могулистана и Манглай-Субе, т. е. казахов Семиречья, киргизов Тянь-Шаня, Кашгарии.

Вероятность этого подтверждают данные о численности отдельных войсковых единиц, которыми командовали те или иные представители могульской знати, а также данные из источника о численности населения Казахского ханства времени Касим-хана. Так, сообщается, что три эмира племен канглы, кераит и аргинут имели 20 тыс. войска, посланного Тоглук-Тимуром в качестве только передового отряда во время его похода в Мавераннахр. Это была, конечно, лишь часть войскового состава, не говоря уже о небоеспособных членах их племен. В уделе эмира Худайдада дуглата, как уже говорилось, насчитывалось 64 тыс. семейств, около 60 тыс. человек войска, а всего численность населения в его владениях составляла до 300 тыс. О внуке эмира Худайдада сказано, что он вышел с 30-тысячным войском на помощь Исан-Буга-хану, поспешившему с 60-тысячным войском [212] с летовки на Юлдузе в Кашгар для того, чтобы отразить приход своего брата Йунус-хана. Примерно такой же могла быть и численность других племен и феодальных владений, что в целом может приблизиться к указанной численности населения. Однако повиновалась тому или иному хану

---

[210] Даже для начала XIX в. различные источники дают численность казахского населения от 2 до 4 млн. человек (см. Материалы по истории Казахской ССР, т. IV. М.—Л., 1940, с. 227, 512—516 и др.).

[211] Петрушевский И. П. Земледелие..., с. 302.

[212] Та'рих-и Рашиди, л. 48б.

только часть феодально-племенной верхушки, порой совсем незначительная, и, конечно же, ему никогда не удавалось собрать большое войско даже в случае такой возникшей над государством опасности, какой явились завоевательные походы Тимура на эту территорию.

В связи с этим интересно отметить, что, по Рузбехану Исфахани, в каждом из казахских улусов конца XV — начала XVI в. тоже насчитывалось примерно по 30—50 тыс. боеспособных воинов [213]. Принимая тот же средний расчет в 4—5 человек на семью, имеем численность одного улуса в 120—200 тыс. человек. В целом у казахских ханов на начало XVI в. было около десятка улусов, т. е. примерно 1,2—2 млн. человек. Таким образом, сообщение Мухаммад Хайдара о том, что у Касим-хана в войске было более миллиона человек [214], не является преувеличением. Причем в это число входила и часть казахов Семиречья, где власть Касим-хана была прочной.

В тимуридских источниках есть много материалов о боевом строе, расположении войск перед сражением тимуридского войска, что явилось предметом тщательного исследования [215]. Приводятся в этих источниках и некоторые данные для характеристики боевого порядка могульского войска. Первоначально в сражениях конца XIV в. у могулов отмечается двучленное боевое построение, упоминаются два фланга: «Вражеское войско [т. е. войско могулов], которое находилось в Таш-Ариги, было таким образом разделено на два фланга (*кул*), тюрки их называют *барунгар* и *джувангар*... Левым флангом (*майсара*) командовали Ильяс-Ходжа-хан и эмир Хамид, правым флангом (*маймана*) — эмир Туктимур и эмир Бекчик» [216]. В это время у Тимуридов войско принимало перед сражением трехчленный боевой порядок: помимо двух флангов был еще центр

---

[213] **Рузбехан Исфахани.** Михман-наме-йи Бухара, л. 92 а, 95 б. **Фазлаллах ибн Рузбехан Исфахани.** Михман-наме-йи Бухара (Записки бухарского гостя). М., 1976, с. 119.

[214] Та'рих-и Рашиди, л. 46а, 174а, 174б.

[215] **Греков Б. Д., Якубовский А. Ю.** Золотая Орда и ее падение, с. 348—353.

[216] Та'рих-и Рашиди, л. 15а; Раузат ас-сафа, т. VI, с. 11.

(*калб*). Мирхонд отмечает, что тимуридское войско делилось на три части, а Ильяс-Ходжа-хан разделил могульское войско только на две части (*до бахш кард*). В битве 1365 г. упоминаются также два фланга могульского войска (барунгар и джувангар) [217]. Правый фланг возглавлял Шангум-нойон, брат эмира Хамида, левым флангом командовали эмиры Ширагул и Хаджи-бек аргинут. В тимуридском войске помимо упомянутых трех основных частей, двух флангов и центра появились еще четыре вспомогательные части: два канбула (боевые фланговые охранения) и два каравула (передовые отряды), что обеспечивало Тимуру возможность маневрировать резервными частями и добиваться военного превосходства. Упоминаются каравулы и у могульского войска, но только как небольшие отряды, идущие во время передвижения войска впереди передового отряда (*манглай*). К 1425 г. произошли изменения и в боевом строю могулов, которые позаимствовали у среднеазиатского завоевателя систему боевого построения войска в бою. В сражении тимуридских войск с могульскими около Иссык-Куля упомянут помимо двух флангов, во главе которых были Иразан и Ибрахим кераит и Улджай-Тимур сальдуз, и центр (калб) во главе с дуглатским эмиром Джахан-шахом [218]. Трехчленная система боевого порядка могульского войска описана и в сражении правителя Шир-Мухаммад-хана с Улугбеком в 1425 г. недалеко от Кетменских гор (Кетмен-тепе), около реки Богуту: «С вершины горы появилось войско Джете, отряд за отрядом... в центре (*кул*) стоял Шир-Мухаммад-оглан с испытанными в боях бахадурами. На левый фланг был назначен Малик-Ислам, Муса, Чарик-Тимур, Уруг-оглан, Йусуф-оглан, Хаджике, сын Тулика. На правый фланг были поставлены Пайанда чорас, Абу-Кичик, сын Имадж-Малика, Курмыш, сын Туйукана [219]».

Отрывочные известия в источниках имеются о вооружении могульского войска. При описании сраже-

---

[217] Там же, л. 18б.
[218] Раузат ас-сафа. Приложение перс. текста, 183.
[219] Там же, с. 191.

ний упоминаются: мечи (*тиг*), копья (*пайза*), сабли (*шамшир*), пики (*лисан*), кинжалы (*ханджар*), щиты (*сипар*) и т. д. Огнестрельное оружие не упоминается, хотя у тимуридских войск оно уже было. Многообразие вооружения еще раз подтверждает достаточно высокий уровень развития в Могулистане ремесленного производства, необходимого для выработки этого оружия, так как трудно предположить, что все это многочисленное вооружение ввозили из других стран.

Таково состояние хозяйства и социально-экономических отношений в Юго-Восточном Казахстане в период существования на территории Семиречья и Тянь-Шаня государства Могулистан.

Экономика Юго-Восточного Казахстана претерпела в XIII — начале XIV в. разительные перемены. Нашествие Чингиз-хана, господство кочевых монгольских феодалов оказалось для Семиречья (в Южном Казахстане хотя и были разрушены многие города, но вскоре они восстановились) настолько губительным, что оно изменило хозяйственную структуру региона — уничтожило в нем городскую культуру и выдвинуло в качестве преобладающей сферы хозяйства кочевое и полукочевое скотоводство. Земледелие, за исключением района Западного Семиречья, сохранилось надолго лишь в виде дополнительного элемента хозяйственных занятий населения, однако оно имело тенденцию к развитию, чему способствовали как естественно-географические условия, так и традиционные навыки местного населения.

Изменениям в хозяйственной структуре сопутствовали и изменения в социальной жизни, выразившиеся в замедлении темпов дальнейшего развития феодальных отношений; с усилением кочевничества в хозяйстве консервировались и патриархально-родовые отношения в общественной жизни. Но в целом в исследуемый период социальные отношения у кочевого и полукочевого населения Семиречья, как и в Южном Казахстане, оставались по-прежнему более развитыми, чем в других районах Казахстана, на что помимо внутренних процессов развития жизни у местного населения оказывал некоторое влияние и фактор вхождения в состав этого

государства районов городской и оседло-земледельческой культуры на юго-западе и юге. Важно отметить в этой связи постоянное стремление могулистанских правителей найти выход — путем войн или мирных контактов — к земледельческим и городским центрам Южного Казахстана, Средней Азии и Восточного Туркестана.

Исследованиями советских историков, начиная с Б. Я. Владимирцова, доказано, что социально-экономическое развитие у монголов и других кочевников шло по общему пути. Феодальные отношения у них развивались в соответствии с общими закономерностями исторического развития общества. Анализ классового состава, социальной структуры населения Могулистана (и Юго-Восточного Казахстана в том числе) в XIV—XV вв., характера владения основным средством производства и форм эксплуатации трудовых масс скотоводов и земледельцев путем сложной системы налогов и податей показывает, что оно шло по общему пути общественного развития, что в исследуемое время оно достигло уровня довольно развитых феодальных отношений, сочетавшихся с пережиточными элементами патриархальности. Это последнее является особой отличительной чертой феодализма в обществе кочевников и полукочевников вообще: хотя феодальные отношения — главные, определяющие, но им сопутствуют многие элементы пережиточных укладов. Но вместе с процессом стирания этнических граней, смешения родов и племен, вместе с формированием более высокой этнической общности — народности — стирались и пережиточные элементы в системе общественных отношений и утверждались феодальные отношения. Эти процессы, как известно, параллельны. И как до самого позднего средневековья оставалось в Казахстане деление на роды и племена, так сохранялись и патриархально-родовые пережитки в социально-экономических отношениях, в целом феодальных.

Таким образом, можно сказать, что фактор классового неравенства определял социальную структуру и общественную жизнь государства могульских ханов (в том числе и Юго-Восточного Казахстана). Хозяйствен-

ной основой государства являлось сочетание кочевого и полукочевого скотоводства с земледелием (в том числе и в его основной части — Юго-Восточном Казахстане); социальной основой были, хотя и опутанные патриархальными пережитками, феодальные отношения, базировавшиеся на крупной поземельной собственности на пастбища и пахотные земли (в ее различных категориях, начиная от поземельных условных владений и кончая частной собственностью в чистом, безусловном, виде) и частной собственности на скот.

Большую роль в развитии феодальных отношений Юго-Восточного Казахстана и Могулистана в целом играл ислам, в котором эксплуататорский слой нашел большую опору и поддержку в деле угнетения народных масс.

Ф. Энгельс писал о роли государства в классовом обществе: «Главной целью этой организации всегда было обеспечивать при помощи вооруженной силы экономическое угнетение трудящегося большинства особо привилегированным меньшинством» [220]. Рассмотренные данные показывают, что этим целям экономически господствовавшего класса местных феодалов вполне отвечала и политическая, государственная его организация, существовавшая в Юго-Восточном Казахстане и Киргизии под названием Могулистан. Эта организация имела вполне сложившийся, довольно развитый аппарат управления и угнетения трудовых масс кочевников и земледельцев; хотя в нем сохранялись и элементы кочевнических обычаев, например совет у хана, на него собирались, однако, уже не только члены правящей династии, как это было у монголов на раннем этапе развития их государственности, но и высшие административные и военные чиновники феодального государства, правители уделов, одновременно являвшиеся и крупными родовитыми вождями племен. Их большая экономическая и политическая независимость была основой сепаратистских устремлений и вела к ослаблению государства.

---

[220] **Маркс К., Энгельс Ф.** Соч., т. 19, с. 359.

Экономические и политические связи Семиречья с соседними областями Казахстана, особенно с южными, были обусловлены естественно-географическими условиями, общими историческими судьбами, близким по этническому происхождению населением, формировавшимся в казахскую народность. Многие стороны социально-экономических отношений в Могулистане также были сходны с таковыми в государствах, существовавших в смежных районах Казахстана — в Ак-Орде, ханстве Абулхайр-хана, затем в Казахском ханстве. Казахское ханство явилось преемником не только этнического состава населения, политических традиций, внешних связей Ак-Орды, Могулистана, ханства Абулхайр-хана, но и их социальной организации, получившей в нем дальнейшее развитие.

Глава 4

ОБРАЗОВАНИЕ КАЗАХСКОГО ХАНСТВА И РАСПАД МОГУЛИСТАНА

Предпосылки для образования Казахского ханства

Для выявления истоков возникновения Казахского ханства необходимо знать не только глубинные процессы, протекавшие в государствах Восточного Дашт-и Кипчака (Ак-Орде и ханстве Абулхайр-хана), но также исторические судьбы населения Могулистана.

В истории средневекового Казахстана XIV и XV столетия занимают особое место. Это было время завершения формирования казахской народности и укрепления ее государственности, хозяйственного подъема, сменившего послемонгольскую разруху, время дальнейшего развития феодальных отношений. Политическая ситуация в Восточном Дашт-и Кипчаке и Семиречье в эти века была исключительно сложной. Большую роль во всех отмеченных явлениях сыграло помимо ханства Ак-Орда, занимавшего территорию Центрального и Южного Казахстана (по терминологии восточных средневековых источников, Восточный Дашт-и Кипчак и Туркестан), государство Могулистан, основная часть которого занимала Юго-Восточный Казахстан (Семиречье). Оба государства возникли в период развала монгольской империи на гребне борьбы против монгольского ига и усиления местной феодальной знати, сумевшей использовать сопротивление народных

масс иноземному господству для удовлетворения своих классовых интересов, личных целей в стремлении к власти.

Рассмотрение истории Юго-Восточного Казахстана в XIV—XV вв. показало, что вопросы государственного и этнического становления казахов в этот период в равной степени связаны и с Ак-Ордой (а также с ханством Абулхайр-хана, которое, включая в себя в 20—60-е гг. XV в. основную массу коренного населения Восточного Дашт-и Кипчака, отнюдь не было инородным элементом в истории Казахстана), и с Могулистаном. Анализ политической и социально-экономической истории Могулистана дал возможность проследить связи населения Юго-Восточного Казахстана с племенами Восточного Дашт-и Кипчака, выявить общность исторических судеб Могулистана и Ак-Орды, проследить общее в жизни населения этих государств по всем параметрам их исторического развития.

На судьбы коренных тюркоязычных обитателей Восточного Дашт-и Кипчака и Семиречья, равно как и на судьбы тюркских народов Средней Азии (киргизов, каракалпаков, узбеков, туркмен), на их этно-политическое и хозяйственно-культурное развитие одинаково отрицательно повлияла агрессия Чингиз-хана и монгольских феодалов. Эти народы постепенно высвободились из-под иноземного гнета в ходе антимонгольской борьбы и развала Золотой Орды и Чагатайского улуса и в XIV—XV вв. переживали процесс этнического сплочения и государственного развития.

В состоянии хозяйства Могулистана и Ак-Орды прослеживается много общего: значительный урон, нанесенный оседло-земледельческому хозяйству всех районов Казахстана монгольским завоеванием, постепенное восстановление экономики в XIV—XV вв., развитие хозяйственных связей кочевого скотоводческого и оседло-земледельческого населения степных районов Казахстана, Семиречья и Южного Казахстана. Хотя в силу самой природы классового феодального государства правители Могулистана и Ак-Орды нередко искали выход в захватнических войнах и набегах, необхо-

димость мирных экономических связей определяла их внешнюю политику.

Много общих черт было отмечено и в социальном развитии Могулистана и государств Восточного Дашт-и Кипчака.

Отмечена общность в самом процессе образования Ак-Орды и Могулистана как самостоятельных государств — оба они были образованы на местной этнической основе в результате борьбы народных масс за независимость против монгольского ига.

Наконец, отчетливо прослеживаются общие черты и в этническом развитии населения обоих государств. Вызванные к жизни необходимостью политического, государственного объединения тюркских и тюркизированных племен Казахстана, которые в ходе постепенного преодоления послемонгольского хозяйственного кризиса и дальнейшего политического и культурного развития формировались в более высокую социально-этническую общность — народность, Ак-Орда и Могулистан сами, в свою очередь, содействовали ускорению процесса этногенеза казахов (и киргизов в Могулистане), этническому и государственному развитию родов и племен, составивших казахскую (и киргизскую — в Могулистане) народность. Это проявилось главным образом в создании более благоприятных, чем это было в монгольских улусах, условий для хозяйственного, социального и политического развития населения Дашт-и Кипчака и Семиречья, взаимообщения и взаимодействия его отдельных частей во всех формах общественной жизни. Политически объединив этнические территории племен, мелкие феодальные владения, возникавшие и исчезавшие в результате феодальных усобиц и войн в Золотой Орде и Чагатаидском государстве [1], Ак-Орда и Могулистан явили собой более прочную, этнически обособленную государственную организацию, способствовавшую восстановлению

[1] История СССР с древнейших времен до наших дней в 12 т., т. II. М., 1966, с. 88, 123; **Греков Б. Д., Якубовский А. Ю.** Золотая Орда и ее падение. М., 1950, с. 372—373; **Гафуров Б. Г. Таджики,** с. 457—463; **Строева Л. В.** Борьба оседлой и кочевой знати..., с. 206.

хозяйственного, этно-политического и этно-культурного развития. Оба государства обеспечили входившим в него племенам и племенным объединениям территориальное и политическое единство. Причем важно то, что они объединили как раз те группы племен и племенных объединений, которые издавна формировались на территории Казахстана в особые этнические общности. Закономерен тот факт, что Ак-Орда и Могулистан (его основная часть занимала Семиречье) возникли как раз на территории двух крупных этнических общностей древнего Казахстана — Кипчакского союза племен в Центральном и Южном Казахстане [2] и Усуньского союза племен в Юго-Восточном Казахстане [3], т. е. они, каждое в своем регионе, продолжили прерванную в XIII в. традицию этно-политического и культурно-хозяйственного развития населения древнего Казахстана. Семиречье, главная часть Могулистана, было одним из двух древних этнических центров формирования казахского народа, Центральный и Южный Казахстан — другим центром, причем между этими двумя областями еще в древности установились самые тесные экономические и культурные связи. На территории Южного Казахстана и Юго-Западного Семиречья был стык этих двух главных этнических узлов, двух формировавшихся казахских жузов — Старшего и Среднего. Эта же территория издавна была рубежом двух хозяйственных зон, двух культур — оседло-земледельческой и кочевой скотоводческой,— а также являлась областью хозяйственно-политических и культурно-этнических контактов населения различных районов Казахстана между собой и Казахстана и Средней Азии. Именно дальнейшее этническое сплочение племен и ро-

---

[2] Бартольд В. В. Кипчаки. Соч., т. V. М., 1968, с. 550—551; Агаджанов С. Г. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX—XIII вв. Ашхабад, 1969, с. 226—229; Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Древний Отрар. Алма-Ата, 1972, с. 196, 197, 206; Ахинжанов С. М. Кипчаки и Хорезм в канун монгольского нашествия. — «Вестник АН КазССР», 1970, № 1; Востров В. В., Муканов М. С. Родоплеменной состав и расселение казахов (конец XIX — начало XX в.). Алма-Ата, 1968, с. 16, 72.

[3] Акишев К. А., Кушаев Г. А. Древняя культура саков и усуней долины реки Или. Алма-Ата, 1963; Востров В. В., Муканов М. С. Родо-племенной состав..., с. 23—32.

дов на базе этнической территории древних тюркских племен вызвало возобновление в конце XIII—XIV в. прерванного монгольским нашествием этнического процесса формирования народности, что, в свою очередь, стало одной из причин образования на территории этих союзов государственных объединений Ак-Орды и Могулистана (в его основной части).

Ак-Орда и Могулистан положительно повлияли на процесс этнического развития населения средневекового Казахстана и в том отношении, что в ходе их укрепления возрождались и становились все более прочными хозяйственные и политические внутригосударственные связи, взаимообщение и взаимовлияние тюркских и отюреченных монгольских племен и родов, оседло-земледельческого и скотоводческого населения внутри Казахстана. Устанавливались этно-социальные, хозяйственно-политические связи населения не только внутри Ак-Орды, ханства Абулхайр-хана и Могулистана, но и между ними. Это происходило в результате частых миграций племен, в ходе совместной борьбы против чужеземных завоевателей, особенно против захватнической политики эмира Тимура и Тимуридов, ойратских феодалов, в ходе классовой борьбы против феодальных правителей, выражавшейся, в частности, в многочисленных откочевках на соседние, порою иногосударственные территории.

Основное же значение для развития взаимосвязей, а следовательно, и для процесса этнического развития населения Казахстана имело самое состояние хозяйства. Как известно, важным условием слияния племен в народность является развитие хозяйства, хозяйственных связей, рост городов, поступательное движение вперед социальных, классовых отношений. Как мы уже говорили, экономика Юго-Восточного Казахстана, несмотря на тяжелые последствия монгольского завоевания, все же развивалась, главным образом за счет скотоводства и отчасти земледелия; восстанавливались и торгово-экономические связи населения Семиречья.

В XIV в. и в Ак-Орде наблюдался хозяйственный подъем, наметившийся еще в конце XIII в. Постепенно восстанавливались города Отрар, Туркестан, Сауран,

Сайрам и др., оживилось ремесленное производство, рос торговый обмен, о чем свидетельствуют, в частности, интенсивность денежного обращения на юге Казахстана, действие монетного двора в Отраре, снабжавшего меновой единицей всю округу [4]. Восстановлению городской и оседло-земледельческой жизни в Ак-Орде [5] способствовало перемещение сюда политического центра нового независимого государства, правители которого стремились удалить свой административный и экономический центр подальше от ставок монгольских ханов Золотой Орды и Чагатаидского государства. Вместе с ним переместилась (а точнее, восстановилась) на юг, на города Присырдарьи и экономическая ориентация населения Восточного Дашт-и Кипчака.

Произведенные в последние годы казахстанскими археологами раскопки верхних культурных слоев Отрара XVI—XVIII вв. и памятников округи Отрара показывают, что в XV—XVI вв. Отрар представлял собой крупный торгово-ремесленный центр Южно-Казахстанского региона, что XV—XVI столетия, т. е. период образования и укрепления Казахского ханства, были временем расцвета присырдарьинских городов [6]. Письменные источники полностью подтверждают эти выводы о развитии городского хозяйства Юга Казахстана. Они говорят также о том, что начало этому процессу было положено в предшествующем столетии, в то время, когда часть присырдарьинских городов входила в состав Ак-Орды, а Сыгнак был ее столицей.

Восстановлению и росту городов Южного Казахстана содействовал все возрастающий спрос на предметы ремесленного производства и продукцию земледелия со

---

[4] **Давидович Е. А.** Денежное хозяйство и частичное восстановление торговли... — «Народы Азии и Африки», 1970, с. 6.

[5] Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. — СМИЗО, т. II, с. 129—140; **Греков Б. Д., Якубовский А. Ю.** Золотая Орда и ее падение, с. 305—515; **Пищулина К. А.** Присырдарьинские города и их значение..., с. 13—27.

[6] **Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б.** Новое в средневековой археологии Южного Казахстана. — Сб. ст. «Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана». Алма-Ата, 1969, с. 42; **Они же.** Древний Отрар. Алма-Ата, 1972, с. 83, 203—207.

стороны населения кочевых скотоводческих районов, где также в процессе укрепления государственности Ак-Орды наблюдался хозяйственный подъем: росло поголовье скота, увеличивались возможности сбыта продукции животноводства. Понимая необходимость укрепления Ак-Орды, ее правители (Ерзен-хан, Мубарак, Урус-хан, Барак-хан) поддерживали рост городов на юге государства, осуществляли в них строительство и отстаивали их от притязаний Чагатаидов и Тимуридов [7]. Рост городского хозяйства на юге и скотоводческого в степи также способствовал развитию хозяйственных связей, торгового взаимообмена населения различных районов Ак-Орды. На подъеме городского хозяйства Южного Казахстана отразился и отмеченный выше факт возникновения спроса на его продукцию со стороны Семиречья, что явилось результатом экономической разрухи в этом крае после монгольского нашествия.

Конечно, преувеличивать объем этих связей и воздействие их на общественную жизнь, на ход этнических процессов нельзя, поскольку хозяйство обоих феодальных государств оставалось натуральным, а ведь именно хозяйственные связи лежат в основе общественных взаимосвязей и взаимовлияний, в том числе и этнических. Натуральное хозяйство феодального общества, безусловно, ограничивало развитие как внутренних, так и внешних взаимосвязей формирующихся этносоциальных общностей — народностей, и фактор влияния экономических отношений на формирование народностей «в раннеклассовых обществах» не мог проявиться полностью, ибо «в условиях однородности их экономической структуры экономические связи были развиты еще относительно слабо» [8]. Тем не менее связи эти, по крайней мере внутри государства, прослеживаются. Они становились все более прочными по мере

---

[7] **Му'ин ад-Дин Натанзи.** Мунтахаб ат-таварих-и Му'ини (Аноним Искандера). — СМИЗО, т. II, с. 129—130, 234; **Якубовский А. Ю.** Развалины Сыгнака (Сугнака). — «Сообщения ГАИМК», т. II. Л., 1929, с. 130—133; **Бартольд В. В.** Улугбек и его время. Соч., т. II, ч. 2. М., 1964, с. 111.

[8] **Бромлей Ю. В.** Этнос и этнография. М., 1973, с. 167—168.

восстановления хозяйства в Ак-Орде и Могулистане. Причем, как это ни парадоксально на первый взгляд, хозяйственные связи со смежными территориями оседло-земледельческой и городской культуры возникали с особой необходимостью именно при кочевом и полукочевом хозяйстве в силу самой природы разноотраслевой экономики кочевых и полукочевых скотоводческих, с одной стороны, и оседло-земледельческих районов — с другой. Как раз в условиях контактных зон, на стыке кочевого и оседлого мира хозяйственное взаимообщение, торговые связи, обмен произведенной продукцией были обязательным условием производства в обеих хозяйственных сферах.

Эти связи рельефно прослеживаются в Ак-Орде и в государстве Абулхайр-хана, сохранились и еще более укрепились в Казахском ханстве [9]. Об их необходимости говорят средневековые авторы. Характерно, например, сообщение Фазлаллаха ибн Рузбехана Исфахани об экономической блокаде казахов, учиненной Мухаммад Шайбани-ханом в начале XVI в. в городах Туркестана [10], которая должна была, по его мнению, сломить политическое могущество казахских владетелей.

О хозяйственных связях, о влиянии экономического спроса и самой степной культуры на развитие ремесла, строительных приемов, формы керамики и других изделий свидетельствуют полученные в последние годы Южно-Казахстанской комплексной археологической экспедицией материалы в Отраре и Отрарском оазисе [11]. Обратное влияние городских центров юга Казахстана на жизнь в степи, на развитие скотоводческого хозяйства, на укрепление политической, государственной организации населения Дашт-и Кипчака было еще больше. Издавна развивавшееся оседло-земледельческое и городское хозяйство местного населения Южного Казахстана наряду со среднеазиатскими оазисами

---

[9] **Ахмедов Б. А.** Государство кочевых узбеков. М., 1965, с. 78—81; **Пищулина К. А.** Присырдарьинские города и их значение..., с. 26—27, 41—43.

[10] Михман-наме-йи Бухара, л. 77б.

[11] **Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б.** Древний Отрар, с. 199, 200.

занимало значительное место в обеспечении потребностей населения районов кочевого и полукочевого скотоводства Казахстана в продуктах земледелия и предметах ремесленного производства.

В свете этнического развития казахской народности большой интерес представляет поставленная и успешно решаемая в последние годы проблема взаимодействия в прошлом оседлой и кочевой культуры у целого ряда народов нашей страны и стран средневекового Востока (Ирана, Афганистана, Монголии, Турции, арабских стран). Речь идет не только о взаимодействии между разными этническими общностями, различными в хозяйственном отношении, но и между подвижными скотоводческими и оседлыми земледельческими хозяйственными группами населения в рамках одной этнической общности, одного народа [12]. На этой основе происходило взаимодействие, взаимовлияние политическое, культурное, социальное, этническое, что содействовало процессу этнической консолидации народности.

XIV—XV столетия были особым периодом в жизни средневекового Казахстана и в области развития социально-экономических отношений. Восстановление в образовавшихся государствах более или менее нормальных хозяйственных условий в результате освобождения от монгольского ига обеспечило развитие феодальных отношений и в Казахстане, как это было в Русском государстве, в Средней Азии, в Иране, Закавказье. Выше мы видели, как все менее действенными в ходе развития феодальной формации становились патриархальные атрибуты социальных отношений и родовые связи в Юго-Восточном Казахстане и все более жестокой социально-классовая политика ханов, султанов, феодалов разного ранга — эмиров, баев, биев, мусульманского духовенства, как все более усиливалась эксплуатация трудовых масс. Исследователи пришли к выводу о господстве патриархально-феодальных отношений,

---

[12] **Жданко Т. А.** Номадизм в Средней Азии и Казахстане. — В кн.: История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968, с. 274—281; **Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б.** Древний Отрар, с. 204—205.

феодальном гнете рядовых кочевников и полукочевников, оседлых земледельцев в государстве Абулхайр-хана в Дашт-и Кипчаке и Туркестане [13].

Более глубоко разработать проблемы социально-экономических отношений в Ак-Орде еще предстоит, но уже сейчас благодаря трудам А. Ю. Якубовского, П. П. Иванова [14] известно о некотором движении вперед в развитии феодальных отношений в смысле постепенного освобождения их от патриархально-родовой оболочки в Ак-Орде, особенно в районах развитого оседлого земледелия. Известно, что правитель Ак-Орды Ерзен-хан в 20-х гг. XIV в. принимал меры к упорядочению системы раздачи удельных владений, наделов своим родственникам — джучидским султанам и феодальной знати кочевых племен, что вело к распространению в Ак-Орде условной формы феодальной собственности типа суюргал. Хотя это осуществлялось с учетом издавна сложившихся путей перекочевок и с правом владения и пользования пастбищами и посевными участками, во многом нарушалось традиционное землепользование, так как нередко пожалованные суюргалы попадали в руки посторонних — иноплеменных вождей. Дальнейшее развитие феодальной системы общественных отношений выражалось в Ак-Орде, как и в Могулистане, в укреплении феодальной собственности не только на скот, но и на землю (это подтверждается все усиливавшейся ожесточенной борьбой за пастбища, чему есть многие свидетельства в письменных источниках по истории обоих государств), в расширении сферы укрепления феодальных отношений в степных скотоводческих районах, в усилении экономического и политического могущества феодальной знати, в росте социального угнетения рядовых кочевников, земледельцев и горожан.

Эти явления все более и более разрывали родовые и племенные узы: патриархальные связи превращались

---

[13] **Ахмедов Б. А.** Государство кочевых узбеков, с. 88, 98.

[14] **Греков Б. Д., Якубовский А. Ю.** Золотая Орда и ее падение, с. 310—314; **Иванов П. П.** Очерки по истории Средней Азии. М., 1958, с. 27—32.

во внешнее прикрытие классовых феодальных отношений, происходило этническое смешение отдельных этноколлективов, в результате ускорялось формирование народности. Исследователи проблем этногенеза народов справедливо подчеркивают определяющую роль классовых, государственных, экономических, культурных и других социальных связей и отношений в процессе формирования народностей, как и других этносов.

Ю. В. Бромлей отмечает [15], что обычно влияние социальных факторов на формирование этноса сводят только к экономическим связям, опосредствовавшим этническое общение, в то время как воздействие социального фактора на ход этнического процесса проявляется и во многих других аспектах развития общества.

Само воспроизводство материальных благ в ходе общественного производства позволяет этнической общности физически существовать и развиваться. В ходе экономических связей происходит «обмен этнокультурной информацией»; экономические связи укрепляют «политическую общность составных частей соответствующих государственных образований». Наконец, сам характер классового деления общества «в первую очередь» определяет «историко-стадиальный тип этно-социального организма», т. е. данная этническая общность соответствует данной социально-экономической формации: развитие феодализма обусловливает сложение народностей. Огромное значение для сохранения целостности народности имеет классовая борьба трудящихся масс и борьба их против завоевателей [16]. Все эти воздействия прослеживаются и в ходе образования казахской народности. Замедленность формирования казахской народности была результатом слабости, децентрализованности феодальных государств, возникших после монгольского завоевания на территории Казахстана (монгольских улусов, Ак-Орды, Могулистана, ханства Абулхайра), неблагоприятных внешнеполитических обстоятельств (монгольского завоевания, агрессивной политики Тимура и Тимуридов,

---

[15] **Бромлей Ю. В.** Этнос и этнография, с. 39, 138, 162.
[16] Там же, с. 162—171.

набегов ойратских феодалов). Не менее отрицательным было влияние длительных внутрифеодальных войн и междоусобиц и внешних войн самих казахских феодальных правителей, которые замедляли этот процесс, снова и снова разрывали объективно возникавшие хозяйственные, культурные и этнические связи. Определенное негативное влияние оказывала на процесс казахского этногенеза (как и других народов, особенно кочевых) миграция населения, изымавшая из формировавшейся народности или вливавшая в нее пришедшие извне отдельные этнические группы [17]. В то же время миграция создавала возможность общения близких по этническому происхождению коллективов. Этому способствовало также оседание кочевников и полукочевников. Феодальная эксплуатация, обнищание рядовых кочевников-скотоводов приводили их к необходимости оседания, особенно в районе присырдарьинских городов и Юго-Западного Семиречья, т. е. в районах древней земледельческой культуры. Бывшие кочевники вступали в хозяйственные, культурные и этнические контакты с местными жителями, принадлежавшими другим этническим общностям (к тюркоязычным и другим, в частности к арабоязычным) [18], образуя новые этнические группы в составе народности.

Следовательно, само развитие феодальных отношений в XIV—XV вв. в Ак-Орде и Могулистане также оказывало существенное влияние на ход этнического сплочения племен средневекового Казахстана в народность — как положительное (в силу прогрессивности самого процесса развития нового общественного строя), так и негативное, сдерживающее (в силу замедленного характера развития феодальных отношений в Казахстане послемонгольского периода).

Таким образом, в Ак-Орде и Могулистане на базе

---

[17] **Алексеев В. П., Бромлей Ю. В.** К изучению роли переселений в формировании новых этнических общностей. — «Советская этнография», 1968, № 2, с. 35—45.

[18] **Иванов П. П.** Очерк истории каракалпаков. — «Труды ИВ АН СССР», 1935, т. VII, с. 35; **Сенигова Т. Н.** Средневековый Тараз, с. 210—217; МИКХ, с. 314—318; **Пищулина К. А.** Присырдарьинские города и их значение..., с. 47, 48.

политического, государственного объединения этнической территории местных племен, а также некоторого развития производительных сил, восстановления хозяйства, роста городов на юге Казахстана и расширения товарообмена, хозяйственных контактов населения разных регионов, на основе дальнейшего развития (хотя и медленного, особенно в степных районах с их подвижными скотоводческими племенами) феодальных отношений было обеспечено более тесное этническое общение племен, племенных объединений, мелких народностей и иных этно-политических групп, которое содействовало их сплочению в крупную народность.

Во второй половине XIV — первой половине XV в., в период Ак-Орды и Могулистана, стабилизируется этнический состав племен, окончательно сглаживаются этнические различия множества тюркских, монгольских и осколков всех других племен, обитавших здесь в древности и в раннем средневековье. Население Казахстана становилось все более однородным в этническом отношении, в массе своей тюркским (как говорилось выше, тюркоязычность могулов Могулистана — признанный исторической наукой факт). В основном в этот период завершилось формирование народности, за которой несколько десятилетий спустя, во второй половине XV в., закрепляется этноним *казахи*.

Народность как этно-социальный организм рассматривается исследователями как закономерное следствие развития феодальных (или рабовладельческих) отношений [19]. И коль скоро наблюдается развитие феодальных отношений в том или ином регионе, со всей справедливостью можно искать в лице носителей этих социально-экономических отношений — населения данного региона — формирующуюся феодальную народность. Однако в специфических условиях кочевого и полукочевого общества средневекового Казахстана (так было и в других странах Азии с аналогичной хозяйственной основой) как феодализм развивался под прикрытием оболочки патриархальных отношений, так и

[19] Бромлей Ю. В. Этнос и этнография, с. 137, 138.

народность, эта этно-социальная категория феодального общества, хотя в основном уже и сложившаяся, сформировавшаяся, внешне долго продолжала выступать в виде союза родов и племен. Вот почему трудно вычленить из числа этноколлективов разных уровней (племен, союзов племен, племенных объединений, этнополитической общности) сложившуюся народность в источниках, на страницах которых мелькают многочисленные наименования родов и племен. Но уже можно видеть, что в указанные полтора-два столетия племена, обитавшие в Восточном Дашт-и Кипчаке и Семиречье, сплочены государственно-территориальной общностью (население Центрального, Северо-Восточного и Южного Казахстана — в Ак-Орде, затем частью и в ханстве Абулхайр-хана; население Юго-Восточного Казахстана — в Могулистане, наряду с киргизами), что эти племена объединены языковой общностью [20] — тюркским языком в основном кипчакской группы, хотя и не без некоторых диалектных различий в отмеченных выше районах (языковая общность формируется, как известно, вместе с этнической общностью — народностью [21]), что они имеют в целом общий тип материальной и духовной культуры, быта [22], что для них характерен тип хозяйства, основанный на сочетании кочевого и полукочевого скотоводства с земледелием при определенном развитии оседлости не только на территории Южного Казахстана и Западного Семиречья, но и в долинах рек, озер на остальной территории Казахстана [23]; что возникала определенная «экономическая общность» внутри этих районов и между ними, обеспечивающая торговый обмен между разными группами населения. Можно видеть, что в указанный период перед нами

---

[20] **Аманжолов С. А.** Вопросы диалектологии и истории казахского языка, ч. 1, 1959; **Курышжанов А. К.** Язык старокыпчакских письменных памятников. Автореф. дис. на соиск. учен. степени доктора филолог. наук. Алма-Ата, 1973, с. 51—52.

[21] **Бромлей Ю. В.** Этнос и этнография, с. 58.

[22] **Ибрагимов С. К.** «Михман-нами Бухара» Рузбехана как источник по истории Казахстана XV—XVI вв.— «Труды ИИАЭ АН КазССР», 1960, т. 8, с. 149—157.

[23] **Маргулан А. Х.** Из истории городов и строительного искусства древнего Казахстана. Алма-Ата, 1950.

предстает качественно новый этнический массив (а не простая сумма родов и племен), сознающий свою этническую общность, и это проявлялось в легкости перемещения, взаимопроникновения отдельных родовых групп и частей племен. Особенно отчетливо это проявилось во второй половине XV в. при образовании Казахского ханства, постепенном закреплении за народностью этнонима *казахи* и названия территории *Казахстан*[24], впервые отмеченного в первой половине XVI в. Зайн ад-Дином Васифи для территории Западного Семиречья. Сознание своего этнического единства отразил формировавшийся народ в творениях эпоса, время сложения которого относится как раз к последним столетиям. Археологические материалы Отрара конца XV — начала XVI в. также убедительно говорят о сложении казахской народности в предшествующий период, т. е. ко второй половине XV в.

То, что уже в XV в. авторы оперируют этнонимом *казахи,* говорит о том, что появился этот термин и тем более общность, которую он означал, раньше. Процесс сложения народности длительный, завершение его падает на XIV — первую половину XV в., т. е. на период укрепления Ак-Орды при ханах Ерзене, Урусе, Бараке и на время независимого существования Могулистана. Выход казахской народности из состава Ак-Орды и Могулистана (а также ханства Абулхайра и Ногайской Орды) во второй половине XV — начале XVI в., фактически уже сложившейся, хотя и в трех жузах, свидетельствует о том, что предпосылки для ее этнического вызревания существовали намного раньше образования этих государств, что государственные границы монгольских улусов, а затем и упомянутых государств, рассекли на части складывавшуюся крупную тюркоязычную народность, что окончательное формирование ее было задержано монгольским нашествием, деформировавшим естественный ход этнического процесса и во многом обусловившим факт завершения формирования казахской народности в указанное вре-

---

[24] **Зайн ад-Дин Васифи.** Бадаи‘ ал-вакаи‘. — Материалы по истории казахских ханств. Алма-Ата, 1969, с. 180, 519.

мя в виде трех этно-хозяйственных, этно-политических подразделений — трех жузов.

Упоминания о жузах в источниках и исторической литературе многочисленны, но все они относятся к позднему времени [25], так же как и многочисленные суждения о них в исторических, лингвистических работах последних лет [26] (С. Аманжолов, Х. М. Адильгиреев, М. Б. Ахинжанов, С. К. Ибрагимов, В. В. Востров, М. С. Муканов, В. П. Юдин, Б. Е. Кумеков, Т. И. Султанов и другие исследователи). Однако до сих пор проблема казахских жузов, причины и время их образования, их социально-этническая сущность наряду с проблемой формирования казахской народности остается наименее разработанным аспектом истории казахстанского средневековья. Не касаясь здесь столь сложных проблем (сказанное на этих страницах подчинено лишь необходимости пояснить примерную схему [27] этнического формирования казахской народности именно на том ее этапе, когда составившие казахский народ роды и племена входили в Ак-Орду и Могулистан; это необходимо для того, чтобы можно было выявить, во-первых, как ход этнического процесса влиял на образование Казахского ханства, а, во-вторых, уточнить место в процессе формирования казахской народности населения Юго-Восточного Казахстана, более столетия находившегося в составе Могулистана), подчеркнем лишь только, что длительное пребывание племен и пле-

---

[25] **Рычков П. И.** История Оренбургская. Оренбург, 1896, с. 70; **Георги И. Г.** Описание всех обитающих в Российском государстве народов, т. II. Спб., 1799, с. 119—126; **Левшин А. И.** Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей. — «Этнографические известия», т. III, 1832; **Вельяминов-Зернов В. В.** Исследование о касимовских царях и царевичах, ч. 2. Спб., 1864; **Аристов Н. А.** Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности. Спб., 1896; **Валиханов Ч. Ч.** Киргизское родословие. Собр. соч., т. I. Алма-Ата, 1961, с. 203—218 и др.

[26] Анализ дан в кн.: **Востров В. В., Муканов М. С.** Родоплеменной состав и расселение казахов. Алма-Ата, 1968; **Муканов М. С.** Этнический состав и расселение казахов Среднего жуза. Алма-Ата, 1974.

[27] **Дахшлейгер Г. Ф.** Указ. работа, с. 65; **Востров В. В., Муканов М. С.** Родоплеменной состав..., с. 20—23; **Муканов М. С.** Этнический состав..., с. 23—26.

менных объединений Казахстана, формировавшихся в народность, в трех (с учетом части племен в Ногайской Орде) государствах, в свою очередь, вслед за монгольскими улусами, закрепило складывавшееся издавна деление формировавшейся народности на жузы.

Естественно-географическая обусловленность появления жузов, связанная, по мнению исследователей [28], с обширностью территории расселения древних протоказахских племен и народностей Казахстана, замкнутостью хозяйственно-производственного цикла на определенной территории традиционных кочевий и тяготением отдельных регионов к ближайшим рынкам (племена Юго-Восточного Казахстана, т. е. Старшего жуза,— к Средней Азии и отчасти к Восточному Туркестану; племена Северо-Восточного и Центрального Казахстана, т. е. Среднего жуза,— к Средней Азии; племена Западного Казахстана, т. е. Младшего жуза — к ханствам Поволжья и Русскому государству) [29], была усилена самим ходом истории Казахстана XIII—XV вв., а именно вхождением этих территорий в разные государственные образования — сначала в монгольские улусы Джучи и Чагатая, затем в государства Ак-Орду, ханство Абулхайра, Могулистан, Ногайскую Орду. То, что фактор политической обособленности районов Казахстана имел большое значение в возникновении трех жузов, отметил М. П. Вяткин [30]. Анализ фактического материала подтверждает, что длительная политическая и государственная разобщенность формировавшихся в народность этнически близких племен оказала большое влияние на ход этнической истории. Она определила тот исторический факт, что

---

[28] **Бартольд В. В.** История изучения Востока в Европе и России. Собр. соч., т. VI. М., 1965, с. 512; **Вяткин М. П.** Очерки по истории Казахской ССР. М., 1941, с. 99; История Казахской ССР. Алма-Ата, 1957, с. 148, 149. На односторонность объяснения причин образования жузов только экономико-географическим фактором указал Востров В. В. (Указ. работа, с. 14).

[29] История Казахской ССР, т. I. Алма-Ата, 1957, с. 143—150; **Востров В. В., Муканов М. С.** Родоплеменной состав..., с. 21, 22.

[30] **Вяткин М. П.** Очерки по истории Казахской ССР. М., 1941, с. 99.

процесс этнической консолидации населения Ак-Орды и основного населения ханства Абулхайра означал формирование тюркского и тюркизированного населения Центрального, Северо-Восточного и части Южного Казахстана в казахский Средний жуз, в то время как этническое сплочение населения Юго-Восточного Казахстана в рамках государства Могулистан закрепило формирование автохтонных тюркских и пришлых тюркизированных племен Семиречья в казахский Старший жуз (наряду со сплочением населения Прииссыккулья, долин и предгорий Тянь-Шаня в киргизскую народность).

Могла ли длительная государственная разобщенность отдельных частей формирующейся народности так сильно влиять на целостность ее этноструктуры? Как известно, в советской историко-этнографической литературе население государства, образующегося в пределах той или иной историко-этнографической области, называется этно-политической общностью. На длительном пути своего становления та или иная формирующаяся народность нередко оказывалась разобщенной в рамках разных феодальных государств, составляя отдельными своими массивами вместе с частями других народностей различные этно-политические общности. В условиях кочевого общества границы государств, как правило, не совпадали с границами этнического расселения подвижных при кочевом и полукочевом скотоводческом хозяйстве родов, племен и иных этнических подразделений, консолидировавшихся в народности и в рамках этих государств временно составлявших этно-политические общности. Несовпадение границ возникавших и исчезавших государств и этнического расселения родственных племен осложняло этническое сближение, так как политическое разделение мешало поддержанию и упрочению издавна складывавшихся хозяйственных, культурных, этнических связей. Это обстоятельство в значительной степени сказалось и на завершающем этапе (XIV—XV вв., не говоря уже о XIII в.) формирования казахской народности. Особенно выявилось оно ко второй половине XV в., когда начался упадок государств, сыгравших в

свое время большую роль в этническом, государственном развитии местного населения, и назрела объективная необходимость государственного объединения всех частей сформировавшейся народности.

Но поскольку та или иная этно-политическая общность на территории Казахстана не охватывала весь формировавшийся народ, а лишь его часть, то история казахской народности связана не только с Ак-Ордой и ее этно-политической общностью *узбеков, узбек-казахов,* затем *казахов.* Не все составившие казахскую народность племена входили только в Ак-Орду. Этническая история казахов связана также и с ханством Абулхайра и его этно-политической общностью *кочевых узбеков,* и с Ногайской Ордой и ее этно-политической общностью (казах. *ногайлы*), и, наконец, с Могулистаном и его этно-политической общностью (*могулы*). Следовательно, этническую и политическую историю складывавшейся народности казахов в XIV—XV вв. невозможно изучать, не зная истории Могулистана. Политическая, хозяйственная, социальная история племен Могулистана неразрывно связана с историей казахских племен Старшего жуза. Казахское население Семиречья и его сплочение в Старший жуз сыграли самую непосредственную роль в образовании Казахского ханства во второй половине XV в.

Этническое сплочение в Ак-Орде и внешне, и по существу протекало более отчетливо, чем в Могулистане. Нагляднее отражено оно и в источниках, поскольку первое государство — Ак-Орда — основывалось главным образом на базе этнически близких родов и племен кипчакского союза, тогда как второе — Могулистан — на политическом объединении двух общностей, казахского (уйсуньского) и киргизского, а временами и трех, включая уйгурское население Восточного Туркестана. Это затрудняло этническое развитие этих групп. В имеющихся источниках население Могулистана названо могулами, под которыми исследователи видят то этническую общность, то союз племен, а то и народность [31]. Однако под этим именем

[31] **Юдин В. П.** О родо-племенном составе могулов..., с. 58—61.

скрывались ведь и казахи Семиречья, и киргизы Тянь-Шаня, о чем свидетельствует не только родо-племенной состав могулов, но и прямое указание Мухаммад Хайдара, что киргизы тоже из племен могулов [32]. Отсутствие прямых указаний на то, что в Семиречье жили до откочевки Джанибека и Гирея *казахи*, привело к тому, что в то время как значительная роль Ак-Орды в процессе развития казахской народности и казахской государственности не ставится под сомнение, Могулистан, с одной стороны, еще не занял должного места в историографии проблем казахстанского средневековья, а с другой — казахи по отношению к району Семиречья все еще предстают в литературе как пришельцы, которые «прикочевывали» в этот район со стороны [33], в чем сказывается традиционное ошибочное следование за термином *казах* в поисках сложившейся народности, а не за этническими компонентами, составившими ее. В действительности же, как об этом говорит рассмотренный материал, весь ход этно-политической истории XIV—XV вв. на территории Казахстана был связан не только с политической, хозяйственной и социальной жизнью Ак-Орды, ханства Абулхайра, но и Могулистана, составными частями населения которого, особенно района Семиречья, были племена, известные чуть позже как ведущие в казахском Старшем жузе. Наряду с Ак-Ордой и ханством Абулхайра существование Могулистана — важный этап на сложном пути этнического и государственного объединения казахских племен. Развивавшиеся параллельно Ак-Орда и Могулистан уже в XIV в. обеспечили политическое вычленение формировавшихся в народность племен из конгломератных монгольских улусов, возникших в результате завоевания Казахстана и Средней Азии Чингиз-ханом. На своем этапе развития они содействовали преодолению отрицательных последствий монгольского завоевания, ускорили этнический процесс на территории Казахстана. Но не без влияния этих государств народность формировалась в трех жузах.

---

[32] Та'рих-и Рашиди, л. 85б; МИКХ, с. 216—217.
[33] История Киргизской ССР, т. 1, 1968, с. 209, 210.

Политическая разобщенность отдельных частей складывавшейся казахской народности в государствах Могулистан, Ак-Орда, Ногайская Орда повлияла на ход этнической истории казахов — она закрепила издавна определившееся в силу естественно-географической обособленности территорий древних этнических центров[34] разделение формировавшейся народности на жузы.

Возникнув на территории древних историко-этнографических областей — на территории расселения племен Кипчакского и Уйсуньского союзов, Ак-Орда и Могулистан в XIV—XV вв. сохранили основной этнический состав автохтонных племен древнего Казахстана. Этнической основой этих государств и Старшего и Среднего жузов казахов были одни и те же местные тюркские племена, занимавшие определенную этническую территорию, вокруг которых в течение веков в результате сложных этнических взаимосвязей сгруппировались местные и пришлые, родственные и неродственные, целые и осколочные, тюркские и тюркизированные (ассимилированные) племена, роды и их подразделения. Это говорит о закономерности возникновения Ак-Орды и Могулистана именно на отмеченных выше территориях древних этно-исторических областей Казахстана, о том, что определяющей этнической основой этих феодально-кочевых государств было автохтонное население.

Этнические ядра племенных объединений отличались большой устойчивостью и пребывали на своей исконной территории и в период Ак-Орды и Могулистана. Так, кипчаки постоянно были основным населением центральной части древнего и средневекового Казахстана, оставаясь цементирующей основой формировавшейся на протяжении веков народности. Они были таковыми не только в собственно кипчакском государственном объединении XI—XIII в., но и в восточной части Золотой Орды (любопытно, что войско Бату-хана названо в источнике кипчакским — монголы, как известно, включали в свои войска конные от-

[34] **Востров В. В., Муканов М. С.** Родо-племенной состав..., с. 22.

ряды покоренных кочевников; примечательно также, что арабские авторы XIV в. Ал-Асади, ал-Фурат, ал-Айни и другие называли владетелей Золотой Орды царями кипчаков [35]), а также в Ак-Орде, объединившей в XIV в. улусы Орда Иджена и Шайбана. Источники называют кипчаков и среди племен так называемого государства кочевых узбеков — ханства Абулхайра [36], наконец, они составили значительную часть казахского Среднего жуза [37]. Не случайно на протяжении веков огромная территория во всех восточных источниках называется Кипчакской степью (Дашт-и Кипчак). Тот факт, что почти все племена, зафиксированные позже в составе Среднего жуза, входили в состав кипчакского войска Бату, в том числе аргыны и киреи, упоминающиеся также и среди подданных хана Могулистана, подтверждает мысль о том, что во многих случаях под именем *кипчак* нужно видеть не только собственно племя кипчак, но и воспринимать этот термин в собирательном значении, относящемся к союзу племен, этно-политической общности во главе с кипчаками.

Многовековая устойчивость названных племенных объединений говорит, во-первых, об автохтонности составлявших их частей, родов, племен и, во-вторых, о стабильности, непрерывности в целом (несмотря на все внешние помехи в виде агрессий, войн, разрывов сложившихся связей) процесса формирования казахской народности.

Устойчивость Ак-Орды (а власть потомков наиболее видных ее ханов Уруса и Барака сохранялась в южных районах Ак-Орды и после 20-х гг. XV в., когда на остальной территории выделилось несколько феодальных улусов, наиболее крупным из которых было ханство Абулхайра [38]) объясняется тем, что в ее осно-

---

[35] Бахр ал-асрар, л. 83б; СМИЗО, т. I. Извлечения из сочинений арабских. Спб., 1884, с. 364, 442, 448—452, 516 и др.

[36] Бахр ал-асрар, л. 132б—133а; **Иванов П. П.** Очерки по истории Средней Азии. М., 1958, с. 20—21, 39; **Ахмедов Б. А.** Государство кочевых узбеков, с. 16.

[37] **Муканов М. С.** Этнический состав..., с. 53—58.

[38] **Ахмедов Б. А.** Государство кочевых узбеков, с. 43—48; История Узбекской ССР, т. I, с. 503.

ве лежала этническая прочность фактически сформировавшейся народности в одной из ее крупных частей — Среднем жузе, вычленение которого можно видеть уже в Ак-Орде. Многочисленность феодальных владений, улусов, государственных новообразований, неустойчивость границ даже наиболее крупных из них — не столько результат отсутствия этнической общности населения, сколько слабости феодального государства, следствие феодальных усобиц, децентрализаторской политики удельных правителей, недостаточности хозяйственных связей в феодальном, особенно кочевом, обществе.

Можно ли, однако, соотнести предположение о фактическом вычленении Среднего жуза уже в рамках Ак-Орды и ханства Абулхайра, а равно и Старшего жуза в рамках Могулистана с известным по источникам и литературе названием населения этих государств — *узбеки, кочевые узбеки* (соответственно — с названием *могулы* в Юго-Восточном Казахстане)?

Политические объединения Восточного Дашт-и Кипчака XV в. — многие мелкие улусы первой четверти XV в. и крупные, такие, как Ак-Орда, ханство Абулхайра, Ногайская Орда, Средний и Младший жузы Казахского ханства, —имели фактически одинаковый этнический состав. В них входили в тех или иных пропорциях части одних и тех же тюркских и тюркизированных племен, почти не различавшихся в культурно-бытовом, языковом, хозяйственном отношении[39]. В источниках среди подданных различных джучидов, нередко враждовавших между собой, упоминаются эмиры, беки и другие представители феодально-кочевой верхушки, родо-племенная принадлежность которых была одной и той же. Наиболее часто в источниках называются представители таких крупных племен, как кипчак, найман, кунрат, карлук, уйсин (уйсун, уйшин), керей, мангыт. Упоминаются также выходцы из менее значительных племен и родов: буркут, кият, кошчи, утарчи, джат, чимбай,

[39] История Казахской ССР, т. I, с. 139; **Иванов П. П.** Очерки по истории Средней Азии, с. 39, 40.

кенегес, дурман, курлаут, тангут, уйгур, хитай, таймас, шадбаклы, шункарлы, уйрат, маджар и др.[40] Все это — тюркские и тюркизированные племена и роды, общие для тюркских народов Средней Азии и Казахстана, известные по позднейшим спискам 92-х кочевых «узбекских» племен[41], разбросанные и перемешанные на огромной территории Среднеазиатско-Казахстанского региона бурными событиями XIII—XIV столетий (монгольским нашествием и междоусобицами в Джучидском и Чагатайском улусах).

С 50—60-х гг. XIV в. племена, населявшие Ак-Орду, т. е. территорию Восточного Дашт-и Кипчака, стали называться все чаще вместо кипчаков *узбеками*. В исторической литературе последних лет определилось вполне обоснованное мнение, что название *узбеки* употреблялось в то время, в XIV и XV столетиях, как собирательное, политическое имя для обозначения местных тюркских и ассимилированных монгольских племен Восточного Дашт-и Кипчака, а не как этноним. Эту точку зрения разделяет академик Б. Г. Гафуров[42]. То, что название *узбеки* не было в этот период в Восточном Дашт-и Кипчаке этнонимом, отчетливо видно из объяснения, данного весьма информированным автором начала XVI в. Рузбеханом Исфахани[43]. Он относил к узбекам «три народа», три группы племен (*таифе*), разделенных не только политической ориентацией, но и давней традицией обособленности этнического развития: Шайбанидов, т. е. часть восточно-кипчакских племен, или их подразделений, вожди которых подчинялись Мухаммаду Шайбани, и собственно «казахов», под которыми он понимал подданных ка-

---

[40] **Мас'уд бен Усман Кухистани.** Тарих-и Абу-л-Хайр-хани, л. 312а, б, 315а и др.; **Камал ад-Дин Бинаи.** Шайбани-наме, л. 1б, 3а и др.; МИКХ, с. 96—98, 143—144, 146.

[41] Материалы по истории киргизов и Киргизии. М., 1973, вып. 1, с. 202, 210—216.

[42] **Семенов А. А.** К вопросу о происхождении и составе узбеков Шайбани-хана. — МИТУСА, 1954, вып. 1, с. 22—31; **Ибрагимов С. К.** Еще раз о термине *казах*. — «Труды ИИАЭ АН КазССР». Алма-Ата, 1960, т. 8, с. 66—71; **Ахмедов Б. А.** Государство кочевых узбеков, с. 11—17; **Гафуров Б. Г.** Таджики, с. 547—548.

[43] **Рузбехан Исфахани.** Михман-наме-йи Бухара, л. 22б.

захских ханов, кочевавших на огромных просторах от Итиля (Волги) до Сырдарьи[44], т. е. без казахских племен Семиречья. К узбекам же отнес автор «Михман-наме» и мангытов — ту часть населения Ногайской Орды, которая жила на территории Западного Казахстана и предводители которой на рубеже XV—XVI вв. вмешивались в борьбу казахских ханов и Шайбанидов за власть в Дашт-и Кипчаке (впоследствии длительное время сохранялось традиционное название этой части казахских племен как *ногайлы,* а время союзных отношений «двух родных орд ногаев и казахов» при Джанибек-хане, по сообщению Ч. Ч. Валиханова[45], воспевалось в эпосе как «золотой век»).

По сути дела, за этими тремя группами племен *узбеков* Рузбехана Исфахани, который констатировал сложившееся ранее положение, но как выразитель политики Мухаммада Шайбани хотел бы по-прежнему аттестовать жителей степи как подданных узбекского хана-шайбанида, просматриваются этно-политические группировки, вычленившиеся в два казахских жуза — Средний и Младший и группу племен и родов (или части их), поддерживавшую Мухаммада Шайбани, ушедшую с ним в Мавераннахр и унесшую туда название *узбек.* Число его сторонников было невелико[46], и как раз это обстоятельство долгое время не давало возможности Мухаммаду Шайбани овладеть городами Присырдарьи, не говоря уж о том, что ему не удалось захватить власть в бывших владениях Абулхайр-хана в Дашт-и Кипчаке. Казахский Старший жуз, судя по географической ориентации кочевий упомянутых Рузбеханом Исфахани казахов, был вне рассматриваемых им сведений (на казахов Семиречья собирательный термин «узбек» никогда не распространялся).

---

[44] Там же, л. 71б; **Ибрагимов С. К.** Михман-наме-йи Бухара Рузбехана как источник..., с. 152—157.

[45] **Валиханов Ч. Ч.** Киргизское родословие. Собр. соч., т. I, с. 218.

[46] **Султанов Т. И.** Этнический состав казахов и казахско-узбекские межэтнические связи в XV — начале XVI в. по письменным источникам. — В кн.: Этнические и культурные связи народов СССР. Алма-Ата, 1976, с. 96, 97.

В целом в той этно-политической общности населения Ак-Орды и ханства Абулхайра, которую называли узбеками, можно видеть складывавшуюся большую ветвь тюркоязычной народности. В ходе завершения процесса формирования этой ветви в XIV—XV вв. постепенно выявилось через трансформацию собирательных этно-политических терминов *кипчак*, *кибчак* (قبچاق، پچاق), *узбек* (اوزبك), *узбек-казак* (اوزبك قزاق), *казак* (قزاق) — и утвердилось этническое название *казахи* (казак قزاق). Менялись династии, каждая из которых утверждала свою джучидскую линию правления, поддерживаемую той или иной группой родовичей и племенных вождей, но, по существу, в Ак-Орде и ханстве Абулхайр-хана уже была государственность формировавшейся казахской народности. Эти государства, как и Могулистан в Юго-Восточном Казахстане и Киргизстане, возникли на автохтонной основе; каждое из них охватывало большую или меньшую часть этнической общности. При этом часто население переходило из одного династийного подданства в другое. Особенно легко это осуществлялось в условиях кочевого и полукочевого хозяйства, что мешает видеть фактически сложившуюся этническую целостность населения. Уход части (или частей) племен и родов Восточного Дашт-и Кипчака на рубеже XV—XVI вв. в Мавераннахр, присоединение отдельных родов в середине XVI в. (после падения Астраханского и Сибирского ханств), возвращение в 20—30 гг. XVI в. отдельных групп, уведенных в Кашгарию в 1514 г. из Семиречья (об их огромном желании вернуться на родину много пишет Мухаммад Хайдар[47]) лишь изымали или доставляли отдельные группы, а основной контингент сложившейся народности оставался на месте и был вполне определившимся уже ко второй половине XV в.

Сочинения Мас'уда бен Усмана Кухистани, Камал ад-Дина Бинаи, Шади, Мирзы Мухаммад Хайдара, Махмуда бен Вали и других авторов (см. МИКХ), по-

[47] Та'рих-и Рашиди, л. 79б—83б; МИКХ, с. 214—216.

вествующих о событиях середины XV — начала XVI в., насыщены сведениями о борьбе ханов различных джучидских линий (Шайбанидов, потомков Орда-Иджена, Туга-Тимура и др.) за власть над одним и тем же населением Восточного Дашт-и Кипчака и Туркестана, называемым в источниках то *узбеками*, то *узбек-казахами*, то *казахами*, но фактически сложившимся в народность в одной из ее крупных частей — Среднем жузе. И если в источниках начала XVI в. к населению Восточного Дашт-и Кипчака все более определенно применяется имя *казахи*, то это говорит не о том, что только к этому времени сложилась народность, и не о «возвращении» «казахов» из Семиречья после ухода «узбеков» в Мавераннахр[48] (ведь *узбеками, узбекским войском* — «кошунат-и узбак» — называли источники[49] и уходивших к Джанибеку и Гирею в Семиречье, т. е. подданных Абулхайр-хана), а всего лишь о переходе политической власти над населением Восточного Дашт-и Кипчака и Туркестана (Присырдарьи) к ханам ак-ордынской линии Джучидов, получившим уже до этого скорее политическое, чем этническое имя казахов. Поскольку в Мавераннахр ушла не основная масса подданных Абулхайр-хана, среди которых Мухаммад Шайбани так и не смог утвердить свое влияние, население после всех этих династийных перемен, по существу, не изменилось со времени Ак-Орды и ханства Абулхайра. Отличием было лишь то, что расширился контингент подданных ханов победившей линии Джучидов, нашедших опору в населении большей части Семиречья, которое до того было в подданстве ханов Могулистана.

Кто же населял в XIV—XV вв. Юго-Восточный Казахстан? Можно ли говорить о «водворении» казахов в Семиречье сначала во второй половине XV в. (при откочевке Джанибека и Гирея), затем в первой трети XVI в. (при Касым-хане, Тахир-хане)?

Еще Ч. Валиханов справедливо критиковал К. Рит-

---

[48] История Казахской ССР, т. I, с. 140—142; Султанов Т. И. Некоторые замечания о начале казахской государственности. — «Известия АН КазССР, сер. обществ. наук», 1971, № 1, с. 54—57.

[49] Бахр ал-асрар, л. 124б; МИКХ, с. 353.

тера и И. Г. Георги, смешивавших казахов Большого (Старшего) жуза (Орды) с бурутами (киргизами) и не относивших их к одному казахскому народу вместе со Средним и Младшим жузами [50]. До сих пор встречается мнение о своего рода «казахском вакууме» в Семиречье, о киргизских владениях в «Или-Иртышском междуречье» [51], об отсутствии «казахов» в Семиречье вплоть до прихода сюда Джанибека и Гирея с их подданными казахами и о последующем уходе казахов в «Юго-Западные районы Казахстана» [52], а затем о переселении в Семиречье казахов Тахир-хана. Однако в источниках в этих случаях речь идет лишь о казахских правителях, ханах, а не о народе, который конечно же никуда не исчезал, как это можно было бы понять из сообщения Мухаммад Хайдара [53]. «Исчезали», теряли власть ханы, метавшиеся в перипетиях феодальных усобиц отдельные представители феодально-кочевой знати, а народ в основном оставался на месте. Новейшие работы казахстанских историков, археологов и этнографов дают доказательный ответ на поставленные вопросы: основные племена казахского Старшего жуза являются автохтонными обитателями Семиречья.

Объединение племен в Юго-Восточном Казахстане в целом также было устойчивым. Население этого района, входившее в Могулистан в XIV—XV вв., играло большую роль в процессе формирования казахской народности. При изучении политических событий, хозяйственного положения и социальных отношений в Семиречье в указанные столетия мы встречали упоминания о ряде представителей правящей верхушки, кочевых и оседлых феодалов — вождей различных племен. К сожалению, полных и конкретных сведений в первоисточниках о родо-племенном составе Могулистана, в частности Семиречья этих столетий, нет. Данные отрывочны и разбросаны в сочинениях Низам

---

[50] **Валиханов Ч. Ч.** Собр. соч., т. I, с. 401, 402.
[51] **История Киргизской ССР**, т. I, с. 209 и др.
[52] **Султанов Т. И.** Указ. работа, с. 55.
[53] Та'рих-и Рашиди, л. 46б; МИКХ, с. 195.

ад-Дина Шами, Шараф ад-Дина Йазди, Му'ин ад-Дина Натанзи, Мухаммад Хайдара-мирзы и др. Эти сведения собраны В. П. Юдиным, им же показано место родов и племен Могулистана в составе казахов, киргизов, уйгуров [54]. Исторические данные о племенах Старшего жуза казахов проанализировал В. В. Востров [55]. Сопоставление соотношения племен Семиречья в составе Могулистана и племен Старшего жуза говорит об общности их этнического состава.

В числе крупных племен Могулистана фигурируют дуглаты, канглы (бекчики), кераиты, аргинуд (аргенуд, аркенуд), арлаты, барласы и другие. Часть из них (баарин, кушчи, балыкчи и др.) известна как этнический компонент киргизского народа [56]; другие племена, обитавшие в северной части Могулистана — Семиречье (дуглаты, канглы, кераиты, аргинуд — исследователи в последнее время склоняются к мнению, что это аргыны), — входили в состав Старшего и Среднего жузов [57]. Причем те племена, которые были ведущими в Могулистане (дуглаты, канглы и др.), считаются основными наряду с жалаирами и сары-уйсин и в Старшем жузе. К наиболее крупному племени — дулатам—близки еще и суаны, албаны, в средневековье, очевидно, выступавшие под общим именем дуглатов. Имеющиеся в источниках сведения о племенах Семиречья времени Могулистана, а также данные, обобщенные в работах указанных авторов, дают возможность предположить фактическое обособление и Старшего жуза в XIV—XV вв., т. е. уже в составе Могулистана.

Определилось мнение, что дуглаты Могулистана, а через них и дулаты казахского Старшего жуза этнически связаны с народом *дулу*, составлявшим

---

[54] **Юдин В. П.** О родоплеменном составе могулов..., с. 52—65.

[55] **Востров В. В., Муканов М. С.** Родо-племенной состав..., с. 23—56.

[56] **Абрамзон С. М.** Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Л., 1971, с. 26—52.

[57] **Востров В. В., Муканов М. С.** Родо-племенной состав..., с. 29, 56—60, 67—72; **Юдин В. П.** О родоплеменном составе могулов..., с. 59. Хотя и среди киргизов имеются этнические группы *дулат, керейит, канглы (канды)*, но основная часть входит в состав казахов.

в раннее средневековье прочное политическое объединение на территории Семиречья. Оставались дулу на своей этнической территории и в последующее время — в государствах карлуков, караханидов, каракитаев, потеряв лишь на время политический приоритет. После монгольского нашествия этногенетические преемники дулу — дуглаты — населяли восточную часть Чагатайского улуса [58]. В ходе междоусобиц и феодальной борьбы в улусе родо-племенная верхушка дуглатов постепенно восстановила свое могущество к середине XIV в. и выступила за государственное обособление восточной части Чагатаидского государства; в дальнейшем она долгое время играла ведущую роль в Могулистане [59]. Казахи Старшего жуза племени дуглат в поздние века обитали на территории Верненского, Чимкентского и Аулие-Атинского уездов, причем на территорию двух последних уездов, т. е. на берега Чу, Таласа и Келеса, они отодвинуты как будто джунгарами [60], но на этих же землях — в долинах и междуречьях Или, Чу и Таласа — зафиксирована часть улусов дуглатских предводителей в изучаемые два столетия (например, многочисленные улусы эмира Камар ад-Дина, крупной политической фигуры в истории Могулистана [61]), а археологические материалы из Отрара и Отрарского оазиса подтверждают их пребывание и на этой территории в XV в. [62]. В то же время другая часть дуглатской феодальной верхушки во главе с улусбеком владела Аксу и Кашгаром, но их многочисленные подвластные роды кочевали и в Прииссыккулье, и в Семиречье. Оставаясь в период Могулистана на своей древней территории, дуглаты составили важнейшую часть Старшего жуза казахской народности в целом.

---

[58] **Мирза Мухаммад Хайдар дуглат.** Та'рих-и Рашиди. Рук. 1430, л. 8а, 9б и др.

[59] Та'рих-и Рашиди, ч. 1.

[60] **Востров В. В., Муканов М. С.** Родо-племенной состав..., с. 124, 154, 158, 159.

[61] **Йазди.** Зафар-наме, л. 79б; Тарих-и Рашиди, л. 24а.

[62] **Ахинжанов С. М.** К вопросу о знаках на керамике позднесредневекового Отрара. — В кн.: Древности Казахстана. Алма-Ата, 1975, с. 57.

Древние обитатели западного Семиречья, склонов Каратау и бассейна Средней Сырдарьи канглы были также одним из значительных племен Могулистана и Ак-Орды [63] и важнейшей составной частью Старшего жуза [64]. Как и кипчаки, дуглаты и уйсуни, канглы сохранили в основном этническую целостность на своей древней территории и сыграли большую роль в казахском этногенезе [65]. На протяжении всей истории Могулистана канглы (они назывались здесь также именем *бекчики* [66], пожалованным им за оказанные Бекчиком канглы услуги при возведении Тоглук-Тимура ханом и употреблявшимся, очевидно, лишь среди знати и верхушки в официальных хрониках) играли определенную роль в политической жизни. В период усиления феодальной раздробленности после Вайс-хана (в 30-х гг. XV в.) предводители канглы-бекчиков упорно стремились закрепить свою самостоятельность [67]. Западные ветви канглы — присырдарьинские и чу-таласские — могли быть в основе объединения казахов при Джанибек-хане и Гирей-хане, которые имели прочное влияние в районах расселения канглы — как в Южном Казахстане во время их оппозиции Абулхайр-хану, так и после откочевки в западные районы Семиречья.

Значительное место в источниках отведено кераитам. Предводители кераитов оказывали содействие первому хану Могулистана Тоглук-Тимуру, стремившемуся подчинить Мавераннахр [68]. Границы их расселения в этот период определить трудно, так как эта крупная тюркоязычная племенная группа была разбросана в результате монгольского завоевания и войн

---

[63] **Бинаи.** Шайбани-наме, л. 5б; МИКХ, с. 101, 102, 194, 196 и др.

[64] **Востров В. В., Муканов М. С.** Родо-племенной состав..., с. 33—35.

[65] **Аристов Н. А.** Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности. — «Живая старина», 1896, вып. III—IV, с. 120.

[66] **Йазди.** Зафар-наме, л. 95б; Та'рих-и Рашиди, л. 8б, 9б; **Юдин В. П.** О родо-племенном составе могулов..., с. 53, 59.

[67] Та'рих-и Рашиди, л. 45а, 48а; МИКХ, с. 194, 196.

[68] Там же, л. 8б.

XIII—XIV столетий на территории Западной Монголии, Алтая, Казахстана. В источниках отмечено, что кераиты обитали на территории северо-восточного Семиречья в районе Тарбагатая (в Лепсинском уезде кереи сохранились и в последующие века), по левобережью Или (в район Алмалыка против кераитов посылал войска эмир Тимур, предпринявший ряд захватнических походов в Семиречье), а также в районе Йангы-Тараза [69]. Известную роль в жизни Могулистана играли представители такой крупной этнической группы, как аргыны. Так, Хаджи-бек аргын назван в составе участников похода (вместе с его аймаком) Тоглук-Тимура в Мавераннахр, позже он участвует в событиях, связанных с борьбой Камар ад-Дина дуглата за власть в государстве [70]. Аргыны были давними обитателями Семиречья на обширной территории от р. Эмиль и Тарбагатай до р. Каратал и далее на запад до Сайрама [71]. Как и кереи, не все аргыны ушли из Семиречья, в последующие времена отдельные их группы жили в Аулие-Атинском уезде по правому берегу р. Чу среди родов Старшего жуза [72].

Среди племен Могулистана в привлеченных источниках не упомянуты уйсуни и жалаиры. Возможно, что те и другие не попали в имеющиеся сочинения авторов XV—XVI вв., которые не ставили перед собой цели дать этническую карту Семиречья, а представители феодальной верхушки этих племен не участвовали именно в тех событиях, которые нашли отражение в источниках (написанное дуглатом «Та'рих-и-Рашиди» отражает события, связанные с дуглатскими феодалами; тимуридские источники как источники «со стороны» являются далеко не полными и не всегда точными в отражении внутренней истории соседней страны). Возможно также, что эти племена обитали в тот период в

---

[69] Та'рих-и Рашиди, л. 23а; **Мирхонд.** Раузат ас-сафа. — В кн.: **Бартольд В. В.** Соч., т. II, ч. 2. М., 1964, с. 182; **Юдин В. П.** О родо-племенном составе могулов..., с. 52, 53; **Востров В. В., Муканов М. С.** Родо-племенной состав..., с. 135.

[70] Та'рих-и Рашиди, л. 85б, 25а и др.

[71] **Муканов М. С.** Этнический состав..., с. 47—50.

[72] **Востров В. В., Муканов М. С.** Родо-племенной состав..., с. 158.

Семиречье под другими названиями (как упомянутые выше канглы под именем бекчики). О том, что этническая преемственность в Семиречье сохранялась от древних усуней до сары-уйсуней казахского Старшего жуза говорит само название этого жуза — уйсун [73]. Доводы о непрерывности обитания в Семиречье такой крупной этнической общности приводят археологи [74]. Факт неоднократного упоминания родо-племенных групп уйшин (уйсин, ушин) в ханстве Абулхайра [75], в которых исследователи видят потомков древних усуней [76], говорит о том, что переименование этнических групп в течение веков было обычным явлением (а в данном случае, возможно, и о неточности фиксации авторами хроник или переписчиками рукописей), а также о распространенности явления перемещения отдельных кочевых и полукочевых групп из одного подданства в другое, а не о полном отсутствии потомков древних усуней в XIV—XV вв. в Юго-Восточном Казахстане.

О джалаирах сообщает Рашид ад-Дин. Он называет их среди выделенных Чагатаю четырех «тысяч» (*хазаре*) наряду с арлатами, барласами и каучинами [77]. Арлаты и барласы упоминаются и среди племен Могулистана, хотя основная масса барласов была в Мавераннахре. Джалаиры, находившиеся на северо-восточной окраине Мавераннахра в Фергане, часто вступали в контакты с племенами соседнего Могулистана и действовали на юге и юго-востоке Казахстана. Их предводители быстро перешли на сторону Тоглук-Тимур-хана при его вторжении в Мавераннахр, участвовали в мятежах против эмира Тимура, устанавливали связи с Урусом, ханом Ак-Орды, и Ка-

---

[73] **Валиханов Ч. Ч.** Киргизское родословие. Соч., т. I, 1961, с. 205, 206.

[74] **Акишев К. А., Кушаев Г. А.** Древняя культура саков и усуней. Алма-Ата, 1963, с. 4.

[75] Таварих-и гузида-йи нусрат-наме, л. 54б, 57б, 98а; Та'рих-и Абу-л-Хайр-хани, л. 315, 322а; МИКХ, с. 17, 22, 33, 145, 153.

[76] **Абрамзон С. М.** Киргизы и их этногенетические... связи, с. 30; **Востров В. В., Муканов М. С.** Родо-племенной состав..., с. 31.

[77] **Бартольд В. В.** История культурной жизни Туркестана. Соч., т. II, ч. 1, с. 264.

мар ад-Дином дуглатом, претендентом на власть в Могулистане [78]. Возможно, что джалаиры частично оставались в Семиречье еще со времен Чагатая, но растворились среди тюркской среды, как и барласы в Мавераннахре [79]. Они могли также возвращаться сюда во время упомянутых событий конца XIV в. (следует учитывать, разумеется, что нельзя воспринимать «тысячи», выделенные Чагатаю, буквально). Несомненно, присутствие жалаиров в казахском Старшем жузе связано и с отмеченными событиями, но основной состав жалаиров восходит к более раннему времени. В этой связи интересна подмеченная А. Х. Маргуланом связь между фактом наличия среди поздних казахских жалаиров родов чуманак (чуйские манаки) и сырманак (сырдарьинские манаки) и упоминанием в «Худуд ад-алам» (X в.) этнонима *манак* с привязкой его к этой территории [80], что подтверждает вероятность поглощения чагатаевских джалаиров местной средой и принятия этой средой их имени.

Как видим, Семиречье во время вхождения его в Могулистан в основном было населено автохтонными племенами. Этнический состав населения Семиречья XIV—XV вв. и в последующие столетия в основе своей идентичен составу племен Юго-Восточного Казахстана в домонгольское время, что свидетельствует об исконной принадлежности этой территории казахской народности. Как население Восточного Дашт-и Кипчака во времена Ак-Орды и ханства Абулхайра, так и население Семиречья периода Могулистана составляло вместе с киргизскими племенами тюркоязычную этнополитическую общность, носившую название *могулы* и состоявшую из многочисленных исторически сложившихся в этом районе этнических групп, племен и родов, в основном тюркских и немногочисленных монгольских, быстро ассимилированных сильной ав-

---

[78] **Йазди.** Зафар-наме, л. 96б; Та'рих-и Рашиди, л. 10б; The Tarikh-i Rashidi, p. 44—48.

[79] **Гафуров Б. Г.** Таджики, с. 546.

[80] **Маргулан А. Х.** Комментарий к работам Ч. Ч. Валиханова. Собр. соч., т. I. Алма-Ата, 1961, с. 628, 637, 638.

тохтонной средой. Эта древняя территория местных тюркских племен, составивших основу казахского Старшего жуза, совпадает с современной границей Казахской ССР. В составе Могулистана, через этно-политическую общность могулов все более обособлялись, выкристаллизовывались автохтонные и пришлые тюркские и тюркизированные племена в казахский Старший жуз, так же как и киргизские — в киргизскую народность. Коренное население Семиречья, будучи обособленной ветвью в составе населения Могулистана частью могульской этно-политической общности, формировалось в особое объединение не на основе племен Могулистана, т. е. не позже, а внутри государственной организации Могулистана в XIV—XV вв.

Казахские племена Старшего жуза XVI—XIX вв. в основе своей местные: главные племена, входящие в Старший жуз, издревле жили на территории Юго-Восточного Казахстана, сознавали свою этническую близость. Они входили в состав Западно-Тюркского каганата, государства карлуков, караханидов, оставались в основном на месте в Чагатайском улусе и после его распада (за исключением частичных перемещений, имевших место во время агрессий Чингиз-хана, эмира Тимура, ойратов (калмаков) и многочисленных феодальных усобиц; ушедшие роды и племена, как правило, возвращались в родные места) и в ходе этно-государственного развития в составе Могулистана сплачивались в особое объединение. В обособлении племен Старшего жуза, во все более утверждавшемся сознании этнического единства населения Семиречья с соседними казахскими племенами Среднего жуза заключается одна из главных причин (наряду с аналогичными процессами у киргизских племен Тянь-Шаня) ослабления и распада Могулистана во второй половине XV — начале XVI в. С откочевкой Джанибека и Гирея и последующими событиями 50—60-х гг. XV в. связано, как увидим ниже, не появление казахов в Семиречье, а установление союза родственных племен казахов Среднего и Старшего жузов.

Таким образом, можно сказать, что окончательное формирование и стабилизация состава племен жузов происходили параллельно с завершением длительного процесса сложения народности в период упрочения Ак-Орды и Могулистана.

Основное содержание этнической истории Казахстана того времени — завершение формирования народности, вычленение состава племен казахских жузов, продвижение племен и родов, дополнивших древние автохтонные этнические ядра, на их позднейшие территории, зафиксированные источниками XVII—XIX вв. Сложение народности — процесс длительный. Отдельные этапы, время его завершения нельзя привязать к какому-то десятилетию, как нельзя отнести к определенному отрезку времени и возникновение такой специфической черты этнической истории казахской народности, как деление ее на жузы, если понимать под последними не столько явление государственно-политическое (какими жузы стали, скажем, в XVIII в.), сколько этническое, если видеть в жузах этно-хозяйственную, этно-социальную специфику формирования казахской народности. Можно сказать, что к концу XV в., к рубежу XV—XVI вв. жузы пришли уже сложившимися [81], но их формирование и перераспределение, поляризация племен происходили в предшествующие столетия вместе с длительным процессом сложения народности, через этно-политические общности кипчаков, узбеков, ногайцев, могулов и одновременно с вхождением отдельных родов и подразделений, упоминавшихся выше, и многих других племен Восточного Дашт-и Кипчака и Семиречья в другие формировавшиеся тюркские народности (например, в Семиречье и на прилегающих к нему территориях от основных масс соплеменников оторвались отдельные группы дуглатов, канглы, кипчаков, найманов, кераитов и вошли в состав киргизов [82]).

---

[81] **Востров В. В., Муканов М. С.** Родо-племенной состав..., с. 22.

[82] **Абрамзон М. С.** Киргизы и их этногенетические... связи, с. 26, 27, 81—83.

Последующая консолидация казахской народности, активный процесс формирования которой в последние полтора-два столетия базировался на дальнейшем развитии феодальных отношений, затруднялась тем, что ее части входили в несколько политических образований — государств. Тормозили этот процесс и беспрерывные феодальные войны, и усобицы Джучидов и феодальной верхушки родов и племен, приводившие к потере производительных сил, экономическому упадку, разобщению племен, разрыву политических и хозяйственных связей. Со всей необходимостью вставала задача государственного объединения всех этнических групп, племен и родов, сформировавшихся в основном в народность. Эта задача могла быть решена с образованием в 60-х гг. XV в. Казахского ханства.

Образование Казахского ханства в Семиречье и распад Могулистана

Дальнейшее развитие и укрепление хозяйства, феодальных отношений и на их основе все более усиливавшаяся этническая и политическая консолидация казахских родов и племен Дашт-и Кипчака, Семиречья и Туркестана (Южного Казахстана), завершение длительного процесса сложения казахской народности и параллельного процесса формирования трех жузов явились объективными причинами, вызвавшими возникновение собственно-казахской государственности в виде Казахского ханства.

Казахское ханство возникло в Западном Семиречье в середине 60-х гг. XV в. Основателями его были потомки правителя Ак-Орды Урус-хана Гирей и Джанибек.

Из многочисленных проблем, связанных с образованием Казахского ханства, остановимся лишь на трех, имеющих непосредственное отношение к истории Юго-Восточного Казахстана исследуемого периода: место и время образования Казахского ханства в связи с откочевкой Джанибека и Гирея; взаимоотноше-

ния казахских ханов с правителями Могулистана; значение образования Казахского ханства для исторических судеб населения Семиречья и Могулистана в целом.

Рост социальных противоречий, все более возраставший феодальный гнет, рост экономического могущества феодально-кочевой знати, истоками которой была дальнейшая интенсификация феодальной эксплуатации подвластного населения, и усиление по этой причине ее стремления к политической независимости, к развязыванию феодальных усобиц как в Могулистане, так и в ханстве Абулхайр-хана привели во второй половине XV в. эти государства к развалу и упадку, с одной стороны, и к массовому недовольству, протесту против растущего гнета и эксплуатации кочевого и полукочевого населения Семиречья и Дашт-и Кипчака, с другой. Особенно тяжело отразилась на положении рядовых кочевников междоусобная борьба феодалов. Это недовольство, сопротивление народных масс феодальному гнету, тяготам феодальных междоусобиц и длительных войн, которые отрывали их от производительного труда, выливалось в характерную для кочевых государств средневековья форму классовой, антифеодальной борьбы — откочевку из-под власти правителей.

Выше были отмечены массовые откочевки населения из Могулистана в период феодальных усобиц в 30—40-х гг. После смерти Есен-Буга-хана в 1462 г. в источниках также отмечена серия откочевок из Могулистана, в том числе канглов из Семиречья в Дашт-и Кипчак к Абулхайр-хану. В 70—80-х гг. XV в. из-под власти могульского хана Йунуса ушла часть киргизских родов к Ахмад-Алаша-хану, казахских семиреченских — к казахским ханам Джанибеку и Гирею. Факты откочевок многочисленны. Но характер и последствия их различны. Откочевки были формой протеста против феодального гнета и внутриполитических неурядиц, фактором классовой борьбы, когда откочевывало эксплуатируемое население из-под власти феодала или главы феодального государства. Но нередко это были результаты междоусобной

феодальной борьбы, когда уходила от хана непокорная феодальная знать и уводила за собой зависимое население. Не все откочевки были массовыми по составу, размеру и не все приводили к значительным последствиям.

Наиболее ярким примером антифеодальной и одновременно династийной борьбы, имевшей значительные политические последствия, оказалась известная по «Та'рих-и Рашиди» Мухаммад Хайдара дуглата откочевка казахов Джанибека и Гирея, вызвавшая такое же множество споров в исторической литературе [83], как и по поводу места и времени возникновения Казахского ханства.

«История Казахской ССР» (изд. 1957 г.) время образования ханства и распространения власти казахских ханов на Дашт-и Кипчак определяет событиями, связанными с уходом кочевых узбеков во главе с Мухаммад Шайбани-ханом в Мавераннахр, что имело место, как известно, после 1500 г. Определяется оно и более поздней датой — после гибели Мухаммада Шайбани в 1510 г.: «После смерти Шайбани его преемники, занятые борьбой за власть, оторвались от степных районов. Это привело к тому, что власть на территории узбекского ханства постепенно перешла в руки казахских ханов и султанов. Казахские ханы возвратились из Семиречья на запад, откуда 50 лет назад бежали Джанибек и Гирей» [84]. Получается, что до 1510 г. казахские правители не имели власти на основной этнической территории казахов, хотя источники, как мы увидим ниже, не подтверждают этого.

Также не проясняет вопрос о возникновении и становлении Казахского ханства и «История Узбекской ССР» [85]. «На новом месте роды, покинувшие Абулхайра, образовали объединение, во главе которого стал Гирей.

---

[83] См.: Султанов Т. И. Некоторые замечания о начале казахской государственности. — «Известия АН КазССР, сер. общ. наук», 1971, № 1, с. 54, 55.

[84] История Казахской ССР, т. I. Алма-Ата, 1957, с. 142.

[85] История Узбекской ССР, т. I. Ташкент, 1955, с. 376.

В состав владений Гирея вошли выходцы из ханства Абулхайра, называвшиеся узбек-казахами, а затем — и просто казахами. Впоследствии, после ухода шайбанидов в Мавераннахр (т. е. после 1500 г. — *К. П.*), они возвратились в Приаральские степи и вместе с оставшимися там племенами и их подразделениями основали Казахское государство, охватившее значительную часть степей». Повторив эту мысль полностью в новом издании (1967 г.), авторы лишь добавили, что событие, по сообщению Мухаммад Хайдара, произошло в 1465 г. Дата указана правильно, но она не согласуется с характеристикой момента события, поскольку указывается, что Казахское ханство было основано только после возвращения казахов в Приаральские степи. Между тем дата Мухаммад Хайдара относится еще ко времени пребывания казахских ханов в Могулистане.

А. П. Чулошников также писал, что Казахское ханство образовалось на рубеже XV—XVI вв., приблизив тем самым факт образования к началу XVI в.[86] С. К. Ибрагимов, соглашаясь с А. А. Семеновым, что откочевка Джанибека и Гирея была лишь эпизодом в истории «узбек-казахов», относил окончательное оформление самостоятельного государства к еще более позднему сроку — к 30—40-м гг. XVI в., считая, что к концу XV в. выделилось лишь несколько феодальных владений во главе с сыновьями Джанибека и Гирея, которые затем положили начало отдельному кочевому государству с новым названием, т. е. Казахскому ханству [87].

Т. И. Султанов отмечает предварительность выводов С. К. Ибрагимова по ряду вопросов истории Казахстана

---

[86] **Чулошников А. П.** Очерки по истории казак-киргизского народа в связи с общими историческими судьбами других тюркских народов, ч. 1. Оренбург, 1924, с. 200—203; **Он же.** К истории феодальных отношений в Казахстане в XVII—XVIII вв. — «Известия АН СССР, отд. обществ. наук», 1936, № 3. М. — Л., с. 498.

[87] **Ибрагимов С. К.** К истории Казахстана в XV в. — «Вопросы филологии и истории стран советского и зарубежного Востока», с. 172, 175, 180; **Султанов Т. И.** С. К. Ибрагимов и его историко-востоковедческие исследования, с. 244.

XV в. и вполне обоснованно относит время образования Казахского ханства к более раннему периоду, хотя конкретизация этой даты временем «не ранее 70-х годов XV в.» представляется не совсем аргументированной, особенно предположение автора о месте возникновения ханства (на территории распавшегося ханства Абулхайра [88]).

Однако вернемся к вопросу об откочевке Джанибека и Гирея (называем ее так для краткости, хотя речь идет о переселении огромной массы кочевого и полукочевого населения). Подытоживая выводы историков о причинах возникновения Казахского ханства и оценки факта откочевки узбек-казахов, Г. Ф. Дахшлейгер пишет: «Пересматривалось также положение о причинах возникновения казахской государственности — казахских ханствах в XV—XVI вв. Историки отошли от традиционного объяснения — Казахское ханство возникло в результате откочевки из ханства Абулхайра нескольких родо-племенных групп казахов во главе с султанами Джанибеком и Гиреем в район Семиречья. Стали выясняться внутренние социально-экономические и политические факторы, обусловившие образование казахских ханств...» [89]. Совершенно справедливо, что истоки Казахского ханства, причины его образования — не откочевка Джанибека и Гирея, а ход хозяйственного, социального, политического развития населения средневекового Казахстана, в том числе этнической истории казахов. Но вместе с обоснованием этого вывода в последние годы наметилась тенденция принижения значения откочевки, что можно расценивать как вполне понятную реакцию на утвердившийся в дореволюционной русской и буржуазной литературе взгляд на откочевку как на начало казахского народа и казахской государственности. Полная антинаучность такого взгляда несомненна. Однако необходимо остановиться несколько подробнее на факте откочевки некоторых групп казахов в 50—60-х гг. XV в. из Дашт-и

[88] **Султанов Т. И.** Некоторые замечания о начале казахской государственности..., с. 57.

[89] **Дахшлейгер Г. Ф.** Историография Советского Казахстана. Алма-Ата, 1969, с. 66.

Кипчака в Западное Семиречье, так как, во-первых, она сыграла большую роль для истории Юго-Восточного Казахстана и Могулистана, а, во-вторых, как форма классовой борьбы она была все же важным звеном в цепи политических событий на пути образования Казахского ханства. Кроме того, как показано выше, до сих пор до конца не выяснен вопрос о месте и времени образования Казахского ханства, а он в какой-то степени связан с откочевкой казахов.

Междоусобная борьба Чингизидов и родо-племенной знати ослабляла государство Абулхайр-хана. Абулхайр жестоко расправлялся со своими противниками. Правнук могущественного правителя Ак-Орды Урус-хана Джанибек, сын известного хана Ак-Орды Барака, и его родственник Гирей (Кирай), сын Пулада, объединили вокруг себя многих Джучидов, зависимые от них родо-племенные группы кочевого и полукочевого населения казахских степей и во второй половине 50-х годов увели их за пределы ханства Абулхайра, в Могулистан. Известие об этом впервые появилось в «Та'рих-и Рашиди», откуда оно перешло во многие сочинения («Хабиб ас-Сийар» Хондемира, «Хафт Иклим» Амин Ахмада Рази, «Бахр ал-асрар» Махмуда бен Вали и др.), иногда с дополнениями и комментариями. «В то время в Дашт-и Кипчаке владычествовал Абу-л-Хайр-хан. Он причинял много беспокойства султанам джучидского происхождения. Джанибек-хан и Кирай-хан бежали от него в Могулистан, Исан-Буга-хан охотно принял их и предоставил им округ Чу и Козы-Баши [джайляу на Курдае и окрестные земли], которые составляют западную окраину Могулистана» [90]. Махмуд бен Вали подчеркивает, что Джанибек и Гирей отказались повиноваться Абулхайру и мотивировали свой отказ традицией наследования власти в степи Чингизидами, обеспечивавшей их право как потомков ханов Ак-Орды на власть в Дашт-и Кипчаке: «...некоторые из потомков Тукай-Тимура, сына Джучи-хана, например, Кирай-хан и Джанибек-хан... вышли из круга подчинения и повиновения. Отказавшись от унаследованной

---

[90] Та'рих-и Рашиди, л. 46а; МИКХ, с. 195.

[от предков] страны, они выбрали путь в Могулистан» [91]. С Джанибеком и Гиреем ушли многие джучидские султаны и представители родо-племенной верхушки.

Откочевка продолжалась в течение полутора десятилетий и особенно усилилась после смерти Абулхайра в 1468 г. и распада его государства: «В то время как они благоденствовали там, Узбекский улус после смерти Абулхайра пришел в расстройство; в нем начались большие неурядицы. Большая часть его [подданных] откочевала к Кирай-хану и Джанибек-хану, так что число [собравшихся] около них [людей] достигло двухсот тысяч человек» [92]. О том, что бегство недовольного политикой Абулхайра кочевого населения было не единичным актом, а длилось в течение многих лет, пишет Махмуд бен Вали: «Когда Джанибек-хан и Кирай-хан сделали длительную остановку на той территории [т. е. в Могулистане], каждый человек как из правителей, [так] и из подданных, кто начинал питать отвращение к Абулхайру, находил у них убежище» [93].

Откочевка части казахских племен и родов из Восточного Дашт-и Кипчака в Семиречье в 50—60-х гг. XV в. была, пожалуй, самой массовой; видеть в ней только феодальную междоусобную борьбу было бы неправильно, так как откочевывали не только ханские отпрыски различных линий Джучидов со своими ближайшими подданными, но и массы простых кочевников. В этой откочевке нужно видеть и форму классовой антифеодальной борьбы, о чем говорит массовость переселения кочевников и полукочевников, особенно на заключительном ее этапе. Хотя, конечно, нельзя преувеличивать значение откочевки как факта народной борьбы против эксплуататорских классов. Известно, что и в развитом феодальном обществе классовая борьба часто выступала в завуалированной форме. Не-

---

[91] **Махмуд бен Вали.** Бахр ал-асрар. Рук. ИВ АН УзССР, № 1375, л. 124а.

[92] Та'рих-и Рашиди, л. 46а, 51а—51б; МИКХ, с. 252.

[93] Бахр ал-асрар, л. 124б; МИКХ, с. 352.

довольство народных масс одна группировка феодальной знати использовала в борьбе против другой под девизом борьбы против «жестокого» правителя и с надеждой найти «доброго» покровителя (жестокостью хана объяснялась откочевка казахов от Тахира в 20-х гг. XVI в.).

В данном конкретном случае мы также ясно видим, что враждовавшие с Абулхайр-ханом султаны-чингизиды Джанибек и Гирей, боровшиеся против Шайбанидов за восстановление власти династии ханов Ак-Орды в Дашт-и Кипчаке, воспользовались недовольством народных масс. Сами по себе они не могли бы поднять на переселение такую массу народа. Преследуя свои классовые интересы, борясь за свои выгоды, за политическую власть своей династии, Джанибек и Гирей тем не менее объективно отражали стремление части казахской родо-племенной знати и консолидировавшегося народа к созданию самостоятельного государства.

Феодальные усобицы приводили к разобщенности племен Казахстана, затрудняли процесс их этнической консолидации в единую народность, вели к потере производительных сил, в том числе людских резервов, к экономическому упадку. Задача преодоления феодальной раздробленности, политической разобщенности частей казахского народа была актуальной.

Марксистская концепция развития общества признает, что на определенном этапе общественного развития классовые интересы господствующего класса могут совпадать с интересами народных масс. Так было, например, при образовании Ак-Орды и Могулистана, когда местная феодальная знать, захватившая власть в свои руки, тем самым способствовала государственному объединению местных тюркоязычных племен и возобновлению поступательного процесса формирования казахской народности. В рассматриваемом случае откочевка части казахских племен из Центрального и Южного Казахстана во главе с Джанибеком и Гиреем также способствовала политическому объединению этих племен с племенами Старшего жуза, образованию

Казахского ханства и в конечном счете консолидации казахской народности.

Массовая откочевка населения из владений Абулхайра — одна из причин развала его государства.

В Семиречье откочевавшие родо-племенные группы встретили родственное им тюркское и тюркизированное население: канглов, кереев, дулатов и других, т. е. казахов. Племена Дашт-и Кипчака и Семиречья были близки по языку, культурным традициям, образу жизни, и поэтому массовый переход родо-племенных групп из Центрального и Южного Казахстана не вызвал особой сложности в отношениях с местным населением.

Усилившиеся в связи с мощным притоком населения из Центрального и Южного Казахстана, а также за счет присоединившихся к ним некоторых местных родов и племен Джанибек и Гирей недолго оставались исполнителями воли своего покровителя могульского хана. Около 870 г. х. (1465—1466 гг.) они основали на территории Западного Могулистана, в Чу-Таласской долине и прилегающих районах собственно Казахское ханство.

Многочисленные данные свидетельствуют об основании Казахского ханства именно в Западном Семиречье, а не в Дашт-и Кипчаке. «После его [Абулхайр-хана] смерти его подданные пришли в состояние замешательства и разброда. Большое число людей присоединилось к Кирай-хану и Джанибек-хану, казахам... Всякий, кто только мог, ища безопасность и благополучие, уходил к Кирай-хану и Джанибеку-хану» [94]. Как видим, казахские феодальные владетели воспринимались современниками в качестве правителей самостоятельного ханства еще до окончательного распада государства Абулхайр-хана и до перехода власти в Центральном и Южном Казахстане в руки казахских ханов в последней трети XV в.

Отметим существенный, на наш взгляд, факт из истории Центрального и Южного Казахстана второй четверти XV в. Фактически власть потомков ханов Ак-Орды на части территории Казахстана (в Приаралье и

---

[94] Та'рих-и Рашиди, л. 51а, 174а; МИКХ, с. 198, 222.

в Присырдарье) не прерывалась после гибели Барак-хана в 1428 г. и захвата Абулхайром в том же году власти над частью племен Дашт-и Кипчака. Борьба его с Джучидами многих линий не прекращалась на протяжении всего времени правления, и власть его не распространилась на всю территорию Ак-Орды [95].

О том, что в первой половине XV в. вряд ли существовал союз всех узбекских племен, т. е. не все так называемые узбекские племена были объединены в одном государстве, писал еще А. А. Семенов [96]. Отмечает длительность борьбы Абулхайра с Джучидами — Джумадук-ханом, Махмуд-Ходжа-ханом, Ибак-ханом и другими, в том числе с потомками ханов Ак-Орды и родственников Барак-хана, Махмуд-ханом, Ахмад-ханом — и С. К. Ибрагимов [97]. Только в 1446 г. Абулхайру, с которым эти ханы сражались еще в 30-х гг. в Сырдарьинских степях около местности Икри-туп, удалось взять некоторые города: Аркук, Сыгнак, Сузак. Очевидно, не все города отбирал он у Тимуридов. Именно в этот период еще более обострились его отношения с потомками ханов Ак-Орды. Кроме того, нет сведений о распространении власти хана Абулхайра в низовьях Сырдарьи и в Приаралье и после 1446 г. Возможно, и здесь, и в районе части присырдарьинских городов были потомки Барака со своими подданными казахами, стесненными невозможностью совершать привычные перекочевки в меридиональном направлении из-за бесконечных войн Абулхайра с Джучидами. Откочевка казахов Джанибека и Гирея из этих районов произошла лишь 10 лет спустя, во второй половине 50-х гг.

Тот факт, что Джанибека и Гирея считала вождями часть родов и племен Дашт-и Кипчака еще до ухода их в Семиречье, т. е. до середины — конца 50-х гг. XV в., находит отражение в источниках. Махмуд бен Вали, например, подтверждает это, называя казахских предводителей ханами и подчеркивая, что они, уйдя

---

[95] См.: **Ахмедов Б. А.** Государство кочевых узбеков, с. 149.

[96] См.: **Семенов А. А.** К вопросу о происхождении и составе узбеков Шейбани-хана. — «Труды ИИАЭ АН ТаджССР», 1954, вып. 1, т. XII, с. 36.

[97] **Ибрагимов С. К.** К истории Казахстана в XV в., с. 176, 177.

на чужбину, «отказались от унаследованной [от предков] страны» [98], правда, ниже автор «Бахр ал-асрар», говоря о начальном периоде пребывания их в Могулистане, подчеркивает, что «в то время Кирай-хан был назван государем» [99].

Мухаммад Хайдар дуглат говорит в связи с этим, что Кирай-хан и Джанибек-хан, уходя из Дашт-и Кипчака в Семиречье, отделились «от своего многочисленного народа», т. е. современники вполне основательно считали их наследниками ханов Ак-Орды, законными правителями в Дашт-и Кипчаке [100]. Тем самым подтверждается прямая династийная связь нового ханства в Семиречье с ханством Ак-Орда.

Махмуд бен Вали, широко информированный автор, имевший в своих руках и многие не дошедшие до нас источники, неоднократно говорит о Джанибеке и Гирее как о ханах, правителях особого государственно-политического объединения, выступавших самостоятельно во внешнеполитических делах и связях: «Пока Исан-Буга-хан был жив, то благодаря помощи [ему] и поддержке, [оказываемой] вышеупомянутыми ханами [т. е. Джанибеком и Гиреем], Йунус-хан ногу дерзости не ставил в стремя надменности» [101], т. е. уже до 1462 г. (года смерти Исан-Буга-хана) казахские правители выступали как правители независимого владения.

Сведения Мухаммад Хайдара, писавшего свой труд в 40-х гг. XVI в., об образовании Казахского ханства в Семиречье нельзя считать единственными и самыми ранними (речь не идет об авторах, заимствовавших свои сведения из «Та'рих-и Рашиди») [102]. Серия источников так называемого шайбанидского круга, написанная по велению или под непосредственным наблюдени-

---

[98] Бахр ал-асрар, л. 124а; МИКХ, с. 352. По «Бахр ал-асрар» и некоторым другим источникам, Джанибек и Гирей относились не к потомкам Орда-Иджена, а к потомкам 13-го сына Джучи Туга-Тимура. См.: МИКХ, с. 496.

[99] Там же, л. 124б; МИКХ, с. 353.

[100] Та'рих-и Рашиди, л. 177а; МИКХ, с. 222.

[101] Бахр ал-асрар, 124б; МИКХ, с. 353.

[102] **Юдин В. П.** Вступительная статья к переводу «Бахр ал-асрар»; МИКХ, с. 322.

ем противника казахских ханов в борьбе за власть в Дашт-и Кипчаке и Туркестане Мухаммад Шайбани-хана, дает немало материала для оценки обстоятельств, связанных с ранней историей Казахского ханства. Эти источники начала XVI в. («Таварих-и гузида-йи нусрат-наме», «Шайбани-наме» Камал ад-Дина Али Бинаи, «Фатх-наме» Шади, «Михман-наме-йи Бухара» Рузбехана Исфахани и другие), написанные на два-три десятилетия раньше «Та'рих-и Рашиди», упоминают Джанибека и Гирея как ханов.

Говоря о междоусобицах в государстве Абулхайра, вспыхнувших с новой силой сразу после его кончины, шайбанидские авторы называют в числе врагов его наследника Шайх-Хайдара-хана казахских предводителей именно как ханов: «Одному из них [врагов] имя было Ибак, другому — Джанибек-хан, сын Барака. Третьим был Буреке [и еще Муса]» [103], Джанибек-хан назван в списке противников Шайх-Хайдар-хана и в «Шайбани-наме» Бинаи [104], и в «Таварих-и гузида-йи нусрат-наме». Т. И. Султанов отмечает, что прошайбанидские сочинения не упоминают о расколе в государстве Абулхайр-хана и «выделении из него нового политического образования» [105]. Но ведь все эти сочинения фактически и не пишут о времени Абулхайр-хана почти ничего, они начинают свои сочинения описанием событий сразу же после его смерти, т. е. на десятилетие-полтора после этого раскола. Однако и в этих сочинениях казахские правители сразу же выступают на арену политической деятельности именно как правители, владетели государства.

Сочинения шайбанидского круга были призваны обосновать законность претензий Мухаммада Шайбани на власть в Дашт-и Кипчаке и Туркестане как потомка Абулхайр-хана, и авторам, разумеется, не было смысла (да и «заказчик» Мухаммад Шайбани не мог не требовать этого) писать о такой же «законности» прав

---

[103] **Шади.** Фатх-наме. Рук. ЛГУ № 962, л. 58б, 59б; МИКХ, с. 56, 57.

[104] МИКХ, с. 99.

[105] **Султанов Т. И.** Некоторые замечания о начале казахской государственности, с. 55.

казахских ханов как потомков правителей Ак-Орды, до конца не побежденных его дедом-ханом. Тем не менее не упомянуть о ханах казахов уже в момент начала борьбы за власть в Дашт-и Кипчаке Мухаммада Шайбани им было нельзя, ибо вся его политическая борьба за власть над Дашт-и Кипчаком велась именно с казахскими ханами.

По той же причине, думается, не писал о казахах и о «расколе в государстве Абулхайра» и единственный автор, специально повествующий об этом правителе и о его государстве, Мас'уд бен Усман Кухистани в труде «Та'рих-и Абу-л-Хайр-хани». На факт умолчания Ма'суд бен Усмана Кухистани о казахах вслед за А. А. Семеновым обратил внимание С. К. Ибрагимов, также принявший отсутствие материалов о казахах в «Та'рих-и Абу-л-Хайр-хани» за доказательство того, что «откочевка не сыграла существенной роли в политической жизни племен, населявших как Узбекский улус, так и Могулистан» [106]. Но надо учесть, что Мас'уд бен Усман Кухистани, как и Мухаммад Хайдар-мирза, писал в 40-х гг. XVI в. и, конечно, знал если не об откочевке, то о последующих событиях, связанных с деятельностью казахских правителей Джанибек-хана и Гирей-хана. Отсутствие сведений о них в его сочинении можно квалифицировать как преднамеренное умолчание, так как, создавая труд во славу Шайбанидов и будучи на службе у сыновей Абулхайр-хана (Суйунч-Ходжа-хана и Кучкунчи-хана), Ма'суд бен Усман Кухистани мог ведь и специально не говорить о казахских ханах, находившихся в то время в непримиримой вражде с шайбанидскими правителями. Кроме того, автор «Та'рих-и Абу-л-Хайр-хани» вообще скороговоркой упоминает о последних годах правления Абулхайр-хана, даже не доводит изложения событий до его смерти. Этими обстоятельствами можно объяснить отсутствие фактов о казахах в «Та'рих-и Абу-л-Хайр-хани».

Наконец, подтверждением того, что казахские ханы стали правителями самостоятельного ханства еще до возвращения из Семиречья в Дашт-и Кипчак, есть у

---

[106] **Ибрагимов С. К.** К истории Казахстана в XV в., с. 175.

такого достоверного автора — хроникера и очевидца многих событий того времени в Казахстане и Средней Азии, каким является Фазлаллах бен Рузбехан Исфахани. Когда Абулхайр-хан умер, «в стране узбекских ханов произошли большие беспорядки. Очередь правления Улусом Шайбанидов дошла до Шайх-Хайдар-хана [сына Абулхайр-хана]. В Казахском улусе султаны возгордились тем, что они являются ханами. После того, как это высокое положение перешло от одного к другому через нескольких лиц из них, очередь ханствования дошла до Бурундук-хана, а он — один из великих в улусе и из потомков славных ханов» [107]. Как видим, для автора «Михман-наме-йи Бухара» существование Казахского ханства, Казахского улуса как самостоятельного государства ко времени кончины Абулхайр-хана представляется само собой разумеющимся.

Не менее показательно свидетельство Махмуда бен Вали о владениях Кирей-хана и Джанибек-хана в Могулистане, т. е. о том, что они выступали на этой территории в качестве самостоятельных правителей: «Бурудж-оглан, также из султанов джучидского происхождения, присоединился к Шайбанидам и склонил царевичей к тому... чтобы приступить к набегу и разграблению некоторых местностей Могулистана, которые принадлежали Кирай-хану и Джанибек-хану» [108].

Таким образом, данные источников XV—XVI вв. прямо и косвенно подтверждают сообщение «Та'рих-и Рашиди» о том, что Казахское ханство было основано в Западном Семиречье (долины Чу и Таласа), а не в Восточном Дашт-и Кипчаке. Показательно, что именно к этой территории впервые в известных источниках отнесено название «Казахстан» (Зайн ад-Дин Васифи).

Начальный период истории Казахского ханства самым тесным образом связан с судьбами местного семиреченского населения, то есть с судьбами казахов Старшего жуза. Семиречье стало центром объединения

---

[107] **Фазлаллах бен Рузбехан Исфахани.** Михман-наме-йи Бухара. Рук. ИВ АН УзССР, № 1414, л. 73б.

[108] Бахр ал-асрар, л. 135б; МИКХ, с. 364.

в единую государственность казахских племен, как откочевавших из Центрального и Южного Казахстана (казахов Среднего жуза), так и казахов Юго-Восточного Казахстана (Старшего жуза), чему способствовали давно уже сложившиеся в предшествующий период традиции политического, хозяйственного, социального и этнического общения.

Приток семиреченских племен под власть Джанибека и Гирея особенно возрос после смерти Есен-Буга-хана в 1462 г. в условиях еще более обострившейся в Могулистане междоусобной борьбы. Процесс постепенного включения семиреченских казахов в Казахское ханство продолжался и позже — в последней трети XV — начале XVI в., по мере вхождения в это государство этнических территорий казахов. Так, в период борьбы за власть на Тянь-Шане и в Семиречье, т. е. в восточных районах распадавшегося Могулистана, Ахмад Алача-хану в 80—90-х гг. XV в. пришлось неоднократно сражаться с казахами в Семиречье, которые перешли или переходили в подданство Джанибека, Гирея и их преемников [109]. При оценке места и времени образования Казахского ханства нельзя не считаться с состоянием Могулистана, ослабленного феодальными усобицами.

Откочевка казахов Джанибека и Гирея на территорию Западного Семиречья и последовавшее за этим образование Казахского ханства явились наиболее значительными политическими событиями внутренней и внешнеполитической истории Могулистана 50-х — начала 60-х гг., которые привели к переменам в политической истории этого района, особенно в судьбах местного казахского населения. Эти события явились переломным моментом в истории казахов Семиречья: впервые после установления монгольского господства местные племена получили возможность объединиться в одной государственной организации с близкими этническими группами Центрального и Южного Казахстана. Давнее стремление тюркских племен Семиречья к объединению с населением этих районов Казахстана явилось благо-

---

[109] Та'рих-и Рашиди, л. 68а; МИКХ, с. 210.

датной почвой для образования Казахского ханства в этом районе, для объединения под одной верховной властью части племен двух жузов. Говоря о положительных результатах откочевки, нужно иметь в виду, что прикочевавшие в 50—60-х гг. XV в. в Семиречье казахские племена не занимали пустые пространства (в литературе иногда встречается мнение о «никем не занятом в этот момент Или-Иртышском междуречье»), а вступали в тесный контакт с местным казахским населением Семиречья, вскоре выросший в политический союз в рамках одного государственного объединения.

Таким образом, в Западном Могулистане в 60-х гг. первые казахские ханы отнюдь не пребывали в роли беглецов или политических изгнанников, ожидавших кончины своего противника и развала его государства. Пользуясь поддержкой родо-племенных вождей и масс рядовых кочевников (как пришедших с ними в Семиречье, так и местных семиреченских), а также сложившейся ситуацией полного упадка ханства Абулхайра и Могулистана, они сумели образовать свое ханство на основе союза части племен двух жузов.

Какие факты из источников дают основание судить о том, что Казахское ханство уже в самом начале было основано на союзе казахов двух жузов? Источники не говорят о сопротивлении местного населения Джанибеку и Гирею, зато говорят о последовавшем вскоре сопротивлении казахов в Семиречье могульскому хану Ахмаду [110]. Тот факт, что казахские правители имели значительные военные силы и прочный тыл в Семиречье в тот момент, когда они вступили в борьбу с Шайбанидами за власть в Дашт-и Кипчаке и в Присырдарье [111], говорит об отсутствии противоборствующих им сил в Семиречье, более того — о союзе с местным населением, который значительно упрочил казахских владетелей. Далее, Мирза Хайдар неоднократно отмечает, что уведенные Султан Са'ид-ханом в Кашгарию мест-

---

[110] Та'рих-и Рашиди, л. 68а; МИКХ, с. 210, 211.

[111] Шайбани-наме Бинаи, л. 7б; МИКХ, с. 103; Таварих-и гузиде..., л. 10б; МИКХ, с. 38; **Пищулина К. А.** Борьба казахских ханов за присырдарьинские города. — Материалы научной конференции молодых ученых АН КазССР. Алма-Ата, 1968, с. 509.

ные племена («жители Могулистана») беспрестанно рвутся назад в Могулистан, т. е. в Семиречье и на Тянь-Шань. Под этими «жителями Могулистана» нужно видеть часть давних обитателей Семиречья и Тянь-Шаня соответственно, стремившихся воссоединиться с основной массой своих народов, вошедших в состав Казахского и Киргизского ханств [112]. Объединение родственных племен и родов способствовало усилению казахских ханов и феодальной знати, что позволило им вступить в успешную борьбу за гегемонию в Дашт- и Кипчаке, а в конечном счете за объединение этнических территорий казахов. Этому способствовало также благоприятное отношение правителей Могулистана.

Время образования Казахского ханства лишь приблизительно может быть определено второй половиной 60-х гг. XV в. Известно, что Мухаммад Хайдар называет датой образования ханства 870 г. х (1465—1466 гг.). Эта дата вполне приемлема, поскольку политическая ситуация в Могулистане (борьба Есен-Буга-хана в последние годы жизни за власть с братом Йунусом, его смерть в 1462 г., неудачные попытки Йунуса захватить власть в Могулистане, фактически полное безвластие в Могулистане в это время) вполне располагала к укреплению власти казахских ханов на северо-западной территории Могулистана и к возможности объявить себя самостоятельными правителями, причем объявить не формально, а, по существу, создать самостоятельное политическое объединение.

Выше было показано, что нет основания считать местом образования Казахского ханства юго-западные районы Казахстана [113]. Джанибеку и Гирею не было смысла пассивно ожидать крушения государства Абулхайра. В связи с этим необходимо отметить также, что незадолго до своей смерти Абулхайр-хан отправился в 1468 г. в поход на Могулистан, во время которого и умер. Уникальные сведения об этом походе сообщает

---

[112] Та'рих-и Рашиди, л. 67а—68б.

[113] **Султанов Т. И.** Основные вопросы истории казахского народа в XV—XVII вв. по персидско-таджикским и тюркским источникам. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. истор. наук. Л., 1971, с. 7.

Махмуд бен Вали [114]. Хотя сам автор не называет противника Абулхайр-хана, а говорит только, что он отправился, чтобы «завоевать Могулистан», думается, поход был вызван как раз образованием и укреплением на его юго-восточных границах нового политического объединения. Об этом говорят, во-первых, отсутствие могульского хана Йунуса в то время в этих краях, а во-вторых, сам маршрут движения войска хана через долину Таласа, на Чу и далее — на северо-восток.

Относить образование Казахского ханства к концу первой четверти XVI в. также нельзя, так как это не подтверждается источниками. Нет оснований считать уделы — улусы сыновей Джанибека и Гирея (Адик-султана, Махмуд-султана, Джаныш-султана, Таныш-султана, Бурундука и др.) самостоятельными феодальными владениями. Все они возглавляли отдельные казахские племена, составлявшие улусы, и владели их юртами — территориями их обитания — на правах удельных пожалований со стороны верховного хана, которому все они подчинялись. Источники, повествующие о событиях в Дашт-и Кипчаке, борьбе казахских владетелей за присырдарьинские города в последней трети XV в., не раз указывают на единство действий казахского хана и султанов — владетелей улусов-пожалований; они говорят об одном ханстве, но разделенном на удельные владения султанов-джучидов и кочевой феодальной верхушки. В письменных источниках Казахское ханство второй половины XV—XVI вв. выступает как одно государство. Все это снимает довод о столь поздней дате образования ханства и подтверждает правомерность названия этого государства для XV—XVI вв. как «Казахское ханство», а не «Казахские ханства».

Таким образом, как данные источников, так и сопоставление фактов и мнений говорят о том, что Казахское ханство образовалось в середине 60-х гг. XV столетия в Западном Семиречье. Именно сюда бежала на протяжении полутора десятилетий часть казахских родов и племен Среднего жуза, возглавили которые по-

[114] Бахр ал-асрар, л. 132б—133б; МИКХ, с. 358—364.

томки ханов Ак-Орды, боровшиеся за восстановление власти династии ак-ордынских ханов над населением Восточного Дашт-и Кипчака. Здесь были благоприятные условия для их прибытия — в основном сложился казахский Старший жуз, фактически уже вышедший из-под власти ханов Могулистана в связи с упадком этого государства. Союз части племен обоих жузов лег в основу Казахского ханства.

Остановимся на характере казахско-могульских отношений во время образования Казахского ханства.

Как уже отмечалось, политическое положение Могулистана в середине XV столетия было неустойчивым. Тенденции распада Могулистана и ликвидации власти ханов-чагатаидов в Семиречье, возникшие еще за несколько десятилетий до образования Казахского ханства, особенно усилились во второй половине XV в. Борьба феодальной оседлой и кочевой знати, внутрифеодальные усобицы, все более охватывавшие Могулистан, привели к распаду единого государства и образованию на его территории нескольких феодальных владений (Ахмад-хана, Махмуд-хана, Халил-султана, Мансур-хана и др.). Ослабляло Могулистан также давление калмаков-ойратов на Семиречье (еще в 70-х гг. сюда временно переместился 300-тысячный улус Амасанчи-тайши [115]). Изменилась ситуация на западе: ослабление враждовавших между собой Тимуридов давало возможность могульскому хану для захвата территорий на западных рубежах, но отвлекало его внимание от Семиречья. Могульские ханы (сначала Есен-Буга-хан, затем Йунус-хан) приняли самое деятельное участие в борьбе узбеков Абулхайр-хана, затем Мухаммада Шайбани, казахских ханов, Тимуридов за влияние в районе присырдарьинских городов. В силу перечисленных причин постепенно ослаблялось влияние могульских ханов в Семиречье и на Тянь-Шане — из-под их власти уходили казахские и киргизские племена этого региона.

Главной же причиной ликвидации власти могулистанских правителей над Юго-Восточным Казахстаном

[115] Та'рих-и Рашиди, л. 51а; МИКХ, с. 197, 198.

явилось образование Казахского ханства в Западном Семиречье в середине 60-х гг. и постепенное подчинение всей территории казахским ханам. Борьба казахских племен Семиречья против феодального гнета и засилия власти ханов Могулистана совпала с аналогичной борьбой киргизских племен на Тянь-Шане против могульских ханов и борьбой казахских племен Центрального и Южного Казахстана против господства кочевых узбекских феодалов. Классовый антагонизм, антифеодальная борьба народных масс рушили одни феодальные государства, но на их месте тотчас же появлялись новые (Казахское ханство, Киргизское ханство и Могулия), так как феодальная знать не могла править народом без государственной организации. Но эти новые феодальные государства на первых порах сыграли свою положительную роль. Так образование Казахского ханства стало поворотным пунктом не только в жизни населения бывшего государства Абулхайра, Ак-Орды, но и семиреченских родов и племен. В связи с усилением Казахского ханства, постепенным расширением его границ казахские племена Семиречья включились в состав консолидировавшейся народности всей территории Казахстана. Казахские предводители Джанибек и Гирей учитывали слабость власти могулистанских ханов над населением Семиречья («могульские эмиры не повиновались хану надлежащим образом»[116]), они рассчитывали найти поддержку среди родственного населения Семиречья и надеялись не встретить противодействия со стороны могулистанского хана, ослабленного длительной феодальной междоусобицей. Источники подтверждают, что эти надежды оправдались: казахские султаны нашли поддержку у Есен-Буга-хана [117].

Ориентация Есен-Буга-хана на союз с казахскими предводителями в середине 50-х гг. XV в. объяснялась многими причинами и прежде всего стремлением обеспечить безопасность западных границ Могулистана в связи с активными действиями Абулхайр-хана в юж-

---

[116] Там же, л. 46а; МИКХ, с. 195.
[117] Та'рих-и Рашиди, л. 46а, 174а; МИКХ, с. 195, 222.

ных районах Казахстана и Тимуридов, поддержавших соперника Есен-Буги, его брата Йунуса, претендовавшего на могулистанский трон: «Так как в то время Абу Са'ид-мирза... вызвал из Ирака Йунус-хана, брата вышеупомянутого хана и, оказав ему покровительство помощью и поддержкой, послал его против брата, по этой причине в фундаменте правления Исан-Буга-хана обнаружилась трещина, упомянутый хан счел прибытие Джанибек-хана и Кирай-хана источником добра и благодеяния для людей. После того как он с почетом и изъявлением согласия встретил августейшее прибытие царевичей, он предоставил им западный край Могулистана, который был буфером между [владениями] Исан-Буга [-хана] и иктой Йунус-хана» [118]. Есен-Буга-хан стремился также использовать казахов как реальную военную силу для отражения набегов ойратов (калмаков) на Семиречье и другие районы Могулистана, тревоживших могулистанских правителей еще в 20-х гг. XV в., а в 50-х гг. проникнувших через Семиречье до присырдарьинских городов. Махмуд бен Вали сообщает, что казахи Джанибека и Гирея сражались с калмаками на окраинах Могулистана, за что их назвали этим именем [119]. Это сообщение подтверждает цель Есен-Буги-хана использовать казахов против калмаков.

Опираясь на многочисленные казахские роды и илемена, объединенные Джанибеком и Гиреем, Есен-Буга-хан намеревался также укрепить свое внутриполитическое положение. Он рассчитывал увеличить число своих подданных, налогоплательщиков и воинов-кочевников. Ведь богатство, сила, власть правителя государства заключалась нередко не столько в подвластной территории, сколько в реальном подданстве, повиновении населения, пополнявшего налогами государственную казну и составлявшего основную силу его войска.

Благожелательное отношение могулистанского хана к казахским султанам, проистекавшее из указанных выше причин, безусловно, имело место. Но главное заключалось в том, что правитель Могулистана просто

---

[118] Бахр ал-асрар, л. 124а; МИКХ, с. 352.
[119] Там же; МИКХ, с. 353.

не имел реальных сил отразить переселившиеся казахские роды и племена и их предводителей. Ослабленный в длительных междоусобицах, он не мог фактически противодействовать тому, чтобы часть его земель заняли казахские предводители.

В связи с этим не представляется возможным считать отношения первых казахских ханов к правителям Могулистана вассальными. В источниках нет и намека на установление вассальных, подданнических отношений. Махмуд бен Вали пишет, что Есен-Буга-хан «согласился» с прибытием казахских султанов, с их многочисленными подданными, т. е. он был вынужден признать фактическое занятие земель в западном Могулистане, но автор не дает никаких доказательств установления подданнических, вассальных отношений; он отмечает, что именно помощь и поддержка казахских ханов позволили ему противостоять претензиям на власть в Могулистане со стороны его брата [120].

Тем не менее в приведенных выше свидетельствах Мухаммад Хайдара и Махмуда бен Вали многие исследователи видят доказательство зависимости первых казахских владетелей, вплоть до Касим-хана (т. е. до второго десятилетия XVI в.), от могульских правителей [121]. В связи с этим отказ Касим-хана выступить вместе с могульским ханом Султан-Са'идом в 1512 г. против узбеков Мухаммад Шайбани-хана [122] толкуется ими как определенное свидетельство того, «насколько самостоятельной и независимой сделалась вся политика казахов в то время, совершенно не считавшаяся с каким-либо формально-зависимым положением своим относительно Могулистана» [123]. Однако весь фактический материал источников говорит о совершенно неза-

---

[120] Там же.

[121] **Чулошников А. П.** Очерки по истории казак-киргизского народа в связи с общими историческими судьбами, ч. 1. Оренбург, 1924, с. 103; **Вяткин М. П.** Очерки по истории Казахской ССР, т. I. С древнейших времен до 1870 г. М., 1941, с. 87; **Ибрагимов С. К.** К истории Казахстана в XV в. — В кн.: Вопросы филологии и истории народов Востока. М.—Л., 1961, с. 174.

[122] Та'рих-и Рашиди, л. 175б—177а; МИКХ, с. 224—227.

[123] **Чулошников А. П.** Указ. раб.

висимой политике казахских ханов уже на раннем этапе их пребывания в Могулистане и особенно после образования около 1465—1466 гг. ханства. На протяжении всей последней трети XV в. внешнеполитические действия казахских правителей были также самостоятельными. Особенно это проявилось в их борьбе за присырдарьинские города, где им приходилось сталкиваться не только с Мухаммадом Шайбани, но и с могульским ханом Йунусом, затем с его сыновьями.

Значение образования Казахского ханства для исторических судеб казахов Семиречья и киргизов Тянь-Шаня, как и Могулистана в целом, исключительно велико. Появление в западном Семиречье нового политического объединения ускорило уход Семиречья из-под власти могульских ханов, а укрепление на рубеже XV—XVI вв. Казахского ханства, завершение этнического оформления Старшего жуза в составе казахской народности, формирование киргизской народности окончательно ликвидировали власть могульских правителей на территории Семиречья и Тянь-Шаня и фактически привели к распаду Могулистана.

Все нараставший процесс реализации наметившихся уже давно тенденций распада составил основное содержание истории Могулистана во второй половине XV — начале XVI в. Факты политической истории Могулистана на заключительном этапе его существования, проанализированные В. В. Бартольдом, С. А. Азимджановой, Б. А. Ахмедовым и другими, могут быть здесь упомянуты лишь бегло, тем более что они выходят за рамки истории Юго-Восточного Казахстана.

Стала непрерывной полоса феодальных усобиц после Есен-Буга-хана (ум. в 1462 г.). Опираясь на поддержку Тимуридов, Йунус-султан захватывает лишь юго-западную часть Могулистана, пограничную с Ферганой. В северной и восточной части, т. е. в Семиречье и Прииссыккулье, ему уже не представилось возможности взять власть, так как там укрепились казахские ханы и киргизские правители. Как раз на вторую половину 60 — начало 70-х гг. падает время образования и первых шагов на пути становления Казахского ханст-

ва. Прямой наследник Есен-Буга-хана его сын Дост-Мухаммад-хан правил в Кашгарии до 1468 г. После смерти Дост-Мухаммада Аксу занял Йунус-хан. К 1472 г. ему удалось объединить в своих руках южные районы Могулистана и Манглай-Субе. В Кашгарии в 70-х гг. Йунус-хан вмешивался в раздоры дуглатских эмиров, поддерживал Мухаммад Хайдар-мирзу дуглата (деда автора «Та'рих-и Рашиди»), временами подчинял себе часть владений дуглатов [124]. Йунус-хан пытался вернуть и Семиречье под власть могулов, чему могла бы способствовать занятость казахских ханов в начале 70-х гг. делами укрепления своей власти в Дашт-и Кипчаке и Присырдарье. Однако в Семиречье Йунус-хан потерпел поражение от вторгшихся в 1472 г. калмаков Амасанджи-тайши и бежал на Сырдарью [125].

Йунус-хан переносит свои интересы на территории к западу от Могулистана — на Сайрам, Ташкент, которые захватывает в 1482—1485 гг., побуждаемый к этому той частью могульской феодальной верхушки, которая стремилась обеспечить себе извлечение устойчивых доходов из феодальной эксплуатации оседло-земледельческого и городского населения. Стремление к такого рода захвату городов и извлечению из них прибыли было не чуждо кочевой знати, так как земля в городе, в оседлых земледельческих районах приносила больше дохода, чем в кочевых [126]. Другая же часть господствующей феодальной верхушки противилась этому. Противоречия эти вылились в фактический раскол феодальной аристократии: часть ее перестала признавать Йунус-хана правителем и в 1484 г. вместе с его сыном Ахмадом удалилась в восточные районы государства, населенные киргизами [127]. В Кашгарии обособляется независимое владение Абу Бекра дуглата (1480—1514 гг.). В северной части Могулистана все прочнее становится власть казахских ханов, все большее число родов и племен со своей этнической террито-

---

[124] Та'рих-и Рашиди, л. 58а—62б.

[125] Там же, л. 50б—51а; МИКХ, с. 197, 198.

[126] **Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г.** Средневековый город Средней Азии. Л., 1973, с. 318—321.

[127] Та'рих-и Рашиди, л. 62а; МИКХ, с. 203.

рией входит в состав их владений. Всегда казалось угнетенному люду, что, сменив одного владыку, можно найти лучшую долю у другого. Поэтому легко было вождям кочевых родов и племен, которые хотели сменить верховного сюзерена в поисках большей независимости и покровительства у более удачливого хана (в данном случае вместо слабого могульского хана они переходили к предприимчивым казахским ханам), увлечь за собой рядовую массу кочевников.

Удалившемуся в восточные районы Ахмад-хану нелегко было восстановить среди местного населения традицию подчинения могульским ханам-чагатаидам. Мирза Хайдар пишет, что потребовалось около десяти лет, пока он сломил сопротивление племен арлат, чорас, калучи и др.

Северная часть Могулистана в 70—80-х гг. была ареной сопротивления казахских и киргизских племен завоевательной политике калмакских феодальных предводителей. Султан Ахмад-хан, на несколько лет ставший ханом у киргизов, упорно сражался с Есентайшой и дважды одержал победу.

Йунус-хану в Ташкенте и подчиненных ему районах Юго-Западного Могулистана в 1487 г. наследовал Султан Махмуд-хан. Он предпринимал небезуспешные попытки в конце 80—90-х гг. вмешиваться в борьбу казахских ханов и Шайбанидов за присырдарьинские города, поддерживая то одну, то другую сторону. Отстаивая от попыток Тимурида Султан Ахмад-мирзы возвратить этот район, могульский хан получил в битве на р. Чирчик поддержку от Мухаммада Шайбани, за что спустя год, в 1488 г., уступил ему отобранный у казахов Отрар, и это вызвало разрыв дружественных отношений Султана Махмуда с казахскими предводителями [128]. В двух последующих сражениях с казахами Султан Махмуд-хан потерпел поражение. В связи с этим недружелюбную позицию по отношению к казахам Семиречья, района Каратау и Присырдарьи занял Султан Ахмад-хан, трижды в 90-х гг. разбивший казахов

---

[128] Там же, л. 66а; МИКХ, с. 206, 207.

в сражениях [129]. Мухаммад Хайдар оказался не совсем прав, когда отметил, что союзные отношения казахских правителей с могульскими ханами поддерживались вплоть до времени Абд ар-Рашид-хана, т. е. до 30-х гг. XVI в. [130]

Около 1500 г. Султан Махмуд-хан оказал поддержку Мухаммаду Шайбани в захвате Бухары и Самарканда, однако, утвердившись в тимуридских владениях, Мухаммад Шайбани-хан поспешил подчинить и владения союзника. В битве при Ахси в 1503 г. Султан Махмуд-хан был разбит и вместе со своим братом Султан Ахмад-ханом попал в плен к Шайбани-хану, но был отпущен. После смерти брата Султан Ахмад-хана в 1503 г. Султан Махмуд-хан попытался утвердиться среди подвластных ранее брату племен киргизов, но встретил противодействие со стороны племянников, сыновей Султан Ахмад-хана — Мансура (он владел Чалышем и Турфаном), Султан Са'ида и Султан Халила (последний искал опору среди киргизов). Однако их попытки удержать распадающееся владение в руках чагатайской династии могульских ханов тоже были безуспешны.

Центральные районы Могулистана — Семиречье и Тянь-Шань — были уже давно потеряны для могулистанских ханов: там упрочили свою политическую самостоятельность местные казахские и киргизские племена, хотя последние еще некоторое время привлекали к себе в качестве ханов отпрысков Султан Ахмад-хана [131]. Султан Махмуд-хан вынужден был покинуть Могулистан и Кашгарию, он попытался найти поддержку у Мухаммада Шайбани, однако был убит последним в 1508 г. вместе со своими сыновьями. Из всех потомков могульских ханов вскоре остался лишь Султан Са'ид. Потеряв возможность восстановить власть могульских ханов в их бывших владениях — Семиречье, Притяньшанье и Ташкенте, он ушел в Кашгарию в 1514 г. В борьбе с бывшими вассалами могульских ха-

---

[129] Там же, л. 68а; МИКХ, с. 210.
[130] Там же, л. 83а, 83б.
[131] История Киргизской ССР, ч. 1, с. 210, 211.

нов — дуглатскими эмирами он одержал верх и основал на ее территории новое государство — Могулию [132].

Таким образом, в результате распада государства власть могульских ханов переместилась в зависимый ранее от них район Манглай-Субе (Кашгарию). Подобно тому, как в результате падения ханства Абулхайра и укрепления власти казахских ханов в Дашт-и Кипчаке и Туркестане (Присырдарье) потомки Абулхайр-хана были вынуждены искать военной удачи в тимуридском государстве в Мавераннахре (и эти поиски закончились созданием нового государства в Средней Азии — государства Шайбанидов), так и потомки могульских ханов в результате распада Могулистана и укрепления Казахского ханства в Семиречье (и Киргизского на Тянь-Шане) вынуждены были отвоевывать для себя земли южнее, в Восточном Туркестане, т. е. создавать, по существу, новое государство. Появление Казахского ханства (а на рубеже XV—XVI вв. и Киргизского ханства) отразило стремление населения этих районов к собственной государственности, отразило внутренние социальные и этно-политические процессы развития кочевого и полукочевого населения этих областей. Деятельность первых казахских ханов по созданию самостоятельного политического объединения на территории Западного Семиречья и последующее быстрое его укрепление, постепенное включение в него этнических территорий казахов всего Семиречья наряду с Восточным Дашт-и Кипчаком и Туркестаном была успешной потому, что она базировалась на общности интересов близких этнических групп — казахских племен Семиречья и казахских племен и родов остальной территории средневекового Казахстана.

Объективно существовавшее стремление к самостоятельному развитию завершавших свое этническое формирование казахов Семиречья (в Старший жуз) и киргизов Тянь-Шаня сделало невозможным дальнейшее существование государства Могулистан в прежних рамках. Это привело наряду с другими факторами к

---

[132] **Вартольд В. В.** Очерк истории Семиречья, с. 89, 90.

окончательной ликвидации власти могульских ханов — чагатаидов на Тянь-Шане и в Семиречье.

Впоследствии, пользуясь военно-экономическими ресурсами Кашгарии, Султан Са'ид-хан, а затем его сын Абд ар-Рашид предприняли многократные попытки восстановить Могулистан в прежних рамках, как путем организации военных походов (в 1517, 1522, 1524, 1525 гг. и т. д.), так и всякого рода дипломатических шагов, установления династийных связей (например, с казахским Тахир-ханом) [133]. Однако все попытки сорвались, натолкнувшись на прочный союз казахов и киргизов, сложившийся в ходе отстаивания своей самостоятельности [134].

* * *

Изучение этно-политической и социальной истории Юго-Восточного Казахстана XIV—XV вв. связано, несомненно, с решением целого ряда исследовательских проблем, общих современному кочевниковедению. Материал, рассмотренный в книге, позволяет со всей определенностью заключить, что эволюция общественной организации кочевников — с теми оговорками, которые необходимы при применении этого термина ко всему казахскому населению региона (главная из них — «чистых кочевников» в регионе практически не было) — вышла далеко за пределы раннеклассового, раннефеодального строя; что, несмотря на специфическую отсталость производительных сил, на состояние которых накладывали свой отпечаток особые естественно-географические условия, казахскому обществу были присущи некоторые экономические возможности поступательного развития, особенно в условиях постоянных хозяйственных, политических, культурных контактов с населением соседних оседло-земледельческих областей; что образование Казахского ханства, подготовленное всей предшествующей историей таких госу-

---

[133] Та'рих-и Рашиди, л. 78б—85б, 242б—246а.
[134] МИКХ, с. 229—231.

дарств, как Ак-Орда и Могулистан, являлось следствием и предпосылкой для социально-экономических и этнических процессов и, следовательно, качественно отличалось от эфемерных «кочевых государств» древности и периода монгольского нашествия.

Ак-Орда и Могулистан, бывшие непосредственными предшественниками Казахского ханства, создали благоприятные условия для этнического сплочения многочисленных тюркоязычных групп населения всего Казахстана, однако изоляция этих этногрупп друг от друга в различных государственных объединениях закрепила формирование народности в трех жузах. В XIV—XV вв. в основном сформировалась на территории Казахстана тюркоязычная народность, получившая к концу этого периода свое этническое название «казахи». Однако факт формирования казахской народности в системе отдельных государств затруднял процесс дальнейшей консолидации народности; беспрерывные феодальные усобицы и войны Джучидов сначала в Ак-Орде, затем в государстве Абулхайра, как и Чагатаидов в Семиречье (Могулистан), вели к разобщенности казахских племен, сложившихся в народность в ее трех частях — жузах, к потере производительных сил, экономическому застою; феодальные усобицы и войны ослабляли этно-политические, экономические, культурно-социальные связи отдельных частей казахского народа, затрудняли процесс окончательной его консолидации. Объективно необходимым стало объединение трех племенных союзов казахской народности в одном государстве. Таким государством, в котором произошло завершение консолидации казахской народности, стало Казахское ханство, образовавшееся в Семиречье и постепенно, впервые после монгольского нашествия, объединившее почти все этнические подгруппы сформировавшегося казахского народа и его этническую территорию в пределах всего Казахстана.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Абд ал-Куддус-бек дуглат 165
Абд ал-Латиф Абу Са'ид, Тимурид 29
Абд ал-Халик, эмир 96
Абд ар-Раззак Самарканди 17, 20, 21*, 26, 28, 30, 53, 96, 97, 99, 100—102, 128, 138, 196
Абд ар-Рашид-султан, Рашид-хан 17, 19, 172, 270, 273
Абд ал-Хусайн Навои 21
Аболин Р. И. 4*
Абу-Бекр дуглат 269
Абулгази 31
Абу-Кичик, сын Имадж-Малика, могульский эмир 108, 205
Абу-л-Хайр-хан, Абулхайр-хан, Шайбанид 120, 125, 157, 163, 164, 181, 194, 200, 209, 234, 236, 240, 247, 249, 251—255, 257—259, 262—265, 272
Абу-л-Хасан Сайид Али ал-Джурджани 30
Абу-Са'ид-мирза *см.* Султан Абу-Са'ид-мирза
Адик-султан, сын Джанибек-хана, Джучид 263
Адил-Мумин дуглат 118
Адил-Шах джалаир 66
Адильгиреев Х. М. 225
Азимджанова С. А. 9, 18, 122, 268
Акимушкин О. Ф. 203
Ал-Айни 21, 231
Ал-Асади 21, 231
Али-Заде А. А. 182
Ал-Омари 132, 137
Ал-Фурат 231
Аманжолов С. А. 225
Амасанджи-тайши 119, 264, 269
Амин Ахмад Рази 18, 31, 46*, 188, 251
Амирак-Ахмад, Тимурид 96, 97
Арслан-Ходжа тархан 107
Ахинжанов М. Б. 225
Ахмад-бек могул 71
Ахмад-хан, Ахмад-султан, Султан Ахмад-хан, «Ала-ча-хан», сын Йунус-хана 71, 172, 247, 260, 261, 264, 269—271
Ахмад-хан, сын Кичик-Мухаммада, Джучид 255
Ахмедов Б. А. 9, 18, 24, 82, 90, 99, 115, 119, 171, 181, 191, 200, 268
Байан-Тимур, сын эмира Бекчика 78
Бай-Мурат черик 71
Байпаков К. М. 9, 129
Барак-хан, сын Куйручука, сына Урус-хана, Джучид 100, 103, 216, 224, 231, 251, 255, 257
Бартольд В. В. 4*, 9, 11, 14*, 16, 24—26, 29, 30, 43—45, 63, 65, 71, 75, 80, 81, 90, 102, 103, 107, 110, 115, 117*, 121*, 130, 132, 133, 135—137, 147, 182, 191, 268
Батраков В. С. 111
Бату-хан, сын Джучи 38*, 230, 231
Бернштам А. Н. 129, 136
Бики, могульский военачальник 51
Бекчик дуглат 51
Бекчик канглы 48, 50, 51, 78, 198, 204, 240
Бретшнейдер Е. 114, 136
Бромлей Ю. В. 220
Букан, могульский эмир 50
Буреке, Бурудж-оглан, сын Йадгар-хана, Шайбанид 257, 259
Бурудж-оглан *см.* Буреке

* Звездочкой отмечена страница, на которой данное имя или название упоминается в примечании.

Бурундук-хан, сын Гирей-хана (Кирай-хана) 160, 259, 263
Буркан-оглан 78
Вайс-оглан *см.* Вайс-оглан, сын Шир-Али-оглана, Чагатаид 100—103, 108—111, 113—117, 119, 136, 144, 155, 162, 169, 240
Валиханов Ч. Ч. 234, 236
Вельяминов-Зернов В. В. 16
Владимирцов Б. Я. 207
Влангали А. Г. 4
Востров В. В. 10, 225, 226*, 238
Вяткин М. П. 226
Гафуров Б. Г. 111, 131*, 171, 174, 191, 233
Гейнс А. А. 4*
Георги И. Г. 237
Гийас ад-Дин 28
Гийас ад-Дин тархан, эмир Тимура 78
Гирей-хан (Кирай-хан), сын Пулада, Джучид 74, 190, 229, 236, 237, 240, 244, 246—263, 265, 266
Давидович Е. Н. 131
Даджи, посол Вайс-хана 103
Доулат-Шах, могульский военачальник 51
Дахшлейгер Г. Ф. 250
Джакир (Чакыр) баарин 115
Джалаир, военачальник Тимура 63
Джалаири, Кадыргали Хосумоглы 31, 73, 74
Джамал ад-Дин Карши 17
Джанибек-хан, сын Барак-хана, Джучид 74, 190, 229, 234, 236, 237, 240, 244, 246—263, 265, 266
Джаныш-султан, сын Джанибек-хана 263
Джахангир, Тимурид 66, 141
Джахан-Шах, Тимурид 76, 78, 83
Джаханшах дуглат, сын эмира Камар-ад-Дина 101, 106, 107, 160, 174, 205
Джувайни, Ата Малик 17, 31
Джумадук-хан, Шайбанид 255
Джучи-хан, Чагатаид 43, 131, 132
Дост-Мухаммад-хан, сын Исан-Буга-хана, Чагатаид 123, 269
Дува-хан, Чагатаид 43, 131, 132
Жданко Т. А. 111
Егоров В. Л. 38
Енге-тора, Инка-тора, могульский эмир 69, 71, 72, 74—76, 80, 85, 141, 160, 162
Ерзакович Л. Б. 9, 129
Ерзен-хан 216, 219, 224
Есен-Буга-хан *см.* Исан-Буга-хан, сын Вайс-хана, Чагатаид
Есен-тайша *см.* Исан-тайша
Зайн ад-Дин Васифи 224, 259
Захир ад-Дин Мухаммад Бабур, Тимурид 17, 31, 117*, 121*, 134, 135, 138
Златкин И. Я. 112, 119, 125, 140*, 191
Ибак-хан, Шайбанид 255, 257
Ибн Арабшах, Ахмад ибн Мухаммад 21, 90, 91
Ибн Батута 134
Ибрагимов С. К. 9, 225, 249, 255, 258
Ибрахим-Султан, сын Шахруха, Тимурид 23, 90
Ибрахим эмир, сын Туктимура, кераит 106, 107, 205
Иванов П. П. 9, 18, 161, 171, 191, 219
Иль-ходжа *см.* Эмиль-ходжа
Ильяс-Ходжа-хан, Ильяс-Ходжа-оглан, Ильяс-Ходжа-султан, сын Тоглук-Тимур-хана, Чагатаид 25, 50—53, 57—59, 155, 172, 180, 204
Имадж-Малик, могульский эмир 108, 205
Инка-тора *см.* Енге-тора
Иразан (Ерзен) ба'арин 106, 205
Исан-Буга-хан, Есен-Буга-хан, сын Вайс-хана, Чагатаид

117, 118, 120—123, 125, 144, 165, 199, 203, 247, 251, 256, 260, 262, 264—269
Исан-Буга-хан, сын Дува-хана 43
Исан-тайши, Эсен-тайша, Есентайша, сын Тогона, калмакский предводитель 113, 119, 124, 270
Искандар, Тимурид 25, 93
Искандар-оглан 51
Йадгар, эмир Тимура 78
Йазди *см.* Шараф ад-Дин Али Йазди
Йакут 17
Йунус-хан, Йунус-султан, Юнус-хан, сын Вайс-хана, Чагатаид, 17, 71, 117, 119, 122—124, 165, 172, 203, 247, 256, 262—264, 266, 268—270
Йусуф-оглан, могульский эмир 108, 205
Казан-хан, Чагатаид 44*
Казаган, эмир 44*
Казвини, Хамдаллах 17
Кайхосроу, могульский эмир 50
Кайхосроу, военачальник эмира Тимура 63
Камал ад-Дин Бинаи 31, 235, 257
Камар ад-Дин дуглат, эмир 26, 27, 58—61, 65—70, 72, 80, 84, 86, 88, 101, 159, 162, 163, 173, 180, 195, 239, 241, 243
Карим-Берды дуглат *см.* Мир Карим-Берды дуглат
Касим-хан, сын Джанибек-хана, Джучид 160, 203, 204, 236, 267
Кебек-Тимур, Кепек-Тимур, могульский эмир 61, 64
Кебек-Хан, Чагатаид 40, 47
Кирай-хан *см.* Гирей-хан, сын Пулада, Джучид
Крачковский И. Ю. 14
Кул-Мухаммад дуглат, сын эмира Худайдада 101, 102
Кумеков Б. Е. 225
Курмыш, сын Туйукана, могульский эмир 108, 205
Кучек-Тимур, могульский эмир 63
Кучкунчи-хан, сын Абу-л-Хайр-хана, Шайбанид 258
Куч-Тимур, сын Бекчика канглы 50
Малик ал-Ислам, Малик-Ислам, могульский эмир 107, 108, 205
Мансур-хан, сын Ахмад-хана, Чагатаид 264, 271
Маргулан А. Х. 111, 243
Маркс Карл 37, 167, 185
Мас'уд-бек 131
Мас'уд бен Усман Кухистани 31, 125, 235, 258
Маулана Нурад-Дин Лутфаллах *см.* Хафиз- и Абру
Маулана Ходжа Ахмад 17
Махмуд бен Вали 18, 30, 31, 42, 43, 46, 57, 59, 92, 131, 167*, 188, 235, 251, 252, 255, 256, 259, 262, 267
Махмуд-султан, сын Джанибек-хана 263
Махмуд-хан, сын Кичик-Мухаммада, Джучид 255
Махмуд-хан *см.* Султан Махмуд-хан
Махмуд-Ходжа-хан, сын Каанбая, Шайбанид 255
Махмудов Н. 168
Махтум-ханим, сестра Вайс-хана 113
Мирак-Ага 199
Мир Ибрахим бекчик, племянник Мир Хакк-Берды бекчика 123, 174
Мир Карим-Берды дуглат 118, 121, 123, 165, 195
Мир Мухаммад-Шах дуглат, Мухаммад-Шах, сын Худайдад дуглата, улусбек 110, 117, 121, 166
Мир Хаджи-бек кончи, могульский эмир 120, 123

Мир Хакк-Берды бекчик (кангглы) 119, 121, 174
Мирза Байсункар, внук Тимура 26
Мирхонд, Мухаммад бен Хаванд-шах 29, 30, 48, 51*, 57, 64, 74, 76, 79, 83, 92, 107, 108, 110, 138, 142, 188, 189, 193, 205
Мобарак-хан, Джучид 216
Мобарак-Шах мекрит 66, 193
Му'ин ад-Дин Натанзи 21*, 24, 25, 27, 28, 53, 54, 57, 59, 64—66, 88, 93, 96, 128, 188, 198, 202, 238
Муканов М. С. 10, 225
Муминов И. М. 23*, 82
Муса, могульский эмир 108, 205
Муса, Муса-мирза, сын Ваккас-бия, мангыт 257
Мухаммад-бек, могульский эмир 102, 157, 162
Мухаммад-оглан, сын Хизр-Ходжа-хана *см.* Мухаммад-хан
Мухаммад-Султан, внук Тимура 90, 91
Мухаммад Факих Баласагуни, имам 137
Мухаммад Хайдар, Мирза Хайдар, Хайдар-мирза — автор «Та'рих-и Рашиди» Мирза Мухаммад Хайдар бен Мухаммад Хусайн-Гурган дуглат 10, 12, 13, 16—18, 20, 31, 42—44, 46—48, 52, 57—60, 64, 70, 89, 92, 94*, 97—99, 101, 108, 109*, 111, 113, 115—119, 121—124, 128, 133—139, 142, 145, 147, 148, 159, 163, 165, 166, 168, 169, 171, 172, 188, 189, 194, 198, 200, 204, 229, 235, 237, 238, 245, 247, 249, 256, 258, 261, 262, 267, 269—271
Мухаммад Хайдар-мирза, дед автора «Та'рих-и Рашиди» 117, 166
Мухаммад-хан, сын Хизр-Ходжа-хана, Чагатаид 25, 27, 89, 92—100, 115, 148, 185
Мухаммад Хусайн-мирза дуглат, отец автора «Та'рих-и Рашиди» 166
Мухаммад Шайбани-хан, внук Абулхайр-хана, Шайбанид 217, 233, 234, 236, 248, 257, 258, 264, 267, 268, 270, 271
Мухаммад-Шах, эмир *см.* Мир Мухаммад-Шах дуглат
Мухаммад Шафи 29
Накш-Джахан, внук Хизр-Ходжа-хана, Чагатаид 94*, 99, 100
Низам ад-Дин Шами 20—23, 27—30, 61, 63, 64, 66*, 67*, 72, 74, 78, 80, 88, 91—93, 128, 169*, 188, 238
Оглан-Ходжа 48, 198
Омар-Шайх, Тимурид 68, 72, 76, 77, 89, 96
Орда-Иджен, Орда-Ичен, Джучид 38*, 176, 231, 236
Пайанда чурас, могульский эмир 108, 205
Пантусов Н. Н. 134, 135*
Петров К. И. 9, 71, 94, 113*, 114, 167*, 191
Петрушевский И. П. 182
Плано Карпини 150
Поршнев Б. Ф. 186
Пулад, Булад, сын Тохта-Кыйа сына Урус-хана, Джучид 251
Пуладчи дуглат, эмир 13, 42, 43, 46, 59, 167*, 168
Радлов В. В. 176, 182
Рашид ад-Дин, Фазлаллах 17, 31, 45
Риттер К. 236
Ромаскевич А. А. 14
Ромодин В. А. 21
Рубрук В. 130, 150
Рузбехан Исфахани *см.* Фазлаллах бен Рузбехан Исфахани

Рюи Гонзалес де Клавихо 21
Садр ал-Ислам, могульский эмир 107
Са'ид-хан *см.* Султан Са'ид-хан
Сайид Али дуглат, эмир, внук улусбека Худайдада 101, 110, 113, 117, 118, 123, 142, 160, 166, 169, 170, 195, 200
Сайид Ахмад-мирза дуглат, эмир 98
Сайид Мухаммад дуглат 118
Сайф ад-Дин Ахсикенти 71
Сар-Буга кипчак, эмир Тимура 66
Сарык, могульский эмир 50
Сатук-хан, Чагатаид 115
Семенов А. А. 249, 255, 258
Сенигова Т. Н. 139
Сулайман-Шах, эмирзаде, Тимурид 78
Суйунч-Ходжа-хан, сын Абулхайр-хана, Шайбанид 258
Султан Абу-Са'ид-мирза, Абу Са'ид-мирза, Тимурид 121—123, 266
Султан Ахмад-мирза, Тимурид 270
Султан Ахмад-хан *см.* Ахмад-хан
Султан Махмуд-хан, Махмудхан, сын Йунус-хана, Чагатаид 165, 166, 172, 198, 264, 270, 271
Султанов Т. И. 9, 24, 225, 249, 257
Султан Са'ид-хан, Са'ид-хан, сын Султан Ахмад-хана, Чагатаид 172, 261, 267, 271, 273
Султан Увайс барлас 107
Султан Халил-султан, сын Султан Ахмад-хана, Чагатаид 271
Таныш-султан, сын Джанибек-хана, Джучид 263
Тармаширин-хан, Чагатаид 40, 47
Тауэр Ф. 22, 28
Тахир-хан, сын Адик-султана сына Джанибек-хана, Джучид 236, 237, 253, 273
Тизенгаузен В. Г. 24
Тимур, эмир, основатель государства Тимуридов 7, 19—29, 41, 48, 49—53, 55, 61—70, 72, 74—95, 98, 110, 122, 133, 140, 141, 145, 146, 148, 184, 198, 204, 214, 220, 241, 243, 244
Тимур, сын Букана, могульский эмир 50
Тимур уйгур, наиб 118, 165
Тимур-Ходжа Акбуга 91
Тихонов Д. И. 182*
Тогон 113*
Тойнби А. 140
Толстов С. П. 139
Тохтамыш-хан, Джучид 69, 70, 72, 74
Тоглук сальдуз, могульский эмир 50
Тоглук-Тимур-хан, Чагатаид 13, 19, 22, 25, 27, 41, 43—51, 57, 59, 60, 70, 98, 108, 122, 134, 144, 148, 156, 163, 166, 172, 176, 182, 189, 196, 198, 200, 203, 240, 241, 243
Тоглук-Ходжа, брат Хаджибека аркенута 50
Той-Буга-шайх, эмир Тимура 78
Туйукан, могульский эмир 108
Тук-Тимур бахадур *см.* Улуг-Тук-Тимур кераит
Тука-Тимур, Туга-Тимур, Тукай-Тимур, сын Джучи 236, 251
Тулик дуглат, эмир 46, 205
Тулун, Тулун-Ходжа, могульский эмир 108
Увайс-хан *см.* Вайс-хан
Угэчи, киргизский хан 94
Угедэй-хан 37
Уз-Тимур-тайши, калмакский предводитель 125
Узбек-Тимур, Урунг-Тимур

кераит, могульский эмир 64
Улджай-Тимур сальдуз 106, 205
Улугбек, Улугбек-мирза, сын Шахрух-мирзы, Тимурид 27, 29, 30, 90, 95, 97, 98, 100, 101, 103, 104, 107—110, 114, 115, 117, 121, 138, 181, 205
Улуг-Тук-Тимур кераит 47, 51, 198, 204
Ульдзей-Тимур 94
Уртубу *см.* Урту-Барак
Урту-Барак, дед эмира Пулад-чи дуглата 44, 167
Уруг-оглан, могульский эмир 108, 205
Урун-Тимур *см.* Узбек-Тимур
Урус-хан, сын Бадика, Джучид 38, 55, 67, 73, 74, 100, 216, 224, 231, 242, 246, 251
Фазлаллах бен Рузбехан Исфахани 31, 157, 204, 217, 233, 234, 257, 259
Федоров-Давыдов Г. А. 24, 171
Хаджи барлас, эмир 48, 49
Хаджи-бек аркенут, Хаджи-бек аргинут 48, 50, 53, 61, 65, 71, 157, 198, 205, 241
Хаджике, сын Тулика, могульский эмир 108, 205
Хайду, Чингизид 131, 132
Хакк-Берды бекчик *см.* Хакк-Берды бекчик (канглы)
Хамза-султан 160
Хамид курлаут, эмир 51, 205, 204
Хантингтон Э. 140
Хафиз-и Абру 22, 23, 26—29, 64*, 78, 89, 91—93, 100, 102, 146, 189
Хизр-Ходжа-хан, Хизр-Ходжа-оглан, Чагатаид 25, 26, 60, 70—72, 74, 79, 83, 88, 89, 91—93, 99, 100, 115, 116, 144, 145, 155, 159, 163, 166, 176, 195, 196, 199
Хондемир, Гийас ад-Дин бен Хумам ад-Дин 26, 30, 251
Худайдад дуглат, эмир, улусбек 59, 60, 70, 93, 94*, 98, 99, 101, 102, 108, 109, 144, 147, 160—163, 166, 167*, 180, 195, 196, 199, 203
Худайдад Хусайни, эмир Тимура 78, 94
Хусайн, эмир, внук эмира Казагана 50—53
Чагатай-хан 37, 44, 156, 188*, 190, 243
Чарик-Тимур, могульский эмир 108, 205
Чингиз-хан 5, 6, 23, 35, 58, 98, 166, 167*, 180, 206, 211, 229, 244
Чулошников А. П. 249
Шади, Молла Шади 31, 235, 257
Шайбан, сын Джучи 231
Шайх Али бахадур, эмир Тимура 78
Шайх-Дарвиш кукельташ 110, 199
Шайх Нур ад-Дин, эмир Тимура 95, 96, 111
Шайх-Хайдар-хан, сын Абулхайр-хана, Шайбанид 257, 259
Шам'-и Джахан-хан, Чагатаид 25, 26, 92—94, 202
Шами *см.* Низам ад-Дин Шами
Шамс ад-Дин дуглат, эмир 53, 58, 59, 66
Шамс ад-Дин, эмир Тимура 78
Шангкум-нойон, Шангум, могульский эмир 50, 52, 157, 205
Шараф ад-Дин Али Йазди 17, 19—24, 28—30, 43, 48, 51, 53, 57, 61, 64*, 66, 67*, 74, 80, 89, 92, 128, 133, 135, 140, 145, 188, 189, 190, 238
Шах-Джахан, сын Хизр Ход-

жа-хана 92
Шах-Малик, тимуридский наместник в Туркестане 96
Шахрух, Шахрух-мирза, Тимурид 23, 27—29, 94, 96, 97, 99, 100, 102, 162
Шир-Али-оглан, сын Хизр-Ходжа-хана 92, 100
Шир-Бахрам, могульский эмир 101, 102, 162
Шир-Мухаммад-хан, Шир-Мухаммад, Шир-Мухаммад-оглан, Чагатаид 101—104, 106—108, 110, 111, 113, 142, 155, 162, 196, 205
Шир-Огул, эмир Широгул, Ширавул 43, 53, 61, 63, 205
Шихаб ад-Дин Абдаллах бен Лутфаллах бен Абд ар-Рашид, ал-Хавафи *см.* Хафиз-и Абру
Эмиль-Ходжа, сын Дува-хана 43
Энгельс Фридрих 56, 208
Эсэн-тайша *см.* Исан-тайши
Эсэху-хан 113*, 114
Юдин В. П. 10, 31, 191, 225, 238
Юнус-хан *см.* Йунус-хан
Юсуф-Ходжа, могульский эмир 51
Якубовский А. Ю. 21, 24, 52, 81, 171, 182*, 192, 219

УКАЗАТЕЛЬ

ГЕОГРАФИЧЕСКИХ И ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ [1]

Аба-Кум 68
Абиш, равнина 107, 144
Абулхайр-хана ханство 7, 8, 120, 157, 164, 169, 171, 181, 187, 190, 196, 200, 201, 209—211, 214, 217, 219, 220, 224, 226—229, 231, 232, 234—236, 243, 247, 250, 251, 261, 272, 274.
Айгыр-Йалы, местность 75
Ак-Куйаш, местность и река 107, 110
Ак-Орда, Белая Орда 7, 8, 24, 33, 38, 42, 55, 62, 67, 69, 70, 72, 73, 82, 84, 100, 101, 103, 104, 163, 169, 171, 176, 187, 201, 209—217, 219—233, 235, 236, 240, 243—246, 251, 253—256, 258, 264, 265, 274
Аксу, город 12, 13, 44, 93, 115, 118, 124, 160, 170, 239, 269
Аксу, река 4, 106
Алабуга, местность 119, 148
Ала-Куль, Алаколь, озеро 4, 76
Ала-Таг, горы 73
Ал-Кошун, местность 74
Алма-Ата 135
Алмалык, город и местность 46, 64, 73, 80, 93, 132—135, 148, 241
Алмату, Алматы, город и местность 132—135
Алтай 80, 85, 150, 241
Алтун-Куль, озеро 107

---

[1] В указатель не включены следующие названия: Казахстан, Кашгария, Киргизия, Мавераннахр, Могулистан, Семиречье, Средний жуз, Средняя Азия, Старший жуз, Юго-Восточный Казахстан.

Алтын-Сури, местность 75
Аму-Дарья, Джайхун 13, 49, 53
Андижан 12, 44, 67, 90, 103, 119, 121
Аркук, крепость 255
Арпа, река 66, 193
Арпа-Йази, местность 66, 193
Артак, Уртак, Узнак, горный переход 75
Арышлар, местность 65
Астраханское ханство 235
Атакуль 67
Ат-Баши, Атбаши, город и местность 13, 44, 66, 67, 86, 148
Ат-Баши, река 68
Атрак-Куль, озеро Балхаш 80
Аулие-Атинский уезд 239, 241
Афганистан 62, 218
Ахси 271
Ахсикент 13, 44, 90
Ашпара, Аспара, крепость 90, 91, 93, 94, 102, 107, 121*, 127, 133, 145, 148
Аягуз, река и местность 4*, 75, 76
Багдад 21
Бадахшан 70
Бай, город 93, 115, 118, 170
Байтак 66
Бакабулунг, местность около оз. Иссык-Куль 115
Баласагун, город 132, 137, 138
Балхаш, озеро 4*, 12, 37, 75, 80, 107, 143
Барскуль, озеро 12, 112
Баскан, река 4*
Берке-йи Гурийан, урочище 65
Биштобе 113
Биень, река 4*
Бильгуту, местность 102
Бишбалык, местность 93, 94
Боамское ущелье 68, 106
Большой Кемин *см.* Улуг-Кемин
Богуту, река 205
Болор 112
Бум, река 12
Бурлагу, Буралгу, Буйурлагу, Йирлагу 76
Бури-Баши, местность 74, 75
Бухара 72, 271
Верненский уезд 239
Вилайат-и могул 188
Вилайат-и Тоглук-Тимур-хан 188
Волга, Итиль 234
Восточный Туркестан 7, 11, 13, 18, 25, 42, 44, 66, 78, 79, 114, 115, 126, 145, 152, 158, 160, 161, 170, 171, 175, 184, 200, 204, 207, 226, 272
Газ, Гяз 44
Гиндукуш, хребет 50
Гобалык, местность 137
Дашт-и Кипчак, Восточный Дашт-и Кипчак, Токмак 6, 24, 25, 32—34, 39, 55, 62, 67, 70, 72, 74, 78, 82, 87, 90, 101, 111, 160, 161, 171, 190, 210—212, 215, 217, 219, 223, 231—236, 243, 245—248, 251, 252, 254—259, 261—264, 269, 272.
Джакишман 44
Джайхун, река *см.* Аму-Дарья
Джарун, река, *см.* Чарын
Джиграк 164
Джете 24, 54, 61, 67, 77, 90, 100, 107, 108, 144, 189, 190, 198, 206
Джорхан 44
Джумгал, местность 68, 160
Заилийский Алатау 4*, 135
Закавказье 82, 218
Зайсан, озеро 112
Западно-Тюркский каганат 34, 244
Золотая Орда 6, 24, 38, 39, 55, 82, 171, 172, 183, 201, 211, 212, 215, 230, 231
Египет 82, 90
Енисей 112
Ики-Огуз, Эквиус, город 132, 136
Икри-Туп, местность 255
Илан-Баши, местность 96
Или, река, долина р. Или 4*,

13, 37, 66, 73, 80, 107, 113, 114, 130, 131, 133, 134, 136, 141, 146, 147, 150, 169, 239, 241
Илибалык, Илибалы, Илибали, город и местность 114, 132, 136
Или-Иртышское междуречье 71, 85, 91, 114, 237, 261
Индия 17, 82
Иран 20, 29, 72, 74, 82, 128, 129, 218
Иртыш, река 12, 13, 37, 76, 80, 112
Иссык-Куль, крепость на оз. Иссык-Куль 90, 148
Иссык-Куль, озеро 13, 44, 68, 69, 73, 79—81, 90, 106, 107, 115, 119, 125, 139, 144, 148, 160, 174, 205
Итиль *см.* Волга
Ит-Ичмес, местность 76
Йанги 138
Йанги-Тараз, город, местность, вилайет 86, 90, 91, 93, 94, 96, 104, 121, 135, 138, 139, 141, 148, 181, 241, *см.* также Тараз
Йанги-Балык, город 138
Йатикенд, Йетти-Кент, Джетыкенд 73, 123
Йирлагу *см.* Бурлагу
Йулдуз, Юлдуз 77—79, 83, 102, 143, 144, 203
Каба-Матан 51
Казахская ССР 244
Казахский улус 259 *см.* Казахское ханство
Казахское ханство 5, 7, 8, 10, 13, 15, 74, 127, 157, 164, 190, 194, 196, 203, 209, 215, 217, 224, 225, 228, 246—251, 254, 256, 257, 259—265, 268, 272—274
Калмак, страна 125
Кара-Арт, перевал 78
Карабулак, местность 79, 101
Караган, местность 76
Кара-Гучур, местность на Таррагатае 76, 77
Кара-Касмак, Кастекский перевал 66
Каракол 160
Каратал, река 12, 73, 80, 130, 133, 241
Каратау, хребет 4, 75, 76, 240, 270
Кара-Тобе 65
Каратур, перевал 79
Караханидов государство 34
Кара-Ходжа 77, 79, 89
Кашан 44
Кашгар, город 12, 13, 44, 46*, 67, 89, 90, 101—103, 115, 118, 123, 124, 135, 139, 203, 239
Каялык* (Койлык, Каялыг, Киялык), город и местность 132, 136
Кзылсу, река 106
Кенджек, Кенджде, город 131*, 138
Кетментау, Кетмен-тепе, Кетменские горы 4*, 108, 205
Келес, река 239
Кеш, город и вилайет 48, 49, 51
Киргизская ССР 5
Китай 27, 81, 89—94, 102, 103, 119, 145, 149, 196
Кичик Йулдуз 143 *см. также* Йулдуз
Кобук, река 76
Козы-Баши, местность 251
Кой-Мараг, местность 76
Кой-Суй, местность 148
Кок-Кашане 125
Кок-Орда 25, 38
Кок-Сали 75
Коксу, река 4*
Кок-Тобе 65, 69, 80, 144
Кокча-Тенгиз, озеро 12, 13 *см.* Балхаш
Кочкар, река и местность 68, 160
Кульджа, город 134
Кунгес, река 78, 79, 102, 106, 143
Кундуз 49
Курдай, местность 251
Кусан *см.* Куча
Куча, город 44, 93, 115, 118, 160, 170
Куэнь-Лунь 112

Кийан-Кази 75
Лакнау, город 30
Лахор, город 29
Лепсу, река 4*
Манаса гумбез 148
Манглай-Субе 13, 44, 70, 118, 166, 167*, 171, 199, 203, 269, 272
Могулия 184, 265, 272
Могульский улус 24, 42, 65, 188
Монголия 62, 119, 150, 218, 241
Монгольская народная республика 7
Мын-Булак, Минг-Булак, местность 113
Нарын, река 13, 118, 119
Ногайская Орда 8, 224, 226, 228, 230, 232, 234
Отрар 36, 73, 92, 97, 104, 131*, 135*, 181, 214, 215, 217, 224, 239, 270
Поволжье 5, 6, 226
Приаралье 249, 254, 255
Прииссыккулье 7, 64, 68, 227, 239, 268
Присырдарья 96, 103, 112, 125, 146, 152, 170, 215, 234, 236, 255, 261, 269, 270, 272
Пул-и Сангин 50
Рум 90
Русь, Русское государство, Россия 6, 37, 82, 218, 226
Садыр-Курган 145
Сайрам, город и вилайет 13, 65, 73, 86, 90, 92, 94, 96, 102, 104, 111, 121, 125, 137, 141, 176, 181, 215, 241, 269
Самарканд 50, 53, 54, 57, 59, 66, 67, 72, 79, 89, 271
Сарай-Ордам 77
Саркан, река 4*
Сауран, город и вилайет 92, 96, 97, 104, 181, 214
Сарыг-Уйгур 13, 44
Сайхун, река *см.* Сыр-Дарья
Сегиз-Игач, местность 64
Селенга, река 37
Сибирское ханство 235
Сибирь 6
Сузак, город и вилайет 120, 255
Сыгнак 36, 73, 97, 103, 120, 125, 215, 255
Сыр-Дарья, Сайхун, река 13, 70, 90, 97, 111, 120, 125, 234, 240, 255, 269
Талас, Талаш, река, долина р. Талас 4*, 73, 104, 106, 121, 132, 133, 137, 145, 148, 174, 239, 254, 259, 263
Тараз, также Йанги, Йанги-Тараз, Старый Талаш, город, местность, вилайет 73, 86, 90, 91, 93, 94, 96, 131*, 132, 134, 135, 138, 139, 145, 147—149, 176
Тарбагатай 4*, 37, 71, 76, 112, 241
Тарбукур 44
Тарим 93
Таш-Ариги 51, 204
Таш-Рабат, перевал 148
Ташкент 12, 13, 44, 47, 51, 52, 63, 84, 92, 94, 102, 121, 125, 131*, 165, 170, 176, 269, 271
Тегеран 26
Текелик, река 73
Текес, река 78, 106—108, 143
Тибет 18
Тик-Турмас, мавзолей 148
Токмак 101 *см.* Дашт-и Кипчак
Тубалик, курук 75
Туркестан, город и вилайет (также Ясы, Йасы) 12, 55, 70, 77, 92, 95, 96, 97, 111, 112, 120, 121, 125, 146, 152, 163, 170, 210, 214, 217, 219, 236, 246, 257, 272.
Турфан 12, 89, 103, 112—114, 163, 271
Турция 82, 218
Тянь-Шань 4*, 6, 7, 11, 13, 15, 23, 32, 42, 61, 68, 72, 80, 84, 85, 87, 100, 121, 122,

126, 170, 184, 203, 206, 227, 229, 244, 260, 262, 264, 265, 268, 269, 271—273
Узбекистан (Казахстан) 13
Узбекский улус *см.* Абулхайр-хана ханство
Узгенд 27, 120
Уйгурское государство 89
Улан Чарлик, Улаг-Чарлиг, местность 75
Улуг-Йулдуз 143, *см. также* Йулдуз
Улуг-Кемин 106, 107
Улуг-Кул, местность 78, 107
Улус Бату 190
Улус Берке 190
Улус Джучи 6, 37—39, 81, 159, 190, 226, 233
Улус-и могул 190
Улус Тоглук-Тимур-хана 190
Улус Узбека 190
Улус Чагатая *см.* Чагатайский улус
Улус Хизр-Ходжа-хана 190
Урунг-Йар, местность 75
Уч, Уч-Турфан 66
Уч-Фирман 93, 193
Фарс 25, 99
Фергана, вилайет 12, 13, 44, 45, 67, 72, 73, 89, 93, 94, 96, 111, 119, 123, 124, 131*, 134, 135, 152, 163, 170, 268
Франков страна 90
Хами, город Комул 113, 163
Хангайские горы 112
Ходженд 94
Хорасан 48, 49, 99
Хоргос 134
Хорезм 6, 67, 139, 164
Хотан 13, 44, 90, 93, 103, 169, 170
Худжарат 51
Центральная Азия 140
Чагатаидское государство 35, 39—42, 44, 47, 49, 54, 124, 127, 131—133, 140, 172, 181, 188*, 189*, 212, 215, 239
Чагатайский улус 6, 12, 37, 39, 40, 55, 82, 131, 134, 183, 190, 211, 226, 233, 239, 244
Чалыш 12, 79, 164, 271
Чарын, река 65, 107, 144
Чатыр-куль, озеро 148
Чилик, река 107, 144
Чимкентский уезд 239
Чинас 52
Чирчик, река 270
Чу, река, долина р. Чу 13, 73, 75, 107, 109*, 119, 125, 132, 133, 137, 139, 145, 174, 239, 241, 251, 254, 259, 263
Чуйлик *см.* р. Чу
Чукчун, местность 77
Шара, местность 76
Шахрисябз, город 48
Шахрухия, город 92, 125
Шаш *см.* Ташкент
Шельджи, город 147
Шибарту, Шипарту, местность 76
Эквиус *см.* Ики-Огуз
Эмиль, река, местность 12, 13, 71, 78, 112, 241
Эмиль-Гучур, местность 77
Янги-Тараз, Янги *см.* Йанги-Тараз
Яркенд 13, 44, 169
Ясы *см.* Туркестан

УКАЗАТЕЛЬ ЭТНИЧЕСКИХ И ЭТНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ И ДИНАСТИЙ

Албаны 238
Аргинут (аргинуд, аркенуд) 15, 48, 69, 71, 72, 191, 192, 203, 238
Аргыны 231, 238, 241
Арлаты 192, 193, 242, 270

Аштарханиды 140
Баарины, бахрины, барины 15, 69, 75, 106, 107, 117, 119, 192, 193, 238
Балуки 93
Балыкчи 238
Барласы 192, 242, 243
Бекчики (канглы) 119, 192, 193, 238, 240, 242
Булгачи 15, 69, 78, 85, 120, 192, 193
Буркут 232
Буруты 237 *см.* киргизы
Великие Моголы 17
Даруга, аймак 169
Джалаиры *см.* жалаиры
Джат 232
Джете 77, 106, 109, 141, 189*, 191, 194
Джунгары *см.* калмаки (ойраты)
Джурасы *см.* чурасы
Джучиды 39, 175, 190, 194, 232, 236, 246, 251, 252, 255, 274
Дугласы 13, 15, 17, 19, 42—46, 60, 61, 98, 106, 108, 115, 117, 118, 156, 166, 168, 169, 171—173, 192, 193, 195, 200, 238—241, 245, 269
Дулаты 15, 44, 85, 238, 239, 254
Дулу 238, 239
Дурман 233
Жалаиры, джалаиры 15, 67, 238, 241—243
Итарджи, итарчи 164, 192, 195
Казахи 4, 7, 16, 45, 85, 192, 194, 203, 204, 211, 212, 217, 222, 224, 225, 228—230, 233—238, 240, 244, 247—249, 251, 253—255, 258—262, 266—268, 270, 272—274
Калмаки (ойраты) 12, 43, 63, 71, 94, 98, 103, 111—116, 119, 124, 125, 140, 169, 244, 264, 266, 269
Калучи 120, 192, 270
Канглы 15, 33, 48, 85, 192, 203, 238, 240, 242, 245, 247, 254
Канглы (канды) 238*
Каракалпаки 211
Каракитаи 239
Караунас 189* *см.* Чагатаи
Караханиды 34, 239, 244
Карлуки 232, 239, 244
Каучин 242
Кенегес 233
Кераиты 15, 48, 64, 106, 192, 203, 238, 240, 241, 245 *см.* также кереи
Кереи (керей) 15, 85, 231, 232, 238*, 241, 254
Кимаки 34
Кипчаки (кыпчаки) 67, 230, 231—233, 235, 240, 245
Киргизы 7, 9, 13, 17, 71, 84, 85, 192, 203, 211, 212, 223, 227—229, 237, 238, 244, 245, 247, 268—273
Кият 232
Кончи 120, 123, 164, 192, 193, 195
Кошчи 232
Кука-аймак 169
Кунрат (кунграт, конграт) 232
Курлаут 192, 233
Кушчи 164, 192, 195, 199, 238
Маджар 233
Манак 243
Мангыты 232, 234
Мекрит (меркит) 192, 194
Могулы (моголы) 12, 14, 15, 17, 42, 50, 51, 53, 54, 57, 66, 69, 77, 84—86, 91, 97, 98, 100, 106, 108, 109*, 121, 124, 143, 144, 188, 189*, 191, 193, 204, 205, 222, 228, 229, 232, 243—245, 269
Монголы 14, 36, 37, 40, 78, 80, 84, 85, 129—131, 135, 138, 154, 181, 188, 207, 208, 230
Найманы 232, 245
Ногайцы (ногаи, ногайлы) 228, 234, 245

Ойраты *см.* калмаки
Сары-уйсин (сары-уйсуни) 238, 241
Суаны 238
Сырманак 243
Таймас 233
Тангут 233
Татары 130
Тимуриды 13, 20, 27, 29, 31, 63, 64*, 75, 82, 85, 89, 91—94, 96—101, 103, 104, 106, 107, 109—111, 115, 116, 118, 121—123, 140, 142, 143, 152, 165, 184, 196, 198, 204, 214, 216, 220, 255, 264, 266, 268
Туркат, аймак 169
Туркмены 211
Тюрки 14, 40, 47, 51, 85, 205
Узбек, аймак 169
Узбеки 9, 17, 135, 192, 211
Узбеки Восточного Дашт-и Кипчака, кочевые узбеки 120, 228, 231—236, 245, 248, 264
Узбек-казахи (узбек-казаки) 228, 235, 236, 249, 250
Уйгуры 204, 228, 233, 238
Уйрат (ойрат?) 233
Уйсин (уйшин, уйсун) 232, 242
Уйсуни 15, 85, 240—242
Усуни 33, 242, 249
Утарчи 232
Хибат-ширасут, аймак 169
Хитай 233
Хулагуиды 29, 172
Чагатаи 189*
Чагатаиды 19, 39, 43, 45, 51, 55, 62, 64, 172, 175, 216, 273, 274
Чимбай 232
Чингизиды 42, 43, 52, 122, 155, 180, 251
Чуманак 243
Чурасы (чорасы) 108, 117, 119, 192, 270
Шадбаклы 233
Шайбаниды 140, 163, 233, 234, 236, 249, 258, 259, 261, 270, 272
Шункарлы 233

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение. Проблема, ее разработка, обзор источников . 3
Глава 1. Политическая история Юго-Восточного Казахстана во второй половине XIV в. 33
Образование Могулистана 33
Внутренняя и внешняя политика первых ханов Могулистана 41
Борьба населения Юго-Восточного Казахстана против захватнической политики эмира Тимура в последней трети XIV в. 62
Глава 2. Юго-Восточный Казахстан в период феодальной раздробленности Могулистана в первой половине XV в. 88
Усиление феодальных усобиц во второй четверти XV в. 116
Глава 3. Некоторые вопросы состояния хозяйства и социально-экономических отношений в Юго-Восточном Казахстане XIV—XV вв. 127
Хозяйство. Упадок городов и земледелия 127
Феодальные отношения: характер землевладения и классы 153
Государственный строй 187
Глава 4. Образование Казахского ханства и распад Могулистана 210
Предпосылки для образования Казахского ханства . . . 210
Образование Казахского ханства в Семиречье и распад Могулистана 246
Указатель имен 275
Указатель географических и историко-географических названий 281
Указатель этнических и этно-политических названий и династий 296

ИБ № 127

Клавдия Антоновна Пищулина

ЮГО-ВОСТОЧНЫЙ КАЗАХСТАН В СЕРЕДИНЕ XIV — НАЧАЛЕ XVI ВЕКОВ

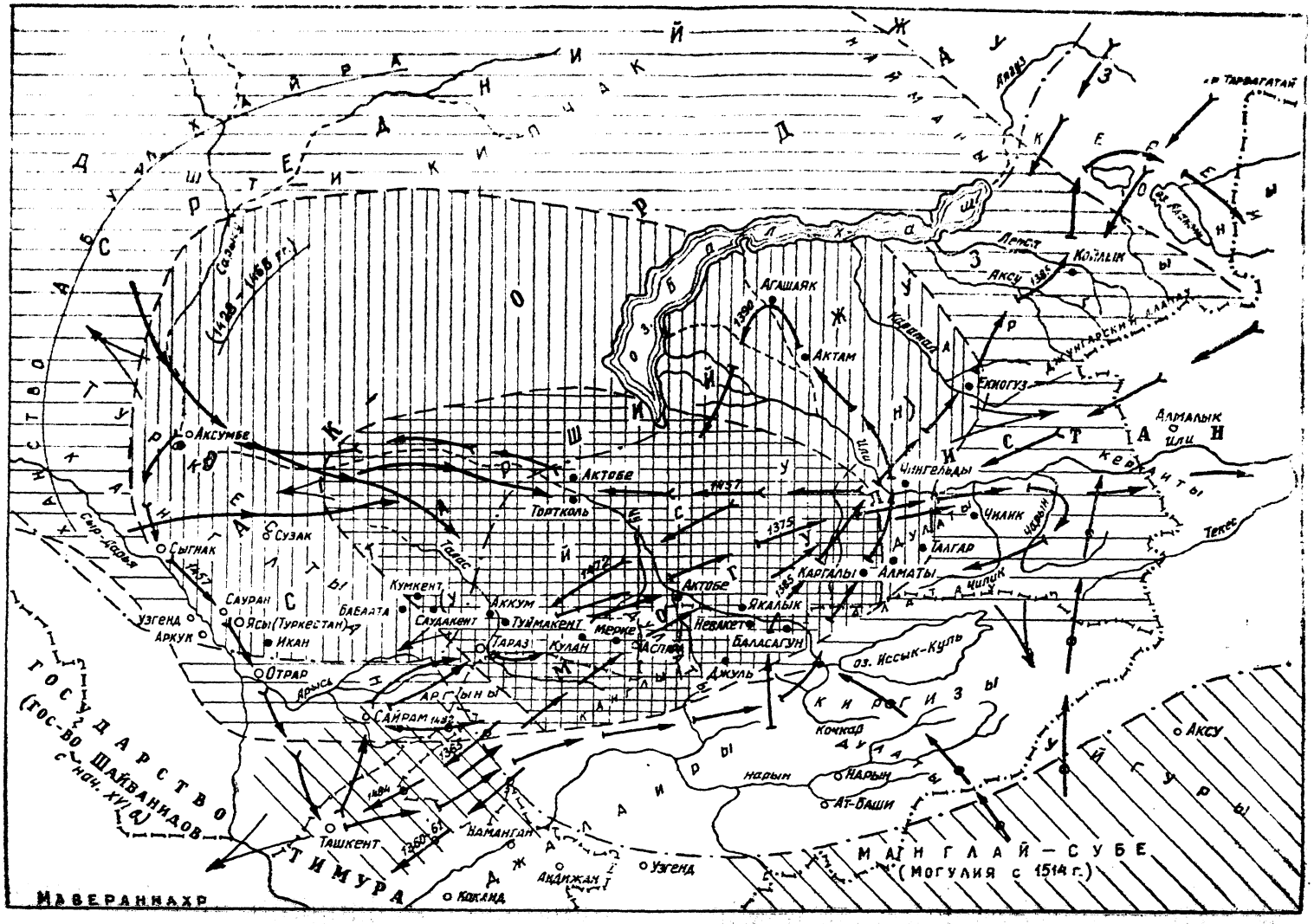
(Вопросы политической и социально-экономической истории)

Утверждено к печати Ученым советом Института истории, археологии и этнографии им. Ч. Ч. Валиханова Академии наук Казахской ССР

Редактор *Л. И. Дробжева*, худож. редактор *А. Б. Мальцев*, оформление художника *И. З. Уразаева*, техн. редактор *В. К. Горячкина*, корректоры *Т. П. Казанникова*, *Н. А. Васько*

Сдано в набор 4/II 1977 г. Подписано к печати 5/V 1977 г. Формат 84×108$^{1}/_{32}$. Бумага № 1. Усл. печ. л. 15,2. Уч.-изд. л. 15,4 (1 вклейка). Тираж 1300. УГ01047. Зак. 19. Цена 2 р. 40 к.

Издательство «Наука» Казахской ССР. Типография издательства «Наука» Казахской ССР. Адрес издательства и типографии: 480021, г. Алма-Ата, ул. Шевченко, 28.

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

- • БАБААТА — Города, разрушенные в XIII–XIV вв.
- Примерная граница Ак-Орды, могулистана и государства Тимура
- Походы Тимура в Могулистан
- Поход Улугбека в Могулистан в 1425 г.
- Набеги ойратов (калмаков) в XV в.
- Откочевки Джанибека, Гирея и части казахских племен в Семиречье в конце 50-60 годов XV в.
- Походы могульских ханов XVI в
- Территория могульских ханов
- Казахские ханства в середине 60-х годов XV в.
- Примерная территория Казахского ханства в конце XV в.
- Расширение Казахского ханства при Касым-хане в 1 четверти XVI в.
- Походы казахских ханов
- КАНГЛЫ — Примерное расселение племен и народностей в XIV–XV вв.